

А. И. ПАРОВ

Вина в советском уголовном праве

Научный редактор — заслуженный юрист РСФСР,
доктор юридических наук,
профессор **Б. В. Здравомыслов**

Монография посвящена актуальной проблеме, имеющей большое теоретическое и практическое значение не только для уголовного, но и для других отраслей права. В работе отмечаются несовершенство законодательного решения некоторых вопросов вины и имеющиеся недостатки в правоприменительной практике, а также обосновываются некоторые предложения по совершенствованию ряда уголовно-правовых норм и рекомендации для практической деятельности правоохранительных органов.

Второй раздел монографии посвящен рассмотрению специальных вопросов вины.

Законодательство отражено по состоянию на 1 февраля 1987 г.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических факультетов, а также работников правоохранительных органов.

Рецензенты:

кафедра уголовного права и процесса Университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор юридических наук *О. Ф. Шишов*

ВВЕДЕНИЕ

«Совершенствование правовой сферы экономической и общественно-политической жизни страны приобретает все большее значение в современных условиях...

Законность и правопорядок представляют собой основу нормальной жизни общества, всех его членов»¹.

Вопросу укрепления режима социалистической законности и совершенствования правовой основы советского общества было уделено самое серьезное внимание на XXVII съезде КПСС. Программа КПСС в новой редакции, принятой на съезде, провозглашает, что «предметом постоянной заботы партии были и остаются укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, неуклонное соблюдение социалистической законности и правопорядка, улучшение работы органов правосудия, прокурорского надзора, юстиции и внутренних дел»². Подчеркивая возрастание роли советского законодательства во внедрении экономических методов управления, в осуществлении действенного контроля за мерой труда и потребления, в реализации принципов социальной справедливости, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев обратил особое внимание на роль советских законов в борьбе с преступностью: «Неизменной задачей остается использование всей силы советских законов в борьбе с преступностью и другими правонарушениями, чтобы люди в любом населенном пункте чувствовали заботу государства об их покое и неприкосновенности, были уверены, что ни один правонарушитель не уйдет от заслуженного наказания»³.

Принятое в ноябре 1986 г. постановление ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» по-новому

¹ Горбачев М. С. Доклад комиссии законодательных предположений о проектах Закона СССР о Верховном Суде СССР, Закона СССР о прокуратуре СССР, Закона СССР о государственном арбитраже в СССР и Закона СССР об адвокатуре в СССР // Приложение к журналу «Социалистическая законность». — 1980. — № 1. — С. 3.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986. — С. 48.

³ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986. — С. 78.

осветило все грани социалистической законности. Если прежде при ее трактовке в первую очередь обращалось внимание на необходимость строжайшего соблюдения советских законов всеми органами, учреждениями, должностными лицами и гражданами, то названное постановление подчеркнуло необходимость всемерной охраны прав и законных интересов граждан, предложив рассматривать малейшее их нарушение как грубое попрание социалистической законности с обязательным привлечением виновных к ответственности. В этом документе намечены основные контуры задачи по перестройке практики дальнейшего укрепления социалистической законности в стране.

Новый мощный импульс к постановке и решению задачи перестройки системы уголовного законодательства, форм и методов практической деятельности правоохранительных органов дал январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС. В принятом на нем постановлении говорится: «Пленум придает большое значение разработке и принятию новых законодательных актов, повышению роли советского суда, строгому соблюдению принципа независимости судей, решительному усилению прокурорского надзора, совершенствованию работы следственных органов, всех путей и средств охраны интересов Советского государства, обеспечения прав и свобод граждан»⁴.

Задачи укрепления и совершенствования социалистической законности могут успешно решаться только совместными усилиями юридической науки, законотворческой и правоприменительной практики. Поэтому, как подчеркивалось в постановлении Центрального Комитета КПСС от 2 августа 1979 г. «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с преступностью и правонарушениями», научно-исследовательская деятельность должна быть подчинена решению практических задач по усилению борьбы с преступностью и правонарушениями, что предполагает тесную связь фундаментальных и прикладных научных исследований с потребностями практики. Для юридической науки это требование означает необходимость сосредоточить усилия на глубоком и всестороннем исследовании важнейших проблем Советского государства и права и на базе этого разработать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию как советского законодательства, так и практики его строгого и единообразного применения.

Любой закон, любая правовая норма должны применяться в точном соответствии с их буквой и духом. Правильное применение правовых норм возможно при неуклонном соблюдении двух условий: во-первых, должны быть правильно поняты цель издания, смысл и буква данной нормы; во-вторых, должно быть бесспорно установлено наличие всех необходимых предпосылок для применения этой нормы, с тем чтобы конкретный жизненный случай полностью соответствовал его описанию в законе.

⁴ Коммунист. — 1987. — № 3. — С. 57.

Поведение человека представляет органическое единство внешней (физической) и внутренней (психологической) сторон. В этом плане не составляет исключения и противоправное поведение, то есть правонарушение. Поэтому правонарушения описываются в нормативных актах с помощью признаков, характеризующих не только внешнюю, но и внутреннюю сторону противоправного поведения. И каждый из этих признаков должен быть исчерпывающе исследован в случаях применения правовой нормы компетентным органом, чтобы юридическая характеристика конкретного правонарушения полностью совпадала с законодательной характеристикой данного вида правонарушений.

Главным юридическим признаком, характеризующим психологическую сторону правонарушения, является вина. Наряду с проблемами ответственности и причинной связи проблема вины является общетеоретической и имеет большое значение для различных отраслей права. Поэтому вопросы вины исследовались представителями различных отраслей советской юридической науки⁵. Дальнейшая теоретическая разработка этой проблемы приобретает особое значение в свете закрепления непосредственно в Конституции СССР принципа социалистической законности (ст. 4) и принципа виновной ответственности (ст. 160). Однако наибольшее значение проблема вины имеет для уголовного права, поскольку малейшее отступление от принципа вины в применении уголовного закона может повлечь тяжкие нарушения социалистической законности и причинить подчас неустрашимый вред. Еще в прошлом веке было подмечено, что «учение о виновности и его большая или меньшая глубина есть как бы барометр уголовного права. Оно — лучший показатель его культурного уровня»⁶. Столь высокая оценка роли учения о вине полностью применима и к советской юридической науке, в которой учение о вине — это «узловой вопрос теории уголовного права»⁷. Как подчеркнул один из крупнейших советских теоретиков уголовного права, «учение о вине является одной из важнейших частей теории советского уголовного права. Без вины не может быть уголовной ответственности по социалистическому уголовному праву. Правильное понимание вины имеет большое значение в борьбе за укрепление социалистической законности»⁸.

Вопросам вины в уголовном праве уделялось и уделяется достаточно серьезное внимание. В 20-х и первой половине 30-х годов в советской юридической печати широко обсуждался вопрос о при-

⁵ См.: Матвеев Г. К. Вина в советском гражданском праве. — Киев, 1955; Луцев А. Е. Административная ответственность за правонарушение. — М., 1961; Додин Е. В. Основание административной ответственности. Автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 1965; Хвостов А. М. Вина в советском трудовом праве. — Минск, 1970, а также др.

⁶ Фельдштейн Г. С. Природа умысла. — М., 1898. — С. 2.

⁷ Эстрин А. О вине и уголовной ответственности /Советское государство и право. — 1935. — № 1—2. — С. 108.

⁸ Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. — М., 1961. — С. 301.

емлемости самого понятия вины для социалистического уголовного права, о соотношении вины с умыслом и неосторожностью, а также о содержании этих понятий⁹. Следует заметить, что противники вины не получили сколько-нибудь серьезной поддержки. Выход в 1950 г. монографии Б. С. Утевского «Вина в советском уголовном праве» и Т. Л. Сергеевой «Вопросы вины и виновности в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам» вызвал оживленную дискуссию, продолжавшуюся до середины 50-х годов. Затем почти на десятилетие серьезные теоретические исследования вины были прерваны. С середины 60-х годов возобновилась интенсивная разработка проблем вины. Одни ученые исследовали субъективную сторону преступления как комплексную проблему (П. С. Дагель, Р. И. Михеев, Ш. С. Рашковская, К. Ф. Тихонов и др.), другие разрабатывали теорию умысла либо неосторожности (М. С. Гринберг, Ю. А. Демидов, Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров, В. Г. Макашвили, М. Г. Угрехелидзе и др.), третьи изучали проблемы мотива и цели в уголовном праве (Б. С. Волков, Б. А. Викторов, А. В. Наумов, Б. Я. Петелин, Б. В. Харазашвили и др.), четвертые проводили криминологические исследования неосторожной преступности как структурной части преступности в целом (П. С. Дагель, В. Е. Квашиш, В. А. Серебрякова и др.) либо занимались иными узкими аспектами проблемы вины в уголовном праве.

Несмотря на большое количество научных работ, посвященных субъективной стороне преступления, проблема вины еще далеко не исчерпана. Достаточно сказать, что с 1950 г. вышла в свет лишь одна монография, специально посвященная исследованию вины как самостоятельного уголовно-правового явления¹⁰, причем в ней анализировались, разумеется, не все аспекты рассматриваемой проблемы. За последние два десятилетия при исследовании субъективной стороны преступления криминологи стали широко использовать достижения советской психологической науки. Это вполне оправданно, поскольку вина — это юридическое понятие с вполне определенным психологическим содержанием. При ее исследовании недопустима чрезмерная юридизация, то есть недооценка, реальных психических процессов, связанных с совершением преступления. Но не менее вредна и излишняя психологизация вины, игнорирование ее юридической сущности и формальных признаков, сформулированных в уголовном законе¹¹.

Исследователи не раз указывали на несовершенство законодательных определений умысла и неосторожности, которые не охватывают всех возможных вариантов интеллектуально-волевых процессов, связанных с совершением преступления, и не всегда позво-

ляют провести четкие границы между различными модификациями умышленной и неосторожной вины. Это влечет различия в методах теоретического исследования субъективных признаков преступления советскими учеными. Как справедливо отмечено И. И. Карпецом, «к сожалению, сейчас уже нередко видно вольное толкование таких, например, институтов уголовного права, как субъективная сторона преступления, вина, цели, мотивы и т. д.»¹².

Неоднозначное решение различных аспектов вины характерно не только для теории уголовного права, но и для практики применения уголовного закона. Еще встречаются случаи осуждения за причинение вредных последствий без вины, нередки факты неправильной квалификации деяния из-за ошибочного вывода о форме вины, неверной оценки мотивов и целей преступления, а также назначения наказания, не соответствующего степени вины правонарушителя. Удельный вес подобных ошибок в общей массе судебных ошибок довольно высок и по данным некоторых ученых составляет от 20% до 50%.

Они могут быть обусловлены различными причинами.

Во-первых, процесс установления и доказывания признаков субъективной стороны преступления, как правило, представляет больше трудностей, чем процесс доказывания объективных обстоятельств преступления. К тому же лицо, совершившее общественно опасное деяние, чаще всего пытается представить свои действия как невиновные либо как неумышленные и тем самым затрудняет процесс познания следователем или судом субъективного содержания преступления.

Во-вторых, законодательное описание многих преступлений не содержит четкой юридической характеристики субъективной стороны, что не способствует единообразному и однозначному пониманию психологического содержания данного вида преступлений со стороны работников судебно-следственного аппарата.

В-третьих, со стороны ряда работников правоприменительных органов иногда наблюдается недооценка значения субъективных признаков преступления как факторов, оказывающих существенное влияние на квалификацию преступления и на назначение наказания. Вопрос о форме и содержании вины нередко исследуется поверхностно либо вообще не анализируется в приговоре суда. Так, выборочное изучение уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 140 и ст. 152 УК РСФСР, показало, что в большинстве случаев органы предварительного расследования и суды не исследовали вопроса о форме вины, с которой были совершены преступления, хотя оба упомянутые вида преступлений могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности; что, безусловно, должно отражаться на мере наказания.

В-четвертых, в ряде случаев суды характеризуют в приговоре умысел и неосторожность с помощью формулировок, не совпадающих с законодательным описанием умысла и неосторожности, а

⁹ См., напр.: Шишов О. Ф. Становление и развитие науки уголовного права в СССР. — Вып. 1. — М., 1981. — С. 79—81.

¹⁰ Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве. — Владивосток, 1969.

¹¹ Примером такого уклона в сторону чрезмерной психологизации вины может служить книга Бежана Хорнабуджели «Психологическая сторона вины» у Тбилиси, 1981).

¹² Карпец И. Криминология. Проблемы и перспективы//Социалистическая законность. — 1985. — № 11. — С. 26.

это затрудняет вышестоящим судебным органам проверку правильности выводов суда о субъективной стороне преступления, содержащихся в приговоре.

Перечисленные и некоторые другие причины судебных ошибок, связанных с неправильной оценкой вины, в значительной мере затрудняют единообразное применение уголовно-правовых норм и не способствуют уважительному отношению к судебному приговору.

На современном этапе развития уголовно-правовой науки задача состоит не только и не столько в углублении и дальнейшем развитии общей теории вины, сколько в создании прикладной теории вины, то есть в разработке научно обоснованных рекомендаций по практическому применению важнейших положений общей теории вины к основным понятиям, институтам и нормам уголовного права, в частности к нормам его Особенной части.

Настоящая работа имеет задачей обобщить и критически проанализировать взгляды советских ученых по наиболее существенным вопросам общей теории вины, изложить и аргументировать авторскую концепцию в ряде ее аспектов, а затем на базе общей теории вины разработать некоторые практические рекомендации по применению законодательных формулировок умысла и неосторожности для квалификации преступлений и для обоснования уголовной ответственности за общественно опасные деяния с учетом особенностей их законодательного описания. Не претендуя на полноту рассмотрения всех проблем, автор в порядке постановки вопроса касается лишь некоторых аспектов прикладной теории вины, полагая, что дальнейшее ее развитие станет одной из задач советских ученых-правоведов. Поставленной задачей определяется и структура монографии. Первый раздел — «Общая теория вины» — содержит анализ отдельных форм и видов вины, а также ее общего понятия и основных характеристик. Второй — «Специальные вопросы вины» — посвящен анализу психического содержания вины применительно к отдельным институтам Общей части и к отдельным группам и видам преступлений, предусмотренных Особенной частью советского уголовного законодательства.

Традиционной для изучения проблем вины является такая последовательность, при которой сначала рассматривается общее понятие вины и характеризующих ее категорий (содержание, форма, сущность, степень), а затем — комплекс вопросов, связанных с умыслом и неосторожностью. Такой метод был бы вполне приемлемым, если исходить из понимания вины как родового понятия по отношению к умыслу и неосторожности. Между тем такое понимание вовсе не является всеобщим. Разные ученые неодинаково определяют содержание вины и ее место в субъективной стороне преступления. Одни рассматривают вину как один из признаков субъективной стороны преступления наряду с мотивом и целью, другие включают мотив и цель в содержание вины наряду с умыслом и неосторожностью и тем самым отождествляют вину с субъективной стороной преступления, а у третьих мотивы и цели оказываются составными элементами умысла. Это вызывает массу разночтений в толковании психического содержания умысла и неосторожности и порождает обилие теоретических концепций, которое существенно затрудняет практическое применение юридических признаков, характеризующих субъективную сторону преступления.

Для выяснения вопроса о соотношении вины с умыслом, неосторожностью, мотивом и целью более плодотворным представляется путь исследования, начинающийся с анализа умысла и неосторожности и завершающийся последующим синтезом их наиболее существенных признаков в общем понятии вины. Такой метод позволит установить, имеется ли в объеме умысла и неосторожности место для каких-либо психологических явлений, кроме сознания и воли, а также решить вопрос, остается ли в содержании вины место для мотива и цели за рамками умысла и неосторожности. Поставленной задачей и избранным методом исследования определяется структура первого раздела данной работы: две первые главы содержат анализ умысла и неосторожности, а третья посвящена общему понятию вины.

Еще в прошлом столетии умысел рассматривался некоторыми юристами как основная форма вины, а неосторожность — как бы в качестве дополнения к умыслу. Это, конечно, не означает, что умысел — это полноценная, а неосторожность — какая-то ущербная форма вины. Просто умышленная вина встречается в законодательстве и в реальной жизни во много раз чаще, чем неосторожность. Так, выборочное исследование, проведенное в шести краях и областях РСФСР, показало, что среднегодовой показатель удельного веса умышленных преступлений составил 90—92%, а из числа умышленных преступлений 88—90% совершались с прямым умыслом. Этим обуславливается необходимость сосредоточить основное внимание на борьбе с умышленными преступлениями, не умаляя при этом опасности неосторожной преступности. Отсюда — важность дальнейшей теоретической разработки умысла как формы вины, основу которой должен составить углубленный анализ психологического содержания умысла.

§ 1. Сознание как элемент умысла

Ст. 8 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик характеризует умысел как такое психическое отношение, при котором виновное лицо «сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий». Очерченными в законе границами и должны определяться рамки исследования психологического содержания умысла.

Попытки определить предметное содержание интеллектуального и волевого элементов умысла предпринимались еще в дореволюционной науке уголовного права. Так, например, А. П. Чебышев-Дмитриев писал: «Как воля главным образом относится к действию, так знание главнейшим образом относится к последствию»¹. По мнению Н. Д. Сергеевского, «субъективная виновность» имеет место, если лицо «действительно понимало свойства совершаемого, действительно предусматривало или предвидело последствия, действительно сознавало запрещение закона и действительно имело возможность принять это запрещение в руководство своей деятельностью»². Э. Я. Немировский ограничивал умысел сферой сознания, которую называл преступным настроением и в которую включал: 1) знание обстоятельств, из которых складывается объективная сто-

рона преступления; 2) предвидение последствий, хотя бы в форме возможности их наступления; 3) представление о способе наступления последствий; 4) сознание противоправности деяния³.

Следует, однако, отметить, что попытки отдельных русских криминалистов определить предметное содержание умысла не могли привести к глубокой разработке этого вопроса, ибо они не опирались на материальное понятие преступления, не содержали исследования социальных свойств отдельных признаков преступного деяния, не учитывали диалектики соотношения сознания и воли человека.

Вопрос о предметном содержании умысла как одной из форм вины подвергся достаточно глубокому исследованию только в советской юридической науке, особенно в последние два десятилетия. Советские ученые разрабатывали вопросы вины и ее форм на основе марксистско-ленинской теории отражения, учитывая последние достижения в области психологической науки.

В советской теории уголовного права общепризнано положение: «Содержание умысла является не чем иным, как определенным отражением психикой виновного объективных свойств совершаемого общественно опасного деяния»⁴. В соответствии с этим положением «содержание умысла определяется совокупностью тех фактических обстоятельств, объективных признаков преступления, имеющих значение для квалификации преступления и индивидуализации ответственности преступника, которые отражаются сознанием виновного, охватываются его умыслом»⁵.

Следовательно, предметом сознания как элемента умысла являются прежде всего те фактические обстоятельства, из которых складывается общественно опасное деяние. Но в то же время «умысел — понятие с социальным содержанием, ввиду чего сознание одних только фактических элементов не может обосновать ответственности лица за умышленное преступление»⁶. Умысел представляет собой отражение в психике человека важнейших фактических и социальных свойств преступного деяния. Поскольку же главным социальным признаком такого деяния, определяющим его материальное содержание, является общественная опасность, то в содержание умысла прежде всего входит сознание общественно опасного характера деяния. Из этого вытекает, что предметом сознания при умысле являются, во-первых, фактическое содержание совершаемого деяния и, во-вторых, его социальное значение. Правда, в законодательном определении умысла говорится

³ Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. — Одесса, 1917. — С. 271—272.

⁴ Демидов Ю. А. Предметное содержание умысла по советскому уголовному праву // Труды ВШ МООН. — М., 1965. — № 12. — С. 27—28.

⁵ Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. — Воронеж, 1974. — С. 83. См. также: Дагель П. С. Понятие вины в советском уголовном праве // Материалы XIII научной конференции ДВГУ. — Ч. 4. — Владивосток, 1968. — С. 125.

⁶ Никифоров Б. С. Об умысле по действующему законодательству // Советское государство и право. — 1965. — № 6. — С. 30.

¹ Чебышев-Дмитриев А. Русское уголовное право. Лекции. — С-Пб, 1866. — С. 137.

² Сергеевский Н. Д. Уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 2. — Пг, 1915. — С. 260.

только о сознании общественно опасного характера совершаемого действия или бездействия и не упоминается о сознании фактического содержания деяния. Но «общественная опасность — это не какой-то самостоятельный элемент деяния, лежащий вне его фактических признаков, а свойство деяния в целом, образуемое всеми его объективными признаками. Поэтому сознание общественной опасности сводится к сознанию социальных свойств фактических признаков деяния»⁷.

Общественно опасным является лишь такое деяние, которое по своим объективным фактическим свойствам способно причинить вред определенным общественным отношениям, охраняемым законом, т. е. посягает на определенный объект. Эта объективная направленность на определенный объект является одним из критериев общественной опасности деяния и, безусловно, должна охватываться сознанием лица, действующего умышленно. Поэтому нельзя согласиться с мнением, будто при умысле объект преступления может и не охватываться сознанием виновного⁸, ибо, не понимая направленности деяния на определенный объект, субъект не мог бы сознавать и его социальную вредность. Разумеется, осознание лицом объекта преступления не равнозначно знанию его юридической определенности. Субъект умышленного преступления может не знать точно, на какой непосредственный объект посягает его деяние, но он должен сознавать, что причиняет вред охраняемым уголовным законом интересам государства, общества или отдельных граждан. Так, похищая личное имущество, перевозимое в контейнере по железной дороге, виновный действует умышленно независимо от того, считает ли он объектом своего преступления государственную или личную собственность. Намеренно причиняя легкие телесные повреждения при совершении хулиганских действий, субъект действует умышленно независимо от того, считает ли он основным объектом посягательства здоровье потерпевшего или общественный порядок. Определяющим является то, что виновный понимает характер совершаемого деяния и в общих чертах сознает, на какую сферу общественных отношений оно посягает.

Отражение (хотя бы в общих чертах) объекта преступления в психике умышленно действующего лица необходимо для осознания этим лицом общественно опасного характера деяния. Но такому осознанию еще больше способствует понимание социального значения всех фактических свойств совершаемого действия или бездействия. Поэтому вряд ли можно согласиться с теми учеными, которые, исходя из буквального толкования ст. 8 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, толкуют непозволительно узко признак сознания общественно опасного характера деяния и считают, что отношение субъекта к таким признакам, как место, время, способ, обстановка совершения престу-

ления и т. п., не охватывается интеллектуальным элементом умысла⁹. При этом они упускают из виду, что перечисленные факультативные признаки при включении их в объективную сторону конкретного преступления содержат **дополнительную характеристику признака действия или бездействия, становятся индивидуальными фактическими признаками именно действия (бездействия)**. И в этом качестве их сознание является необходимым компонентом умысла и полностью охватывается формулировкой «сознание общественно опасного характера деяния». Так, например, грабитель сознает не только факт изъятия чужого имущества, но и то, что это имущество похищается им открытым способом. Сознанием же мародера охватывается не только факт похищения вещей у убитых или раненых, но и то, что это деяние совершается им на поле сражения, т. е. в определенной обстановке. В обоих этих случаях речь идет о сознании виновным дополнительных признаков действия, признаков, которые придают этим действиям новые социальные свойства и существенно влияют на степень общественной опасности деяния. Касаясь предметного содержания умысла, один из исследователей отмечал, что «фактические обстоятельства, охватываемые умыслом, могут относиться к общественно опасному действию (или бездействию) и к его общественно опасным последствиям»¹⁰. Поэтому способ, время, место, обстановка и другие обстоятельства, включенные в объективную сторону состава конкретного преступления и являющиеся качественной характеристикой деяния, безусловно, являются предметом сознания при умысле.

Сознание признаков, характеризующих самого субъекта, не входит в содержание умысла. Правда, отдельные юристы включают в предмет сознания при умысле и признаки субъекта, имея в виду только признаки специального субъекта, поскольку они «неразрывно связаны с лежащими на субъекте специальными обязанностями»¹¹. Но с такой позицией трудно согласиться. Во-первых, она не соответствует законодательному определению умысла. Во-вторых, нелогично исключать из умысла сознание обязательных признаков, характеризующих субъекта, и включать в него сознание лишь факультативных признаков. В-третьих, объективную характеристику общественно опасного деяния составляют не сами специальные признаки, характеризующие субъекта, а характер специальных обязанностей, нарушенных виновным. Поэтому в содержание умысла входит и сознание факта нарушения лицом своих специальных обязанностей, которое представляет составную часть сознания общественно опасного характера деяния в целом.

Большие разногласия вызывает среди юристов вопрос о том, является ли элементом умысла сознание противоправности деяния.

⁷ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 85.

⁸ Демидов Ю. А. Умысел и его виды по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1964. — С. 8.

⁹ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 23—24.

¹⁰ Демидов Ю. А. Указ. статья//Труды ВШ МООН. — С. 29.

¹¹ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 84. См. также: Демидов Ю. А. Указ. автореф. — С. 9.

Большинство дореволюционных русских ученых давали положительный ответ на этот вопрос¹². Буржуазная правовая наука была не в состоянии выработать материальное понятие преступления, поэтому ученые не имели возможности строить понятие умысла на основе психического отношения к главному, материальному, признаку преступного деяния — к его общественной опасности. Уголовная противоправность объявлялась основным признаком преступления и занимала главное место в предметном содержании умысла. Но и советские ученые неоднозначно решают вопрос о включении в умысел сознания противоправности деяния, хотя наше уголовное право с первых лет своего существования опирается на материальное понятие преступления. Некоторые ученые отождествляют сознание противоправности деяния с сознанием его общественной опасности¹³, другие возражают против включения в содержание умысла сознания противоправности деяния¹⁴, третьи, наоборот, считают его элементом умысла¹⁵. Различие во мнениях по этому вопросу характерно не только для криминалистов, но и для цивилистов.

В обоснование своей позиции противники включения в умысел сознания противоправности деяния приводят следующие аргументы.

Во-первых, «противоправность есть юридическое выражение общественной опасности. Поэтому всякое противоправное деяние в советском праве общественно опасно, но не каждое общественно опасное деяние является обязательно противоправным»¹⁶.

Во-вторых, уголовная противоправность «определяется волей государства, тогда как общественная опасность есть объективно

¹² См., напр.: *Таганцев Н. С.* Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. Вып. 2. — С-Пб, 1878. — С. 13, 22; он же: *Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. 1. Изд. 2.* — С-Пб, 1902. — С. 589; *Кистяковский А. Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. Изд. 3. — Киев, 1891. — С. 408; *Сергеевский Н. Д.* Указ. соч. — С. 219; 260; *Немировский Э. Я.* Указ. соч. — С. 294.

¹³ См., напр.: *Шаргородский М. Д.* Вина и наказание в советском уголовном праве. — М., 1945. — С. 6; *Пионтковский А. А.* Учение о преступлении. — М., 1961. — С. 352—357.

¹⁴ См.: *Маньковский Б. С.* Проблема ответственности в уголовном праве. — М., 1949. — С. 109; *Утевский Б. С.* Вина в советском уголовном праве. — М., 1950. — С. 226; *Брайнин Я. М.* Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве//Ученые записки юридического факультета Киевского госуниверситета. Вып. 4. — 1950. — С. 72; *Дагель П. С.* Проблемы вины в советском уголовном праве. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — Л., 1969. — С. 14; *Демидов Ю. А.* Сознание общественной опасности деяния как признак умышленного преступления//Труды ВЮЗИ. Т. 8. — 1967. — С. 216—217.

¹⁵ См., напр.: *Чельцов М. А.* Спорные вопросы учения о преступлении//Социалистическая законность. — 1947. — № 4. — С. 8; *Герцензон А. А.* Уголовное право. — М., 1948. — С. 332; *Макашвили В. Г.* Вина и сознание противоправности//Методические материалы ВЮЗИ. Вып. 2. — 1948. — С. 90—100; *Стручков Н.* Установление судом субъективной стороны состава преступления//Советская юстиция. — 1963. — № 20. — С. 11; *Волков Б. С.* Проблема воли и уголовная ответственность. — Казань, 1965. — С. 26—27; *Самоценко И.* Социальная сущность вины по советскому праву//Советская юстиция. — 1967. — № 5. — С. 10.

¹⁶ Курс советского уголовного права. Т. 1. ЛГУ, 1968. — С. 413—414.

существующее свойство деяния»¹⁷. А поскольку вина — это отражение именно объективных свойств деяния, то сознание противоправности не входит в содержание умысла.

В-третьих, для признания преступления умышленным вовсе не требуется, чтобы субъект сознавал его запрещенность законом, поскольку сознание противоправности не включено в законодательное определение умысла и никто не может оправдываться ссылкой на незнание закона.

Приведенные аргументы являются недостаточным основанием для отрицания сознания противоправности деяния как элемента умысла.

Во-первых, вряд ли правильно утверждение, что не каждое общественно опасное деяние является противоправным. Если это суждение рассматривать в плоскости уголовного права, то можно говорить не о любой общественной опасности, а только о такой ее степени, которая присуща преступлению. А поскольку всякое деяние, обладающее уголовно-правовой степенью общественной опасности, предусмотрено уголовным законом, следует признать, что любое общественно опасное (в уголовно-правовом смысле) деяние является противоправным. Этому факта не колеблют и ссылки на общественно опасные деяния, совершенные невменяемыми или не достигшими возраста уголовной ответственности. Такие деяния не составляют предмета уголовно-правового регулирования в плане уголовной ответственности, они хотя и опасны в житейском смысле, но не обладают признаком общественной опасности, да и вообще ни одним признаком преступления, так как не представляют посягательства на систему общественных отношений.

Далее. Утверждение, что уголовная противоправность определяется волей законодателя, не вызывает сомнений. Но этим вовсе не исключается объективный характер противоправности. Криминализация деяния есть лишь способ отражения в праве объективно существующей общественной опасности. С момента установления уголовной ответственности за то или иное деяние его противоправность также превращается в объективный признак этого деяния. И наряду с общественной опасностью он может входить в предметное содержание умысла.

Сознание противоправности нельзя отождествлять с сознанием запрещенности деяния конкретной правовой нормой. Для наличия умысла не требуется ни знание юридической квалификации деяния, ни знание размера наказания, установленного за его совершение, ни понимание тех «соображений политики борьбы с преступностью, которые учитывались законодателем при криминализации деяния»¹⁸. Сознание противоправности означает понимание того, что деяние в принципе противоречит социалистическому правопорядку, находящемуся в полном соответствии с нормами коммунистической нравственности и социалистического общежития, противоре-

¹⁷ *Демидов Ю. А.* Указ. статья//Труды ВЮЗИ. — 1967. — С. 217.

¹⁸ Там же.

чит системе уголовного законодательства. Именно в этом смысле противоправность деяния сознается умышленно действующим лицом на основе понимания общественной опасности этого деяния. Следует согласиться с тем, что «осознание нарушителем общественно вредного характера своего поведения означает вместе с тем и осознание его противоправности»¹⁹.

Непрочность позиции противников включения сознания противоправности деяния в содержание умысла вынуждает их делать существенные отступления от исходного тезиса. Так, Б. С. Утевский, не считая сознание противоправности обязательным элементом умысла, тем не менее признавал, что умышленно действующее лицо чаще всего сознает факт запрещенности совершаемого деяния законом²⁰. Другие ученые допускают, что сознание противоправности деяния может превращаться в обязательный элемент умысла, хотя и ограничивают такую возможность лишь случаями, когда указание на правовую сторону деяния включается в диспозицию конкретной нормы уголовного права²¹. Они имеют в виду такие статьи УК, в которых говорится о заведомо незаконном характере деяния (например, ст.ст. 177, 178 УК РСФСР). Но ведь противоправность деяния может быть очевидной и в тех случаях, когда в законодательном описании преступления не содержится прямого указания на незаконность действия или бездействия. Например, в ст. 176 УК РСФСР говорится не о заведомо незаконном привлечении лица к уголовной ответственности, а о привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности, т. е. признак заведомости относится не к правовой характеристике действий. Однако различие в законодательном описании преступлений, предусмотренных в ст. 176 и, например, в ст. 178 УК, сути дела не меняет. И в том и в другом случае противоправность действий очевидна. На незаконный характер действия или бездействия законодатель указывает при описании относительно небольшого числа преступлений, однако противоправность умышленно совершаемого деяния очевидна в подавляющем большинстве случаев (например, при совершении любого корыстного преступления, при посягательстве на личность, на порядок управления, на общественный порядок и пр.), а в остальных случаях она может быть осознана без особых умственных усилий виновного.

До принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик противоправность не была включена законодателем в число необходимых признаков преступления. Это не позволяло рассматривать сознание противоправности как обязательный элемент умысла. Но действующее законодательство относит к пре-

ступлениям только те деяния, которые предусмотрены уголовным законом, т. е. являются уголовно-противоправными. А поскольку вина — это отражение в психике субъекта всех важнейших свойств преступного деяния, то в ее содержание входит и определенное психическое отношение к такому признаку, как противоправность. При умысле это отношение состоит в сознании противоправности деяния. В нашей стране значительно возросли правосознание и правовая культура трудящихся, ведется широкая пропаганда правовых знаний среди населения, освещаются материалы судебной практики, в учебных заведениях введено обучение основам знаний о государстве и праве. Все это делает доступной практически любому гражданину оценку преступления как деяния, противоречащего советскому правопорядку, как деяния противоправного.

Суммируя все изложенное, можно сделать вывод, что предметом сознания как элемента умысла является:

1) общественная опасность деяния, т. е. характеристика объекта преступления (хотя бы в общих чертах), а также фактическое содержание и социальные свойства всех составных элементов действия или бездействия;

2) противоправность совершаемого деяния, т. е. его противоречие советскому социалистическому правопорядку, системе советского законодательства.

§ 2. Предвидение как элемент умысла

Законодательное определение умышленной вины включает психическое отношение не только к общественно опасному действию или бездействию, но и к их общественно опасным последствиям. Интеллектуальную сторону отношения к последствиям образует их предвидение. Определить психологическую сущность предвидения, его предмет и степень необходимо не только в целях теоретической разработки умысла, но прежде всего для правильного применения законодательной формулы умысла в судебно-следственной практике.

Иногда между сознанием и предвидением неосновательно ставится знак равенства. Так, по мнению одного из юристов-теоретиков, «при совершении материальных преступлений лицо, сознавая фактический характер своего действия, сознает (предвидит) также и его результат»²². Но другими отмечается, что «предвидение общественно опасных последствий — это представление о фактах, которые будут иметь место в будущем, сознание общественной опасности деяния — это представление о свойствах совершаемого в настоящем деяния»²³.

Сознание и предвидение — это две различные грани интеллектуальной стороны психической деятельности человека. Под сознанием мы подразумеваем отражение в психике человека реальных

¹⁹ Самоценко И. Указ. статья//Советская юстиция. — 1967. — № 5. — С. 10. См. также: Стручков Н. Указ. статья//Советская юстиция. — 1963. — № 20. — С. 11.

²⁰ См.: Утевский Б. С. Указ. соч. — С. 226—229; Левицкий Г. А. Квалификация преступлений. — М., 1981. — С. 34.

²¹ См.: Дагель П. С. Уголовная ответственность и проблема воли//Советское государство и право. — 1966. — № 8. — С. 140; Демидов Ю. А. Указ. статья//Труды ВШ МООН. — С. 29.

²² Никифоров Б. С. Указ. статья//Советское государство и право. — 1965. — № 6. — С. 30.

²³ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 89.

фактов и обстоятельств, имеющих место в настоящее время, а под предвидением — продукт опережающей деятельности человеческого интеллекта, т. е. отражение тех событий, которые произойдут, должны или могут произойти в будущем.

Учеными подчеркивается различие между сознанием и предвидением: «Предвидение» является психическим переживанием, относящимся к будущему. Предвидеть настоящее нельзя²⁴. Поэтому «психический процесс при умысле слагается из знания (сознания) виновным относящихся к задуманному им деянию обстоятельств и фактов (и правовых норм) в настоящем времени и из предвидения последствий своего деяния в будущем»²⁵. Отвлекаясь от неточности в приведенном высказывании, состоящей в ошибочном отождествлении интеллектуального процесса с психикой в целом, а также от спорности включения в содержание умысла знания правовых норм, можно согласиться с тем, что: 1) сознание не равнозначно предвидению, 2) предвидение обращено в будущее и 3) предвидение имеет своим предметом общественно опасные последствия.

Иногда в юридической литературе предмет предвидения определяется по-иному. Одни считают, что лица, действующие умышленно, «предвидят общественно опасный характер последствий своих деяний»²⁶, а по мнению других, предвидение общественно опасного характера последствий входит в содержание умысла наряду с предвидением фактического характера последствий²⁷. Такая трактовка предвидения, основанная на разрыве фактического и социального характера последствий, не соответствует психологическому содержанию предвидения. Говоря о предвидении последствий, нет нужды подразделять его на предвидение фактического содержания последствий и на предвидение их общественно опасного свойства. Одно из этих качеств последствий не может существовать в отрыве от второго. Поэтому ни то ни другое в отдельности не составляют предмета предвидения при умысле.

Некоторые криминалисты в сфере предвидения при умысле включают психическое отношение не только к последствиям, но и к социальным свойствам действия или бездействия. Так, один из них пишет о субъективной стороне хулиганства: «Как правило, хулиганство совершается с прямым умыслом, то есть субъект знает, что совершает общественно опасные действия, грубо нарушающие общественный порядок, и желает проявить неуважение к обществу. Но возможен и косвенный умысел. Хулиганство с косвенным умыслом имеет место тогда, когда субъект предвидит, что его действия могут нарушить общественный порядок, затронуть общественные интересы, и совершает их, сознательно допуская объективное проявление неуважения к обществу»²⁸.

Примечательно, что, характеризуя прямой умысел при хулиганстве, автор говорит о сознании и общественно опасного характера действия, грубо нарушающих общественный порядок, т. е. грубое нарушение общественного порядка рассматривает как социальное свойство действия и включает его в сферу сознания. Это совершенно правильно. Но, перейдя к характеристике косвенного умысла, он почему-то способность действий нарушать общественный порядок включает не в сферу сознания, а в сферу предвидения. С этим нельзя согласиться. Ведь при хулиганстве общественный порядок нарушается не в результате хулиганских действий и не после их совершения, а самим фактом совершения таких действий именно в момент их учинения. Следовательно, грубое нарушение общественного порядка есть не последствие, а социальное свойство хулиганских действий, поэтому составляет предмет сознания, а не предвидения.

Подавляющее большинство советских юристов связывают предвидение как элемент умысла именно с наступлением общественно опасных последствий, а не с какими-то иными признаками состава преступления. Это толкование предмета предвидения представляется единственно правильным.

Точка зрения, согласно которой предмет предвидения при умысле составляют общественно опасные последствия как комплексное понятие, обладающее и фактическим и социальным содержанием, прямо вытекает из закона (ст. 8 Основ) и находит отражение в судебной практике.

Так, в постановлении по делу Курцхалия Пленум Верховного Суда СССР указал, что «народный суд и другие судебные инстанции, рассматривавшие дело, без достаточных оснований пришли к выводу, что убийство было совершено умышленно... Для признания... умысла необходимо установить, что сознанием виновного охватывалось наступление вменяемых ему в вину последствий, в данном случае смерти потерпевшего».

Между тем из материалов дела видно, что «Курцхалия, наводя ружье на Челидзе и нажимая спусковой крючок, полагал, что ружье было разряжено произведенными ранее выстрелами, и не предвидел возможности нового выстрела... В связи с этим содеянное Курцхалия, который мог и должен был предвидеть возможность наступления тяжких последствий в результате легкомысленного обращения с оружием, следует квалифицировать... как убийство, совершенное по неосторожности»²⁹. Итак, убийство в данном случае было бы умышленным, если бы предвидением виновного охватывались последствия не только в их фактическом содержании, то есть производство выстрела, но и в их социально вредном значении, то есть наступление смерти человека от этого выстрела. Этот, как и многие другие примеры³⁰, свидетельствует о том, что

²⁴ Утевский Б. С. Указ. соч. — С. 187.

²⁵ Там же. — С. 188.

²⁶ Орлов В. С. Указ. статья//Вестник МГУ. — С. 26.

²⁷ См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 89.

²⁸ Игнатов А. Спорные вопросы квалификации хулиганства//Советская юстиция. — 1967. — № 2. — С. 14. См. также: Тарарухин С. А. Установление мотива и квалификация преступлений. — Киев, 1977. — С. 72.

²⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1974. — № 3. — С. 32—33.

³⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1986. — № 4. — С. 5; № 5. — С. 6.

без предвидения общественно опасных последствий деяние не может быть признано умышленным.

Деяние является умышленным лишь при условии, что виновный предвидит общественно опасные последствия как результат именно его действий. Следовательно, предвидение последствий предполагает осознание причинно-следственной зависимости между общественно опасным действием или бездействием и наступившими общественно опасными последствиями. Но в сознании субъекта отражается лишь общий характер причинной связи между деянием и последствием, а не все детали причинно-следственной цепи. Так, виновный в умышленном нанесении проникающего ножевого ранения в грудную клетку должен понимать, что тяжкий вред здоровью потерпевшего будет причинен именно его действием, хотя его сознанием не обязательно должен охватываться механизм причинения этого вреда (например, повреждение внутренних органов с обильным кровоизлиянием в грудную полость).

В литературе высказывалось мнение, что предвидение не имеет степеней, поскольку «нельзя предвидеть больше или меньше»³¹. Однако многие исследователи умысла обращали внимание на то, что предвидение последствий может иметь различную степень определенности, что виновный может предвидеть преступные последствия как необходимый результат своей деятельности либо считать его «возможным в большей или меньшей степени»³².

Индивидуальные особенности психики каждого человека и конкретные обстоятельства совершения преступления не могут не влиять на содержание интеллектуального элемента психической деятельности преступника. Сознанием одного лица общественно опасные последствия отражаются как неизбежные, другое лицо сознает, что эти последствия в принципе закономерны для данной ситуации, но не считает их неизбежными, а третье полагает, что такие последствия типичны для аналогичных ситуаций, но в данном конкретном случае они наступить не должны.

Итак, разные лица обладают различными способностями и объективными возможностями предвидеть общественно опасные последствия своих действий. Степень определенности предвидения при умысле формулируется советскими учеными по-разному. Вы сказано, например, мнение, что при умысле субъект может предвидеть возможность, вероятность или неизбежность наступления последствий³³. Термин «вероятность» недостаточно конкретен для характеристики предвидения при умысле. Что же касается предвидения возможности наступления последствий при умысле, то это положение нуждается в уточнении. «Где есть положительное сознание последствий содеянного, там есть наличность умысла»³⁴.

³¹ Утевский Б. С. Указ. соч. — С. 73.

³² Фельдштейн Г. С. Учение о формах виновности в уголовном праве. — М., 1902. — С. 69. См. также: Немировский Э. Я. Указ. соч. — С. 271—272; Спасович В. Учебник уголовного права. — Т. 1. — Вып. 1. — С.-Пб, 1863. — С. 150, 153.

³³ Утевский Б. С. Указ. соч. — С. 203, 254—255.

³⁴ Кистяковский А. Ф. Указ. соч. — С. 354.

Иными словами, при умысле виновный предвидит такую степень возможности наступления общественно опасных последствий, которая распространяется на данный конкретный случай. Лишь при сознании неизбежности последствий или возможности их наступления в данном конкретном случае виновный может проявить к ним волевое отношение в форме прямого желания или сознательного допущения их наступления. Поэтому следует согласиться с мнением, что «предвидение общественно опасных последствий при умысле может носить различный характер: а) предвидение неизбежности их наступления и б) предвидение реальной возможности их наступления в результате совершения деяния»³⁵.

Итак, предвидение как элемент умысла охватывает общественно опасные последствия и общий характер причинной связи между действием (бездействием) и этими последствиями. При этом последствия предвидятся субъектом либо как неизбежные, либо как реально возможные итоги преступной деятельности виновного.

§ 3. Сущность и предмет желания в умышленных преступлениях

Волевое содержание умысла определено в законе как желание или сознательное допущение общественно опасных последствий. Между тем в литературе было высказано мнение, будто умысел означает лишь предвидение неизбежности или вероятности наступления общественно опасных последствий, а наличие желания или сознательного допущения этих последствий вообще не относится к характеристике этой формы вины³⁶. Подобная позиция противоречит закону и лишает умысел всякого волевого содержания, поэтому неприемлема.

Для уяснения психологической сущности желания большой интерес представляет механизм его возникновения, процесс формирования этого проявления человеческой воли. Данный вопрос исследовался еще в дореволюционной науке уголовного права³⁷. При незначительных расхождениях в деталях схемы формирования желания, предлагаемые русскими учеными, имели большое сходство. Процесс формирования желания рассматривался как совокупность следующих этапов: 1) ощущение определенной потребности; 2) превращение ее в побуждение к действию, т. е. в мотив преступления; 3) постановка цели, достижение которой должно прямо удовлетворить ощущаемую потребность или служить средством ее удовлетворения; 4) желание (хотение) достичь поставленной цели. Советские юристы тоже рассматривают

³⁵ Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве. — Владивосток, 1969. — С. 81.

³⁶ См.: Хорнабуджели Бежан. Психологическая сторона вины. — Тбилиси, 1981. — С. 34, 40, 107.

³⁷ См.: Чебышев-Дмитриев А. Указ. соч. — С. 130; Колоколов Э. О. Уголовное право. Курс лекций. Общая часть. — М., 1892—1893. — С. 32—33; Таганцев Н. С. Русское уголовное право. — С. 593—594.

желание как определенный процесс, проходящий в своем развитии несколько стадий, от осознания определенной потребности до воли, мобилизованной на достижение определенной цели. «Желать определенных последствий — значит стремиться к ним»³⁸. Желание (направленность прямого умысла) нередко характеризуется как «стремление причинить следствие»³⁹.

«Обобщая указанные выше оттенки волевого отношения виновного к результату при прямом умысле, можно сказать, что виновный в этом случае относится к результату как к **нужному ему событию**»⁴⁰. В приведенных и других аналогичных характеристиках правильно раскрывается психологическая сущность желания. По существу таким же образом характеризуют желание и советские психологи. «Желание — это опредмеченное стремление, оно направлено на определенный предмет. Зарождение желания означает всегда поэтому возникновение и постановку цели. Желание — это целенаправленное стремление»⁴¹. А понятие «намерение», которое в уголовном праве используется для характеристики направленности умысла наряду с понятием «желание», определяется как «зафиксированная решением направленность на осуществление цели»⁴².

Желание, как стремление к определенному результату, может иметь различные психологические оттенки. Желаемыми следует считать не только последствия, доставляющие виновному внутреннее удовлетворение, вызывающие у него чувство удовольствия. Желаемыми являются и такие последствия, которые при внутренне отрицательном эмоциональном отношении к ним виновного представляются ему тем не менее нужными или неизбежными на пути к удовлетворению потребности, ставшей побудительным мотивом к действию.

«При другом взгляде на сущность умысла, при отнесении к нему только желанных последствий, т. е. таких, которые представляются ему приятными, в области умышленной вины осталось бы только незначительное количество преступных деяний, предпринимаемых ради их самих, не преследующих других целей, кроме причинения запрещенного результата»⁴³.

В советской науке уголовного права распространено мнение, что последствия являются желаемыми, если они выступают для виновного: а) конечной целью действий, б) необходимым средством достижения конечной цели или в) определенным этапом достижения конечной цели⁴⁴. Целесообразность выделения отме-

ченных оттенков желания достаточно глубоко аргументирована в теории уголовного права и сомнений не вызывает. Однако большая группа ученых считают, что желание проявляется не только в перечисленных оттенках. По их мнению, последствия нужно признавать желаемыми и в том случае, когда они представляются для виновного неизбежным сопутствующим элементом деяния, его неизбежным побочным результатом⁴⁵.

При определении предмета желания необходимо исходить из органической связи волевого элемента умысла с интеллектуальным. «Когда мы говорим о воле, мы разумеем под этим сознательную целеустремленность человека. Сознательность же требует мыслительных процессов... Без участия мышления волевое действие было бы лишено сознательности, т. е. перестало бы быть волевым действием»⁴⁶. Взаимообусловленность отдельных сторон психики заключается в том, что «волевой момент... строго определен и органически связан с интеллектуальным моментом, обусловлен им и зависит от него»⁴⁷. И если человек направляет свою волю на совершение действий, которые заведомо для него повлекут общественно опасные последствия, то неуместно говорить о нежелании таких последствий. В этих случаях совершаемые действия и неизбежные последствия образуют единую преступную структуру, составные части которой неразрывно связаны и не могут рассматриваться изолированно, в силу чего волевое отношение к этой единой ситуации и образует волевой элемент умысла. «Опредмеченное стремление» распространяется не только на последствия, в которых реализуется цель виновного или которые служат средством или ступенью реализации конечной цели, но и на последствия, являющиеся неизбежным сопутствующим элементом желаемых действий. Таким образом, заведомо для виновного неизбежные побочные последствия желаемых действий тоже следует признавать желаемыми.

Утверждение, что сознаваемые в качестве неизбежных побочные, не нужные субъекту последствия «не становятся желаемыми, не делаются ни целью действия, ни средством достижения цели»⁴⁸, справедливо лишь отчасти. Такие последствия действительно не превращаются ни в цель, ни в средство ее достижения, они не становятся желаемыми. Как неизбежное сопутствующее обстоятельство единой преступной ситуации, они с самого начала являются желаемыми в силу диалектики взаимной обусловленности сознания и воли.

³⁸ Матвеев Г. К. Указ. соч. — С. 251.

³⁹ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 99.

⁴⁰ Никифоров Б. С. Указ. статья//Советское государство и право. — 1965. — № 6. — С. 34.

⁴¹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — М., 1946. — С. 513.

⁴² Там же. — С. 518.

⁴³ Немировский Э. Я. Указ. соч. — С. 278.

⁴⁴ См.: Дагель П. С. Проблемы вины... — С. 85; Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 99—100; Никифоров Б. С. Об умысле по действующему законодательству//Советское государство и право. — 1965. — № 6. — С. 33.

⁴⁵ См.: Демидов Ю. А. Умысел и его виды. — С. 12—13; Кузнецова Н. Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. — МГУ, 1958. — С. 136; Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. — М., 1957. — С. 32—33.

⁴⁶ Психология/Под ред. Корнилова К. Н., Смирнова А. А., Теплова Б. М. — М., 1948. — Изд. 3. — С. 318—319.

⁴⁷ Базунов А. Ограничение косвенного умысла от преступной самонадеянности//Советская юстиция. — 1973. — № 5. — С. 6.

⁴⁸ Дагель П. С. О косвенном умысле при предварительной преступной деятельности//Вопросы государства и права. — ЛГУ. — 1964. — С. 197.

Предвидение неизбежности наступления последствий судебная практика связывает именно с прямым умыслом. Так, в постановлении по делу Маргвелашвили Пленум Верховного Суда СССР указал на то, что подсудимый «совершил действия, которые заведомо для него должны были привести к смертельному исходу», поэтому «лишение жизни Кинева и Руге охватывалось намерением Маргвелашвили и являлось для него не только предвиденным, но и желаемым результатом», следовательно, деяние «свидетельствует о наличии прямого умысла на лишение жизни»⁴⁹.

Напротив, предвидение лишь возможности наступления общественно опасных последствий Пленум Верховного Суда СССР связывает не с прямым, а с косвенным умыслом.

В постановлении по делу Казакова Пленум Верховного Суда СССР указал: «Исходя из фактических обстоятельств дела, из того, что Казаков произвел неприцельный выстрел, следует заключить, что он сознавал и допускал лишь возможность наступления смерти, но не ее неотвратимость, то есть действовал с косвенным умыслом. Поэтому содеянное им надлежит квалифицировать в зависимости от тех конкретных последствий, которые наступили в результате его преступных действий»⁵⁰.

Итак, желание как элемент умысла заключается в стремлении к определенным последствиям, которые могут выступать в одном из следующих качеств: 1) конечной цели, 2) промежуточного этапа, 3) средства достижения цели и 4) необходимого сопутствующего элемента деяния.

В соответствии с законодательным определением умысла предшествующий анализ понятия «желание» давался применительно только к последствиям. «Однако нельзя сводить волевой момент вины лишь к отношению к последствию, т. к. в таком случае само деяние лишилось бы волевого характера»⁵¹. При умысле не только последствия, но вообще все юридически значимые обстоятельства и свойства общественно опасного деяния должны охватываться как сферой сознания, так и сферой волевого отношения. При этом совсем не обязательно, чтобы у виновного имелось четко сформулированное желание по отношению к каждому юридически значимому элементу деяния. Волевое отношение к составным элементам преступления вполне может быть и зачастую бывает неоднородным. К одним из них виновный относится с желанием, с хотением, с наступлением других он внутренне соглашается, третьи ему безразличны, четвертые — даже неприятны. Тем не менее можно говорить о желании по отношению ко всей совокупности слагаемых, поскольку виновный с желанием совершает общественно опасное деяние, представляющее сумму этих слагаемых. На практике нет необходимости выяснять волевое отношение виновного к каждому отдельному элементу деяния

или даже ко всей совокупности этих элементов. Форма вины, а также вид умысла определяются волевым отношением к главному, определяющему элементу деяния, в котором в наибольшей степени концентрируется социальная вредность преступления. Таким определяющим элементом в преступлениях с материальным составом является общественно опасное последствие, поскольку в нем материализуется ущерб, причиняемый объекту. На этом и основывается законодательное определение умысла, в котором определяющим является волевое отношение именно к последствиям.

При анализе вины в преступлениях с формальным составом некоторые ученые придают решающее значение волевому отношению не к последствиям, а к социальному характеру действий: «При совершении формальных преступлений речь идет об отношении виновного не к действию («сознавая совершаемое им действие...»), а к его социальному характеру или, что одно и то же, к определяющим этот его характер обстоятельствам»⁵². Исходя из этой посылки, обосновывается возможность косвенного умысла при клевете тем, что, сознавая позорящий характер распространяемых сведений, субъект «может желать этого или же относиться к этому безразлично»⁵³. Подобным же образом в литературе обосновывается возможность совершения хулиганства с косвенным умыслом, при котором виновный якобы не желает грубого нарушения общественного порядка, а лишь сознательно его допускает.

Раскрывать содержание умысла, ставя во главу угла волевое отношение к социальному характеру деяния, — значит вступать в противоречие с законодательным описанием этой формы вины, где в сфере волевого отношения включены только общественно опасные последствия, а общественно опасный характер деяния отнесен исключительно к сфере сознания. Социальный, т. е. общественно опасный, характер деяния может сознаваться либо не сознаваться, но, будучи категорией объективной, он не зависит от воли лица, совершающего это деяние.

Определяющим общественную опасность элементом при совершении преступления с формальным составом является не последствие, а само действие, поскольку именно в нем концентрируется социальная вредность деяния. Поэтому волевой элемент умысла в преступлениях с формальным составом определяется волевым отношением к самим общественно опасным действиям. Так, субъект клеветы, сознавая позорящий характер распространяемых ложных сведений, не может не желать распространения именно ложных и позорящих другое лицо измышлений. А субъект хулиганства, сознавая, что его действия являются грубо нарушающими общественный порядок и выражают явное неуваже-

⁴⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1968. — № 5. — С. 12—13.

⁵⁰ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1970. — № 5. — С. 22.

⁵¹ Дагель П. С. Проблемы вины...: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — С. 10.

⁵² Никифоров Б. С. Указ. статья//Советское государство и право. — 1965. — № 6. — С. 35.

⁵³ Никифоров Б. С. Применение общего определения умысла к нормам Особой части УК//Советское государство и право. — 1966. — № 7. — С. 117.

ние к обществу, желает совершить действия, обладающие именно такими социальными свойствами. То есть при совершении преступлений с формальным составом предметом желания являются действия, которые по своим объективным свойствам обладают признаком общественной опасности.

Итак, в преступлениях с материальным составом предметом желания как формы волевого отношения при умысле являются общественно опасные последствия, а в преступлениях с формальным составом — само общественно опасное действие (бездействие).

§ 4. Сущность и предмет сознательного допущения в умышленных преступлениях

Из законодательного определения умысла видно, что он характеризуется либо желанием, либо сознательным допущением общественно опасных последствий. Некоторые ученые пытаются вложить в формулу «сознательно допускает» не волевое, а интеллектуальное содержание. «Оценивать характер действия можно различным образом. Можно, например, знать, что действие обладает определенным характером, или же «допускать» это — считать такой его характер вероятным, возможным или неисключенным. Все эти оттенки психического отношения лица к совершаемому им деянию охватываются понятием интеллектуального элемента умысла»⁵⁴. Приведенное высказывание вызывает следующие замечания. Во-первых, автор слишком волюно обращается с законодательным термином. Употребление термина «допускать» без слова «сознательно» заставляет гадать, имеется ли здесь в виду строго определенное психическое отношение, о котором сказано в ст. 8 Основ, или какое-то иное содержание. Во-вторых, вопреки закону, связывающему сознательное допущение только с последствиями, автор говорит о сознательном допущении «определенного характера действий». В-третьих, психическое отношение в форме сознательного допущения неосновательно включено в содержание интеллектуального, а не волевого момента. В законодательном описании умысла сознательное допущение помещено в один ряд с желанием, а сознание общественной опасности деяния вместе с предвидением последствий образует другой психологический ряд в характеристике умысла. Следовательно, законодатель относит сознательное допущение именно к волевому элементу умысла.

Под сознательным допущением надо понимать не мыслительный процесс, при котором лицо сознает несколько вариантов развития событий, в том числе и вариант, связанный с вредным результатом. Сознательное допущение означает, что виновный своими действиями вызывает определенную цепь событий и при этом сознательно, т. е. намеренно, допускает объективное развитие вы-

⁵⁴ Никифоров Б. С. Указ. статья//Советское государство и право. — 1965. — № 6. — С. 32.

званных им событий и наступление общественно опасных последствий. В этом проявляется конкретное содержание воли, довольно близкое по своей психологической сущности к желанию.

В науке и в судебной практике сознательное допущение как признак умысла нередко характеризуют как безразличное отношение к наступлению общественно опасных последствий. Отождествление понятий «сознательное допущение» и «безразличное отношение» вряд ли правомерно, а сам термин «безразличное отношение» вообще сомнителен. Безразличие к какому-либо предмету означает, что этот предмет оставляет субъекта совершенно равнодушным, не вызывает у него никаких переживаний, т. е. никакого отношения. Поэтому отношение не может быть безразличным, а «безразличие», как лишенное волевого содержания, не может быть преступным и составлять содержание умысла. Учеными-юристами уже давно отмечалось, что «безразличное отношение к противозаконному последствию является вообще немислимым»⁵⁵. Правда, резко отрицательная оценка термина «безразличное отношение» аргументировалась не всегда убедительно. Так, Э. О. Колоколов утверждал, что во всех случаях, где говорят о преступном безразличии, «виновный на самом деле прямо желает, чтобы преступное последствие так или иначе было избегнуто, отклонено тем или другим способом», хотя бы потому, что оно преступнику невыгодно, поскольку сопряжено с наказанием⁵⁶. На этом основании ученый вообще отрицал существование косвенного умысла. Изъян его позиции состоит в смешении последствий как объективного признака состава преступления с юридическими последствиями преступления, неблагоприятными для преступника (наказание).

Некоторые советские ученые справедливо указывают на недопустимость отождествления понятий «сознательное допущение» и «преступное различие» (или «безразличное отношение»), хотя и допускают, что в ряде случаев виновный относится к преступным последствиям с полным безразличием⁵⁷. Допуская в некоторых случаях «преступное безразличие» при совершении преступления с косвенным умыслом, авторы считают, что субъект чаще всего относится к общественно опасным последствиям отрицательно, желает их ненаступления (активное нежелание)⁵⁸, либо что при косвенном умысле воля субъекта занимает не активную, а пассивную позицию по отношению к последствиям⁵⁹.

⁵⁵ Колоколов Э. О. Уголовное право. Курс лекций. — С. 125. См. также: Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Общая часть. — Юрьев, 1912. — С. 327; Фельдштейн Г. С. Природа умысла. — С. 6.

⁵⁶ Колоколов Э. О. Указ. соч. — С. 126. Этот же аргумент используется и П. С. Дагелем: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 103.

⁵⁷ См.: Макашвили В. Г. Волевой и интеллектуальный момент умысла// Советское государство и право. — 1966. — № 7. — С. 109—110; Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 103.

⁵⁸ См.: Макашвили В. Г. Указ. статья//Советское государство и право. — 1966. — № 7. — С. 109; Дагель П. С. Понятие умысла в советском уголовном праве//Советская юстиция. — 1966. — № 20. — С. 19.

⁵⁹ См.: Советское уголовное право. Часть Общая. — М., 1972. — С. 158.

Вряд ли правильно характеризовать сознательное допущение как «пассивную позицию воли» по отношению к последствиям. Воля человека, выраженная в сознательном поведении, вообще не может быть пассивной. Пассивность — это бездеятельность, а бездеятельная воля не может характеризовать умышленное деяние. Однако не следует и переоценивать активность воли при сознательном допущении и отождествлять ее с желанием. При косвенном умысле эта активность имеет вполне конкретное специфическое содержание, не равнозначное желанию и характеризующееся четким законодательным определением — как сознательное допущение.

Если волю при косвенном умысле нельзя считать пассивной в отношении последствий, то тем более нельзя согласиться, что сознательное допущение — это отрицательное отношение к последствиям, их активное нежелание. Даже сами юристы, не считающие сознательное допущение положительным отношением к последствиям, в определенной мере отступают от своих исходных позиций: «Преступное последствие при косвенном умысле — это цена, которую виновный готов заплатить за достижение желаемой цели, которой он добивается ценой причинения вреда обществу, жертвуя, таким образом, общественными интересами ради достижения личных целей»⁶⁰.

Совершенно очевидно, что ни «готовность принять последствия», ни «готовность заплатить» ими за достижение личной цели не могут означать пассивного, а тем более отрицательного волевого отношения к преступному результату. Исследователь прав в том, что преступные последствия при косвенном умысле учитываются при принятии волевого решения, охватываются планом действий виновного и сознательно причиняются его деянием⁶¹. Это ни в коей мере не совместимо с активным нежеланием последствий, с отрицательным к ним отношением, с желанием избежать их. Психологически невозможно желать ненаступления последствий и в то же время включать их в план своих действий и сознательно причинять. В литературе правильно отмечалось, что «при определении косвенного умысла частица «не» в сочетании с «не желал» несет отрицание в слабом смысле, т. е. означает отсутствие желания»⁶², в то время как в слове «нежелание» (желание избежать последствий) эта частица несет отрицание в сильном смысле. Нежелание — это активный волевой процесс, связанный с отрицательным отношением к нежелаемым последствиям. Сознательное же допущение есть активное переживание, связанное с положительным волевым отношением к общественно опасным последствиям. Именно положительное отношение к наступлению последствий сближает желание с сознательным до-

пущением, делает их разновидностями волевого содержания одной и той же формы вины.

Сознательное допущение возможно только при предвидении реальной возможности наступления общественно опасных последствий. Оно не может иметь места, если лицо не предвидело, что его действия могут причинить преступное последствие именно в данном конкретном случае. Так, например, по делу Кешокова, осужденного по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР, президиум областного суда Карачаево-Черкесской автономной области пришел к выводу, что осужденный при нанесении удара потерпевшему не предвидел возможности наступления тяжелых последствий и, следовательно, причинил тяжкие телесные повреждения по неосторожности. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, отменяя постановление президиума областного суда, указала: «Нанося удар обувью в туристический ботинок ногой в живот потерпевшему, Кешоков предвидел и сознательно допускал возможность причинения потерпевшему тяжелых телесных повреждений. Его действия судом правильно были квалифицированы по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР»⁶³.

Однако в литературе сознательное допущение конструируется порой там, где оно в действительности невозможно. Так, Е. А. Фролов, допуская косвенный умысел при совершении преступления, предусмотренного ст. 100 УК РСФСР, аргументировал это следующим образом: «Например, о косвенном умысле могут свидетельствовать такие факты, как оставление поста на длительное время или сон в течение значительной части дежурства, так как соединенная с этим надежда на «авось» должна расцениваться, на наш взгляд, как допущение возможных вредных последствий»⁶⁴. Непонятно, почему в этих примерах у субъекта появляется «надежда на авось», если реальная обстановка не дает ему оснований предвидеть в конкретном случае возможность наступления последствий, указанных в ст. 100 УК. Ведь нельзя говорить о сознательном допущении последствий, если нет их предвидения субъектом. Ведь расхищение, порча и гибель охраняемого имущества — это лишь возможные, но не обязательные и даже не типичные последствия таких нарушений обязанностей охранника, как сон на дежурстве или оставление поста. Поэтому в подавляющем большинстве случаев виновный, проявляя недобросовестность в охране государственного или общественного имущества, не предвидит возможности наступления последствий, указанных в законе, хотя должен и может их предвидеть.

Для придания понятию сознательного допущения максимальной конкретности необходимо точно определить предмет этого волевого отношения.

⁶⁰ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 101—102.

⁶¹ Дагель П. С. Проблемы вины... Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — С. 17.

⁶² Емельянов А. М. К уточнению понятий умышленного и неосторожного преступного поведения // Уголовное право в борьбе с преступностью. — М., 1981. — С. 113.

⁶³ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1986. — № 6. — С. 5.

⁶⁴ Фролов Е. Ответственность за недобросовестное отношение к охране государственного или общественного имущества // Советская юстиция. — 1963. — № 24. — С. 12.

В литературе иногда делались попытки распространить сознательное допущение на все деяние в целом. «Умысел кроме сознания заключает в себе и другой столь же существенный момент — направление воли к правонарушению и притом или в виде прямого хотения, или в виде допущения этого нарушения»⁶⁵. Но говорить о сознательном допущении деяния в целом нельзя. Деяние — это явление сложное и в социальном и в юридическом плане. Одни его признаки составляют предмет исключительно сознания, другие — предмет воли, причем волевое отношение к отдельным слагаемым часто бывает неоднородным. Волевое содержание умысла, как уже говорилось, определяется отношением к главному объективному элементу деяния, который в концентрированном виде выражает общественную опасность деяния в целом. Такими главными, определяющими признаками являются действие (в преступлениях с формальным составом) и последствие (в преступлениях с материальным составом). Сознательно совершаемое действие (бездействие) может быть только желаемым, но не сознательно допускаемым. Психологическая сущность сознательного допущения такова, что его предметом могут быть только реальные изменения в будущем, т. е. общественно опасные последствия, причиняемые виновным и охватываемые его сознанием.

Сознательное допущение проявляется в значительно более узкой сфере, чем желание. Оно не может иметь места в преступлениях, объективная сторона состава которых не включает общественно опасных последствий. Оно, как уже отмечалось, несовместимо с предвидением неизбежности наступления общественно опасных последствий. Кроме того, сознательное допущение несовместимо с некоторыми уголовно-правовыми институтами и с отдельными формами преступной деятельности.

Все изложенное о сознательном допущении позволяет сделать следующие выводы:

1) сознательное допущение — это волевое отношение только к общественно опасным последствиям, возможность наступления которых именно в данном конкретном случае предвидит виновный;

2) сознательное допущение — это активный психический процесс, состоящий в положительном, одобрительном отношении виновного к наступлению общественно опасных последствий;

3) сфера возможного проявления сознательного допущения значительно уже, чем сфера проявления желания.

§ 5. Классификация видов умысла

Вопрос о классификации видов умысла начал обсуждаться в русской уголовно-правовой науке еще в прошлом веке. При этом большинство споров касалось деления умысла на виды в зависимости от содержания интеллектуального и волевого элементов.

Некоторые юристы считали, что в рамках «вины сознаваемой» границы между ее отдельными разновидностями не имеют четкого характера и вообще являются условными, поэтому не видели качественного различия между желанием, сознательным допущением и легкомысленным расчетом избежать последствий⁶⁶. Отдельные ученые заявляли, что «*dolus eventualis* существует только в фантазии криминалистов, а не есть что-либо существующее в действительной жизни»⁶⁷.

Отдельные ученые пытались теоретически обосновать деление умысла на виды в зависимости от особенностей содержания его интеллектуального и волевого элементов. Но упомянутые классификации не имели единого классификационного критерия и не содержали конкретно-определенной теоретической характеристики каждой разновидности умысла.

Любая классификация может быть теоретически правильной и практически значимой, если за ее основание берется стабильный признак, выражающий существенное свойство и передающий качественное своеобразие классифицируемых явлений. «Во всякой классификации главным условием ее плодотворности выступает правильный выбор критериев, оснований членения»⁶⁸. Касаясь основания классификации видов умысла, Н. С. Таганцев писал: «Виновность представляет известное отношение между совершаемым правонарушением и нашим представлением о нем; в различии этого соотношения лежит основание деления виновности на виды»⁶⁹.

Деление умысла на виды в зависимости от особенностей «нашего представления» о деянии, т. е. от интенсивности сознания и направленности воли, является основной классификацией видов умысла, которая прямо вытекает из законодательного определения умышленной вины. Речь идет о подразделении умысла на прямой и косвенный (эventуальный), о классификации, целесообразность которой в настоящее время никем не оспаривается. Правда, в свое время было высказано мнение о целесообразности объединения косвенного умысла и преступной самонадеянности в особую разновидность вины — заведомость, которая рассматривалась бы как промежуточная форма вины между умыслом и неосторожностью⁷⁰, но это предложение не было воспринято советской наукой уголовного права. Различия во взглядах по вопросу о делении умысла на прямой и косвенный касаются в настоящее

⁶⁶ Фельдштейн Г. С. Учение о формах виновности. — С. 69—70.

⁶⁷ Колоколов Э. О. Уголовное право. — С. 126. Не делал различия между прямым и косвенным умыслом и А. П. Чебышев-Дмитриев: Русское уголовное право. — С. 139.

⁶⁸ Кригер Г. А., Кузнецова Н. Ф. Новое уголовное законодательство и его научно-практическое значение//Советское государство и право. — 1984. — № 1. — С. 74.

⁶⁹ Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. — С. 6.

⁷⁰ См.: Чельцов М. А. Спорные вопросы учения о преступлении//Социалистическая законность. — 1947. — № 4. — С. 8; Лившиц В. Я. К вопросу о понятии эventуального умысла//Советское государство и право. — 1947. — № 7. — С. 37.

время главным образом психологического содержания каждого из названных видов умысла.

Большинство ученых считают, что по интеллектуальному элементу прямой и косвенный умысел не различаются, т. к. оба они характеризуются сознанием общественно опасного характера совершаемого деяния и предвидением его общественно опасных последствий. П. С. Дагель утверждал, что «попытки проводить различие между ними по интеллектуальному моменту не основаны на законе и ошибочны по существу»⁷¹. Но тот же ученый основательно считал, что «различные формы вины должны характеризовать различное интеллектуальное и волевое отношение лица к деянию и его последствиям»⁷². Это рассуждение логично продолжить в том направлении, что различными интеллектуальным и волевым содержанием характеризуются не только разные формы, но и разные виды вины. В противном случае отпала бы необходимость выделять отдельные разновидности вины в рамках одной и той же формы. И если законодатель в определении умысла не подчеркивает различие в интеллектуальном содержании обоих видов умысла, то не потому, что этого различия нет, а потому, что при описании одной и той же формы вины необходимо подчеркнуть наиболее существенные черты, присущие данной форме. Общими чертами интеллектуального элемента обоих видов умысла является предвидение общественно опасных последствий при сознании общественной опасности деяния. Но характер предвидения при прямом и при косвенном умысле различен.

Выше было показано, что предвидение общественно опасных последствий как неизбежных может сочетаться только с их желанием и несовместимо с их сознательным допущением. Возникает вопрос: возможен ли при прямом умысле иной характер предвидения последствий, кроме как в форме их неизбежности? Советские криминалисты почти единодушно во мнении, что интеллектуальный элемент прямого умысла может характеризоваться предвидением не только неизбежности, но также реальной возможности или даже, как считают некоторые исследователи, вероятности наступления общественно опасных последствий. Однако, исходя из диалектики связи сознания и воли, следует признать, что для прямого умысла характерно предвидение именно неизбежности наступления вредных для общества последствий. «Желание переходит в подлинно волевой акт, когда к знанию цели присоединяется установка на ее реализацию, уверенность (рядомка моя — А. Р.) в ее достижимости и направленность на овладение соответствующими средствами»⁷³.

Желание, как уголовно-правовое явление, — это определенный акт человеческой воли, выраженный в конкретном преступном деянии. Эту волю человек выражает в целенаправленном действии только при условии осуществимости его намерения. А на-

мерение субъект считает осуществимым, если, по его мнению, планируемые последствия наступят обязательно. Конечно, речь не идет о фактической их неизбежности, которая зависит не только от желания и действий субъекта, но и от целого ряда других факторов, частично или совсем не зависящих от воли виновного. Речь идет о мысленной модели причинно-следственной связи, построенной в сознании субъекта. В этой модели причина (деяние) обязательно вызывает следствие (желаемый результат). Именно сознание закономерности, необходимости наступления последствий побуждает виновного действовать ради их достижения.

Иногда приводится пример, в котором неопытный стрелок пытается выстрелом из пистолета с большого расстояния убить другого человека. Виновный сознает, что у него мало шансов сделать меткий выстрел. Из этого делается вывод, что в данном случае желание причинить смерть соединено с предвидением лишь небольшой вероятности наступления этого последствия. Однако этот вывод основан на смешении двух различных вопросов: вопроса об объективной реальности или нереальности осуществления задуманного преступления с вопросом о психологическом содержании умысла в случае осуществления преступного намерения. Действия виновного предопределяются его расчетом на реальное осуществление задуманного преступления, поэтому модель причинно-следственной цепи создается в его сознании применительно к успешному осуществлению преступного намерения. Стало быть, желаемые лицом общественно опасные последствия существуют в его сознании в идеальной форме, мыслятся как уже наступившие, т. е. отражаются как неизбежный результат удачного выстрела.

Лишь в отдельных случаях совершения преступления с прямым умыслом общественно опасные последствия могут предвидеться в форме реальной возможности их наступления. Это возможно тогда, когда избранный виновным способ осуществления преступления объективно способен с примерно равной степенью вероятности вызвать разноплановые последствия. Например, сбрасывая жертву из тамбура движущегося поезда, преступник понимает, что и смерть и любой тяжести вред здоровью потерпевшего будут в зависимости от обстоятельств падения одинаково закономерным результатом этого преступления. В данном случае желаемое последствие (смерть) является закономерным, но не единственно возможным результатом совершенных действий, поэтому виновный предвидит не неизбежность, а лишь реальную возможность его наступления.

Следовательно, интеллектуальный элемент прямого умысла складывается из сознания общественно опасного характера деяния и предвидения, как правило, неизбежности, а в отдельных случаях — реальной возможности наступления общественно опасных последствий. Его волевой элемент заключается в желании причинить эти последствия.

⁷¹ Дагель П. С. Проблемы вины... — С. 85.

⁷² Там же. — С. 49.

⁷³ Рубинштейн С. Л. Указ. соч. — С. 514.

По вопросу о характере предвидения при косвенном умысле в науке существуют две точки зрения. Одни ученые считают, что виновный предвидит либо возможность, либо неизбежность наступления общественно опасных последствий, другие полагают, что сознательное допущение последствий совместимо только с предвидением возможности их наступления. Вторая точка зрения более предпочтительна. Практика высших судебных органов СССР и РСФСР тоже связывает неотвратимость наступления последствий с прямым умыслом, а их возможность — с косвенным⁷⁴.

Возможность наступления последствий как предмет предвидения при косвенном умысле в литературе нередко характеризуется как «реальная». Термин «реальная возможность» очень точно передает оттенок в характере предвидения при косвенном умысле. Возможность наступления общественно опасных последствий предвидится как реальная, если субъект считает эти последствия закономерным результатом развития причинной связи именно в данном конкретном случае. Если же лицо, создавая закономерность наступления последствий во многих других аналогичных ситуациях, не распространяет ее на данный конкретный случай, то можно говорить о предвидении лишь абстрактной возможности наступления общественно опасных последствий. Но понятия реальной и абстрактной возможности иногда трактуются иначе. По мнению одного из ученых, абстрактно возможным является все, что не противоречит законам природы и общества, а также законам логики, даже если в действительности отсутствуют условия, порождающие данное явление (например, всегда есть абстрактная возможность аварии из-за разрыва тормозного шланга в автомобиле, абстрактная возможность того, что в глухом лесу за деревом окажется человек и он попадает под выстрел охотника). Реальной же (конкретной) возможностью считается ситуация, в которой имеются условия, способные вызвать данное явление⁷⁵. С подобным толкованием трудно согласиться. Если нет причины и необходимых условий, то следствие невозможно. При отсутствии в действительности «условий, порождающих данное явление», не может быть ни реальной, ни абстрактной возможности наступления этого явления. Абстрактный — значит отвлеченный. А предвидение абстрактной возможности общественно опасных последствий означает их предвидение отвлеченно от данного конкретного случая, т. е. сознание их закономерности вообще для сходных ситуаций, но только не для данной конкретной.

Сознательное допущение совместимо с предвидением только реальной, а не абстрактной возможности наступления обществен-

но опасных последствий, ибо невозможно соглашаться на последствия, не являющиеся закономерными для данного конкретного случая. Содержание косвенного умысла в том и состоит, что лицо, создавая общественно опасный характер своего деяния, предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий и сознательно допускает их наступление. Следовательно, оба вида умысла различаются по содержанию и интеллектуального и волевого элементов. Различие в интеллектуальном элементе заключается в неодинаковом характере предвидения последствий: прямой умысел характеризуется предвидением, как правило, неизбежности, а косвенный — только реальной возможности наступления общественно опасных последствий. Однако главное, определяющее различие между прямым и косвенным умыслом коренится в волевом элементе: прямой умысел характеризуется желанием, а косвенный — сознательным допущением общественно опасных последствий.

Рассмотренное деление умысла на виды помимо чисто теоретического имеет немалое практическое значение. Строгое разграничение обоих видов умысла необходимо для правильного применения ряда институтов уголовного права (приготовление, покушение, соучастие и др.), для квалификации преступлений, законодательное описание которых предполагает только прямой умысел, для определения степени вины, а также для индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

В литературе высказывалось утверждение, будто помимо прямого и косвенного умысла существуют и другие его виды (определенный, неопределенный и т. д.). На самом деле все эти виды умысла по содержанию интеллектуального и волевого элементов относятся либо к прямому, либо к косвенному и не представляют качественно отличных от них разновидностей умысла. Поэтому правильнее говорить не о «прочих видах умысла», а о других его классификациях, т. е. о делении умысла на виды по иным основаниям, чем в рассмотренной выше классификации.

Одним из оснований классификации умысла является момент его формирования. По этому критерию в дореволюционной науке умысел делился либо на три вида: 1) заранее обдуманый (предумышленный), 2) внезапно возникший и хладнокровно реализованный и 3) аффектированный⁷⁶, либо на два вида: 1) предумышленный и 2) простой умысел, включающий в себя и аффектированный⁷⁷. Оба эти варианта данной классификации воспроизводятся в советской уголовно-правовой науке.

Следует заметить, что данная классификация носит условный характер. «Дело в том, что умысел является элементом состава преступления, т. е. возможен только в преступлении, только в связи с деянием. Помимо деяния нет и не может быть умысла.

⁷⁴ Например: постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Казакова//Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1970. — № 5. — С. 22; постановление по делу Денисова и др.//Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1968. — № 3. — С. 21; постановление по делу Бусыгина//Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного Суда СССР по уголовным делам. 1959—1971. — М., 1973. — С. 24.

⁷⁵ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 132.

⁷⁶ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. — С. 604—605; Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. — С. 296.

⁷⁷ См.: Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. — С. 338—339.

Когда же говорят о заранее обдуманном умысле, то имеют в виду психическую деятельность до совершения преступления, а именно: возникновение побуждения, выработку цели и этапы воли, включая принятие решения»⁷⁸. Следовательно, точнее было бы говорить об умысле, соединенном с внезапно возникшим побуждением или с побуждением, возникшим заранее. С этой оговоркой можно использовать общепринятый термин — заранее обдуманный умысел — с учетом его простоты и распространенности в теории и на практике.

Аффектированный умысел, в отличие от простого, внезапно возникшего, характеризует не столько момент, сколько психологический механизм возникновения намерения совершить преступление. Поводом к его возникновению являются неправомерные действия потерпевшего в отношении виновного или его близких. Они внезапно вызывают у субъекта сильное душевное волнение, существенно затрудняющее сознательный контроль над волевыми процессами. Поэтому в преступлении, совершенном в состоянии аффекта, в меньшей мере проявляется антисоциальная установка личности, а больше сказывается влияние ситуации как внешнего повода для совершения преступления. Этим и обусловлено смягчение наказания за преступление, совершенное с аффектированным умыслом.

Простым (внезапно возникшим) называется такой умысел, при котором намерение совершить преступление возникло у виновного в нормальном психическом состоянии и было реализовано сразу же или через короткий промежуток времени после возникновения.

Умысел следует считать заранее обдуманным, если намерение совершить преступление было реализовано через более или менее значительный отрезок времени после возникновения. Во многих случаях заранее обдуманный умысел свидетельствует о настойчивости, а иногда и об изощренности субъекта в достижении преступных целей, следовательно, заметно повышает опасность как преступления, так и самого виновного. Однако опасность деяния и его субъекта не всегда повышается при заранее обдуманном умысле. Сам по себе момент возникновения намерения совершить преступление — обстоятельство, в значительной мере случайное, и по сути не может оказать большого влияния на степень общественной опасности деяния или виновного. Гораздо важнее те причины, по которым лицо осуществило свой замысел не сразу. Если это объясняется его нерешительностью, колебаниями, отрицательным эмоциональным отношением к преступлению и его результатам, то заранее возникший умысел ни в коей мере не опаснее простого умысла. Но если разрыв во времени между возникновением и реализацией преступного замысла обусловлен особым коварством субъекта или особой изощренностью способов достижения преступной цели, то заранее обдуманный умысел существенно

повышает опасность преступления и личности виновного. Особое коварство проявляется, например, в том, что виновный использует доверчивость жертвы, чтобы заманить ее в хитрую ловушку, либо искусственно создает ложные доказательства своей невиновности, бросая тень подозрений на другое лицо, либо использует в преступлении других лиц, не сознающих своей роли в достижении преступной цели виновного, и т. п. К особо изощренным способам совершения преступления следует отнести, к примеру, систематическое подмешивание в пищу жертвы медленно действующего и трудно обнаруживаемого в организме яда, применение взрывных устройств, срабатывающих при вскрытии «посылки», использование при мошенничестве поддельных документов и формы работников милиции и т. п. При наличии указанных признаков заранее обдуманный умысел, разумеется, опаснее внезапно возникшего умысла.

Советскими учеными уже высказывалась мысль о том, что изощренность и коварство повышают опасность преступления. «Соединенное с изощренным, а иногда и коварным обманом... мошенничество глубоко аморально и особенно нетерпимо»⁷⁹. Изощренность и коварство оценивалось как отягчающее обстоятельство и в истории советского уголовного законодательства. Например, в первом УК Грузинской ССР квалифицированным видом убийства признавалось убийство из засады, а УК РСФСР 1922 г. выделял такой вид квалифицированного убийства, как убийство с использованием беспомощного состояния потерпевшего. В советском уголовном законодательстве длительное время существовал такой квалифицированный вид кражи, как кража с применением технических средств (ч. 2 ст. 89, ч. 2 ст. 144 УК РСФСР в редакции (1960 г.), применение которых свидетельствовало о предумышленном характере преступления⁸⁰. В некоторых случаях предумышленные преступления выделяются в квалифицированные их виды и в действующем законодательстве. Например, закон признает совершенными при особо отягчающих обстоятельствах кражу, грабеж и разбой, соединенные с проникновением в помещение или иное хранилище либо в жилище (ч. 3 ст. 89, ч. 3 ст. 90, п. «ж» ч. 2 ст. 91, ч. 3 ст. 144, ч. 3 ст. 145, п. «е» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1982 г.). Такие преступления (особенно кража) чаще всего связаны с предварительной подготовкой и использованием специально изготовленных или приспособленных ключей, отмычек или инструментов. Хулиганство признается особо злостным, если совершено с применением или попыткой применения предметов, специально приспособленных для нанесения телесных поврежде-

⁷⁹ Владимиров В. А. Квалификация похищений личного имущества. — М., 1974. — С. 92.

⁸⁰ См.: Волженкин Б. Понятие технических средств при краже // Социалистическая законность. — 1979. — № 7. — С. 31; Борзенков Г. Квалификация кражи, совершенной с применением технических средств // Советская юстиция. — 1979. — № 22. — С. 18.

⁷⁸ Ткаченко В. И. Ответственность за умышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта — М., 1979. — С. 27.

ний. Использование с определенной целью специально подготовленных предметов характеризует не только объективную, но и субъективную сторону этих преступлений, свидетельствуя об их преднамеренном характере⁸¹. А это оценивается законодателем как особо отягчающее обстоятельство. Подобная позиция законодателя наблюдается и в УК некоторых зарубежных социалистических стран, где убийство признается квалифицированным, если оно совершено преднамеренно (п. 9 ст. 116 УК НРБ) или коварным способом (п. 3 абз. 2 § 112 УК ГДР).

Учитывая, что преднамеренное совершение преступления, связанного с особой изощренностью или особым коварством, существенно повышает опасность любого умышленного преступления, целесообразно дополнить ст. 33 Основ уголовного законодательства пунктом следующего содержания:

«10) совершение преступления с особой изощренностью или особым коварством».

Соответственно следовало бы дополнить ст. 39 УК РСФСР пунктом 13 аналогичного содержания.

Кроме того, для придания этому признаку квалифицирующего значения при совершении наиболее тяжкого преступления против жизни целесообразно дополнить ст. 102 УК РСФСР следующим пунктом:

«м) совершенное с особой изощренностью или особым коварством».

Большинство юристов считают, что умысел рассмотренных видов по своему психологическому содержанию может быть как прямым, так и косвенным. Эта точка зрения правильна, поскольку момент возникновения преступного намерения сам по себе не определяет ни интеллектуального, ни волевого содержания.

Практическое значение рассмотренной классификации состоит в том, что она позволяет детальнее исследовать психологический механизм преступления, точнее определить степень проявления в деянии антиобщественных взглядов и привычек виновного и в соответствии с этим индивидуализировать ответственность и наказание.

Следующей классификацией является деление умысла на определенный и неопределенный. Хотя эта классификация общепризнана в советском уголовном праве, мнения советских юристов совпадают далеко не по всем пунктам рассматриваемого вопроса. Прежде всего, нет единства взглядов на основание классификации. Одни авторы утверждают, что в ее основе лежит направленность умысла, другие считают основанием классификации характер содержания умысла, третьи — степень ясности сознания.

⁸¹ См.: Портнов И. Отграничение умысла заранее обдуманного от внезапно возникшего // Социалистическая законность. — 1978. — № 7. — С. 43; Демидов С. О квалификации особо злостного хулиганства // Советская юстиция. — 1981. — № 11. — С. 14—15.

Направленность умысла определяется мобилизацией воли на достижение определенной цели, т. е. характеризует волевой элемент. Он же в свою очередь зависит от характера и объема сознания. Если сознанием охватываются и конкретно определены все существенные свойства преступления, то его волевая направленность не может быть неопределенной. Если же существенные свойства преступления осознаются не в индивидуально-определенных, а только в общих, видовых чертах, то можно говорить о неопределенном умысле. Стало быть, основанием деления умысла на определенный и неопределенный служит не направленность умысла. Вряд ли есть основания говорить и о содержании умысла как о критерии данной классификации. Содержание характеризует психологическую структуру умысла в целом, т. е. интеллектуальный и волевой элементы. А различная степень определенности, четкости представлений об основных свойствах деяния — это вопрос только сознания, только интеллектуального элемента. Поэтому и критерий рассматриваемой классификации следует видеть в степени определенности представлений субъекта, что полностью соответствует и названию отдельных видов умысла.

Различные точки зрения высказываются и по вопросу о том, сознание какого именно признака делает умысел определенным или неопределенным. Одни ученые делят умысел на определенный и неопределенный в зависимости от ясности предвидения общественно опасных последствий. Другие считают, что вид умысла зависит от большей или меньшей определенности сознания всех объективных признаков деяния, имеющих значение для квалификации преступления и для индивидуализации ответственности (например, способ похищения имущества, принадлежность похищаемого имущества, его стоимость и т. д.). По мнению П. С. Дагеля, неопределенным умысел чаще всего бывает по отношению к количественным показателям (сумма ущерба, тяжесть телесного повреждения), а альтернативным — в зависимости от отношения к качественным показателям (принадлежность имущества при хищении, беременность потерпевшей при убийстве). «Поэтому умысел может быть одновременно и альтернативным (по отношению, скажем, к принадлежности похищаемого имущества) и неопределенным (по отношению к его стоимости)»⁸². Логически развивая эту концепцию, можно прийти к выводу, что умысел в одном и том же преступлении может быть и определенным (по отношению к принадлежности похищаемого имущества), и неопределенным (по отношению к его стоимости), и альтернативным (по отношению к открытому либо тайному способу похищения). Такая концепция лишает рассматриваемую классификацию видов умысла теоретической четкости и делает ее непригодной для использования в практике.

Можно согласиться с тем, что вид умысла зависит не только от ясности представления о характере последствий. Но не следует включать в орбиту представлений субъекта все те признаки де-

⁸² Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 112.

нения, которые имеют значение для квалификации преступления и для индивидуализации ответственности. Умысел может быть определенным или неопределенным в зависимости от того, с большей или меньшей конкретностью отражен в сознании виновного наиболее существенный объективный признак преступления, определяющий или изменяющий его квалификацию. Такими признаками могут быть и объект (вид собственности при хищении), и последствия (характер физического вреда при телесных повреждениях), и способ совершения преступления (тайное или открытое похищение имущества).

В литературе нет единства взглядов и по вопросу о количестве видов умысла. Некоторые ученые называют три вида: определенный, неопределенный и альтернативный, другие указывают только определенный и неопределенный, но делают определенный на два подвида: простой и альтернативный.

Определенный умысел характеризуется наличием конкретного представления о качественных и количественных показателях главного объективного признака. Это представление обуславливает определенное волевое отношение именно к этому признаку. При неопределенном умысле у субъекта имеется не индивидуально-определенное, а общее представление об объективных свойствах деяния, т. е. виновный сознает только видовые его признаки. Например, виновный предвидит, что в результате будет причинен вред здоровью потерпевшего, но не сознает величины этого вреда. Налицо неопределенный умысел на причинение телесных повреждений.

В тех случаях, когда человек предвидит примерно одинаковую возможность наступления двух или более конкретно-определенных последствий, воля его не направлена только на одно из них, поэтому нет оснований говорить об определенном умысле. Однако его нельзя назвать и неопределенным, поскольку у виновного имеется представление не о видовых, а об индивидуальных признаках последствий, хотя сознанием охватываются два или более вариантов этих последствий, на достижение любого из которых в равной степени направлена воля субъекта. Поэтому альтернативный умысел правильнее считать самостоятельным видом умысла, а не разновидностью определенного.

Дискуссионным является вопрос о том, применима ли данная классификация только к прямому умыслу или также к косвенному. Большинство ученых считают, что по степени определенности могут различаться и прямой и косвенный умысел⁸³, но некоторые юристы считают определенный, неопределенный и альтернативный умысел разновидностями только прямого умысла⁸⁴.

⁸³ См.: Уголовный кодекс РСФСР. Научно-практический комментарий. — Т. 1. — Общая часть. — Свердловск, 1961. — С. 29—30; Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР. — М., 1964. — С. 20; Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 111—113; Самолюк И. Определенный и неопределенный умысел // Советское государство и право. — 1966. — № 7. — С. 121.

⁸⁴ См.: Демидов Ю. А. Умысел и его виды. — С. 13; он же: Предметное содержание умысла. — С. 34—35.

При решении этого вопроса следует исходить из того, что критерием отнесения умысла к определенному, неопределенному или альтернативному является степень конкретности представлений об основных социальных свойствах деяния. Этот критерий лежит в плоскости интеллектуального элемента умысла, а его волевое содержание при одной и той же степени определенности может быть различным.

Например, Козлов похитил на фармацевтическом заводе сильнодействующее ядовитое вещество и спрятал у своих соседей, поручивших ему присмотр за квартирой на время своего отъезда в отпуск. Неожиданно соседи возвратились домой, и Козлов был лишен возможности забрать яд из их квартиры. Он знал, что из-за негерметичности упаковки ядовитое вещество испаряется и его пары, оказывая сильное воздействие на организм человека, способны причинить находящимся в квартире людям тяжкий вред, вплоть до смерти. Боясь ответственности, Козлов не забрал опасную поклажу. Супруги, проживающие в квартире, получили тяжкое отравление, повлекшее стойкую утрату трудоспособности более чем на одну треть, а их восьмилетняя дочь скончалась. Козлов предвидел не неизбежность, а лишь реальную возможность наступления тяжкого вреда здоровью и жизни соседей, не имея при этом конкретного представления о степени тяжести этого вреда. Не желая причинения таких последствий, он сознательно допускал их наступление, т. е. действовал с неопределенным косвенным умыслом.

Вопрос о квалификации преступлений, совершенных с неопределенным умыслом, представляет известную сложность. Высказывалось мнение, что такие преступления следует квалифицировать по «наиболее тяжелым объективно возможным и отраженным в сознании субъекта» последствиям⁸⁵. Эта позиция аргументируется двумя основными доводами. Во-первых, ответственность за умышленное преступление строится не по фактически наступившим последствиям, как при неосторожности, а в соответствии с содержанием и направленностью умысла. Во-вторых, неопределенный умысел — это не «умысел вообще», а «предвидение и желание (или сознательное допущение) именно этих, наряду с другими, преступных последствий»⁸⁶. Оба довода не являются убедительными. Во-первых, если не переходить в плоскость вопроса о неоконченных преступлениях, то ответственность за умышленное преступление с материальным составом определяется двумя неразрывно связанными факторами: и направленностью умысла, и фактически наступившими последствиями. Во-вторых, предвидение «именно этих, наряду с другими», последствий характерно не для неопределенного, а для альтернативного умысла. При неопределенном умысле у субъекта отсутствует предвидение конкретно определенных последствий, поэтому нет оснований для постановки вопроса об их желании или сознательном допущении. Таким образом, для вменения при неопределенном умысле наиболее тяжкого из

⁸⁵ См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 114—115.

⁸⁶ Там же. — С. 115.

«объективно возможных» последствий нет ни объективного основания (это последствие фактически не наступило), ни субъективного (отсутствует направленность умысла на его причинение).

Более предпочтительна позиция тех юристов, которые считают, что преступления, совершенные с неопределенным умыслом, следует квалифицировать в зависимости от фактически наступивших последствий.

Иногда в юридической литературе предлагается деление умысла на общий и специальный⁸⁷. Однако термин «специальный умысел» употребляется «для обозначения собственно не особого вида умысла, а цели преступного деяния, насколько она специально указана в законе»⁸⁸. В отличие от рассмотренных выше классификаций деление умысла на общий и специальный определяется не особенностями психологического содержания умысла, а законодательным описанием преступления. К тому же предлагаемое деление, включая цель в рамки умысла, неосновательно расширяет психологическое содержание последнего. Следовательно, для подобной классификации нет теоретических оснований и практической необходимости.

§ 6. Способы законодательного описания умышленных преступлений

В действующем Уголовном кодексе РСФСР предусмотрено 288 составов преступлений, из которых 23 законодатель прямо называет умышленными, а 5 — неосторожными. Кроме того, при описании двух преступлений говорится о преступно-небрежном (ст. 99¹) или просто о небрежном (ст. 219) деянии. В этих двух случаях имеется в виду не небрежность как вид неосторожности, а небрежное, т. е. ненадлежащее, недобросовестное, выполнение виновным определенных правил. Но оба преступления и в самом деле характеризуются неосторожной виной, поэтому в литературе их относят к числу преступлений, которые законодатель называет неосторожными.

Поскольку в подавляющем большинстве составов преступлений форма вины законодатель не указана, она должна быть установлена путем анализа отдельных признаков состава. Для правильного применения уголовно-правовых институтов, совместимых только с умыслом (приготовление, покушение, соучастие), для детального исследования субъективной стороны преступления и для индивидуализации уголовной ответственности и наказания очень важно установить, является преступление умышленным или неосторожным либо оно может совершаться с любой формой вины. Поэтому отдельные советские криминалисты уже пытались классифицировать по формам вины все преступления, предусмотрен-

ные уголовным законодательством. Так, по подсчетам П. С. Дагеля, из 243 преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР по состоянию на 1968 г., 76% могли быть совершены только умышленно, 6% — только неосторожно и 18% — с любой формой вины⁸⁹. Результаты автора настоящей работы существенно отличаются в сторону увеличения удельного веса умышленных преступлений за счет преступлений с любой формой вины (соответственно: 85,0%, 10,1% и 4,9%). И дело, очевидно, не только в том, что после 1968 года Уголовный кодекс дополнялся в основном за счет умышленных преступлений (за период с 1969 г. по 1986 г. Уголовный кодекс РСФСР пополнился 43 новыми составами преступлений, из которых только три характеризуются неосторожной формой вины, а именно описанные в ст.ст. 211³, 251¹ и 260¹). Разница в результатах подсчетов объясняется, скорее всего, различным пониманием субъективной стороны многих составов преступлений. Чтобы свести отмеченную разницу к минимуму, необходимо определить методику классификации преступлений по формам вины. Наиболее точным инструментом для этого является способ законодательного описания преступления.

Об умышленном характере преступления могут свидетельствовать следующие способы его описания в законе.

1. Прямое указание на умышленную форму вины

Такое указание не всегда позволяет определить, с каким видом умысла возможно совершение данного преступления, но исключает разногласия относительно формы вины. В УК РСФСР умышленная форма вины определена самим законодателем только в 23 случаях из 288.

2. Указание на специальную цель деяния

В советском уголовном праве преобладает мнение, что специальная цель деяния, введенная в число признаков состава преступления, может сочетаться только с прямым умыслом. Но в литературе последних лет встречаются утверждения, что цель и мотив могут существовать и в неосторожных преступлениях⁹⁰. Постановка вопроса о цели в неосторожных преступлениях основана на смешении понятий цели как субъективного признака преступ-

⁸⁹ Дагель П. С. Вина и состав преступления // Материалы III Дальневосточной межвузовской зональной конференции, посвященной 50-летию Советской власти. Секция государства и права. — Ч. V. — Владивосток, 1968. — С. 90.

⁹⁰ См.: Дагель П. С. Уголовно-правовое значение мотива и цели преступления // Социалистическая законность. — 1969. — № 5; Котов Д. П. Цель и целеполагание в неосторожных преступлениях // Проблемы борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции. — Тематич. сборник. — Т. 175. — Владивосток, 1976. — С. 47; Петелин Б. Мотивы и цели совершения преступления // Социалистическая законность. — 1968. — № 10. — С. 43—44; Мелкоян Х. Г. Проблема криминологического исследования мотивов и целей преступного поведения // Личность преступника и уголовная ответственность. — Изд-во Саратовского ун-та, 1981. — С. 55—56.

⁸⁷ См.: Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. — С. 50; Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. — С. 343; Дагель П. С. Проблемы вины... Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — С. 18.

⁸⁸ Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. — С. 299.

ления с целенаправленностью отдельных поведенческих актов, составляющих (вместе с другими) действие или бездействие как объективный признак неосторожного преступления. Неосторожное преступление не может быть средством достижения какой-либо цели, а, наоборот, чаще всего является препятствием к достижению поставленной субъектом задачи, которая сама по себе не преступна, а является либо общественно полезной либо общественно нейтральной. Например, шофер такси едет со значительным превышением скорости, чтобы вовремя доставить пассажиров в аэропорт к отлету самолета. Произшедшая из-за превышения скорости авария не только не приближает водителя к решению поставленной задачи, а делает ее вовсе невыполнимой. Его стремление своевременно прибыть в аэропорт не является целью в уголовно-правовом смысле, не является «целью преступления», хотя его действия, которые по неосторожности привели к преступному результату, носили целенаправленный характер. Поэтому законодатель ни разу не ввел цель в качестве признака состава неосторожного преступления.

Следует отметить, что на умышленный характер преступления указывает лишь введенная в состав цель деяния. Если же в законе говорится не о цели деяния, а о цели, с которой создаются, например, нарушаемые виновным правила (как, скажем, в ст. 165 УК РСФСР), то неосторожность не исключается.

Цель, как специальный признак состава преступления, указывающий на умышленную форму вины, использован законодателем при описании 38 преступлений, если не принимать во внимание случаи, когда цель упоминается наряду с прямым указанием на умышленную форму вины или когда она играет роль квалифицирующего признака.

3. Указание на мотив преступления

В литературе немало пишется о мотивах в неосторожных преступлениях⁹¹, но речь в сущности идет не о преступных мотивах, а о мотивированности любого поведения человека. К этому вопросу полностью относятся замечания, высказанные в связи с суждениями о целях в неосторожных преступлениях. К тому же законодатель ни разу не использует этого признака при описании преступлений, которые могут быть совершены по неосторожности.

Умышленная вина определяется специальным мотивом в 12 случаях.

⁹¹ Дагель П. С. Криминологическое значение субъективной стороны преступления//Социалистическая законность. — 1966. — № 11. — С. 89; Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 189—191; Петелин Б. Я. Методы установления вины//Советское государство и право. — 1983. — № 10. — С. 85—90.

Многие ученые безоговорочно связывают этот признак только с умышленной формой вины⁹². Но в литературе вполне справедливо отмечалось, что признак заведомости может в законодательном описании преступления относиться не ко всем элементам состава и что «установление умышленной вины требуется лишь по отношению к тем элементам состава, к которым закон прямо относит заведомость»⁹³. Если законодатель относит заведомость к главному объективному признаку состава преступления, признаку, определяющему преступность или квалификацию деяния, то субъективная сторона преступления характеризуется только умыслом. В преступлениях с формальным составом таким определяющим объективным признаком является общественно опасное действие или бездействие. Поэтому намеренное совершение действия, заведомо для виновного являющегося общественно опасным, означает наличие умысла. В преступлениях же с материальным составом определяющим объективным признаком являются общественно опасные последствия в форме вредных изменений в объекте посягательства. И если заведомость отнесена к общественно опасным последствиям, то преступление характеризуется умышленной виной.

Таким образом, преступление является умышленным, если при его описании законодатель использовал признак заведомости, относящийся в формальном составе к действию или бездействию, а в материальном составе — к общественно опасному последствию.

Но в законе иногда встречается признак заведомости, относящийся к иным объективным свойствам преступления. В таких случаях указание на заведомость не исключает неосторожной формы вины. Например, в ст. 211² УК РСФСР заведомость относится к технической неисправности средств, выпускаемых в эксплуатацию. В данном случае форма вины определяется не заведомостью, а психическим отношением к общественно опасным последствиям, указанным в законе. А поскольку это отношение характеризуется неосторожностью, то преступление является неосторожным, несмотря на использование признака заведомости при его описании.

5. Описание характерного способа действий

Нередко способ действий служит средством достижения поставленной цели. Поэтому описание в законе характерного способа, указывающего на целенаправленный характер преступного деяния, исключает возможность его совершения по неосторож-

⁹² См.: Бурчак Ф. Г. Квалификация преступлений. — Киев, 1983. — С. 81; Парамонов М., Кулешов Ю. Уголовная ответственность за заведомо незаконное задержание//Советская юстиция. — 1986. — № 9. — С. 19.

⁹³ Горелик А. С. К вопросу о заведомости как признаке вины//Вестник ЛГУ. — № 5. — Серия экономики, философии и права. — Вып. 1. — Л., 1964. — С. 132. См. также: Никифоров Б. С. Применение общего определения умысла к нормам Особенной части УК. — С. 120.

ности. Например, применение физического насилия, угроз или использование беспомощного состояния потерпевшей исключает неосторожный характер изнасилования. А использование вымогательства как способа получения вознаграждения за выполнение служебных обязанностей, связанных с обслуживанием населения, свидетельствует не только о целенаправленности, но и о корыстном характере этого преступления (ст. 156² УК), что исключает что-либо иное кроме прямого умысла. Об умышленном характере преступления могут говорить и такие способы его совершения, как насилие, угрозы, обман, подкуп и т. п.

6. Указание на злость деяния

Действие или бездействие признается злым, если оно совершается длительное время, неоднократно или систематически либо повторяется после предупреждения или наложения взыскания со стороны компетентных органов государства. Такое действие или бездействие свидетельствует об упорном нежелании виновного исполнять свои обязанности и обязательные для него правила. Намеренный характер злых действий (бездействия) исключает их совершение по неосторожности. В УК РСФСР указание на злость как способ описания умышленных преступлений используется 11 раз (не считая сочетания этого способа с другими, как, например, в ст. 198²). В пяти случаях законодатель прямо называет деяния злыми (ст.ст. 122, 123, 188³, 197, 198), а в шести случаях о злом характере деяния свидетельствует факт применения до этого административного взыскания к виновному за такие же действия (ст.ст. 156⁴, 162, 166, 166¹, 211¹ и 219¹ УК РСФСР).

7. Указание на незаконный характер действий

Указание на незаконный характер действий встречается в УК РСФСР при описании 19 преступлений. И хотя все они имеют формальный состав, их субъективная сторона характеризуется в литературе неоднозначно и противоречиво. Одни из таких преступлений характеризуются как совершаемые только с прямым умыслом, другие — как просто умышленные, третьи — как совершаемые с любой формой вины, четвертые — как отличающиеся сочетанием умысла по отношению к действиям с неосторожностью по отношению к последствиям⁹⁴. И даже в рамках одного и того же источника встречаются проявления неодинакового подхода к раскрытию содержания вины в преступлениях, при описании ко-

торых подчеркивается незаконный характер действий. В одних случаях волевое отношение виновного проецируется на сами незаконные действия, в других — на социальное качество, т. е. на незаконный характер этих действий. В результате одинаковые по фактическому содержанию и однотипные по юридической структуре преступления характеризуются с субъективной стороны по-разному. Например, в Комментариях к УК РСФСР 1971 г. незаконный промысел котиков и бобров (ст. 164) и незаконная порубка леса (ст. 169) рассматриваются как умышленные преступления. Но аналогичные этим преступлениям незаконное занятие рыбным и другими водными добывающими промыслами (ст. 163) и незаконная охота (ст. 166) рассматриваются как преступления, совершаемые с любой формой вины. Такое положение объясняется отсутствием единой оценки законодательного способа описания преступления путем указания на незаконный характер совершаемых действий.

При совершении преступлений, описанных в законе с помощью указания на незаконный характер действий, такой их характер является элементом общественной опасности деяния. Поэтому сознанием виновного охватывается противозаконность совершаемых действий как предпосылка их общественной опасности. А поскольку состав преступления является формальным, то противозаконные действия являются предметом не только сознания, но и воли. Сознательное же, намеренное совершение заведомо для виновного незаконных действий означает наличие желания совершить их, т. е. указывает на умышленную форму вины. По-иному следует подходить к оценке рассматриваемого способа описания преступления, если оно имеет материальный состав. В этом случае форма вины определяется психическим отношением к указанным в диспозиции последствиям, поэтому преднамеренное совершение незаконных действий вовсе не исключает неосторожной формы вины. Примером такого неосторожного преступления является незаконное врачевание, которое в УК УССР связывается с наступлением последствий в виде расстройства здоровья или смерти пациента (ст. 226). Иначе (по типу формальных составов) сконструировано это преступление в УК РСФСР (ст. 221), где оно является умышленным.

8. Указание на самовольный характер действий в преступлениях с формальным составом

Этот способ описания преступлений используется в УК РСФСР в 10 случаях. В девяти из них действия прямо названы самовольными, а в ст. 184 УК самовольный характер действий вытекает из того, что виновный совершает их вопреки запрещению со стороны прокурора, следователя или лица, производящего дознание.

Действия следует считать самовольными, если виновный совершает их по собственному почину, вопреки существующим правилам, ограничениям или прямому запрещению. Иначе говоря, ви-

⁹⁴ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. — М., 1971. — С. 184, 334, 341, 470; 29¹, 300, 355, 363; 353, 358; 244, 255, 448; Уголовный кодекс УССР. Научно-практический комментарий. — Киев, 1978. — С. 237, 243, 332, 591; 454, 530, 531, 657, 457, 460, 587. Неодинаковая трактовка субъективной стороны одних и тех же преступлений отмечалась и Б. А. Куриновым. — Научные основы квалификации преступлений. — М., 1984. — С. 109.

новый намеренно совершает действия, нарушающие запрет или специальные правила. В преступлениях с формальным составом содержание вины исчерпывается психическим отношением к самовольным действиям, а их можно совершить лишь при наличии желаний, т.е. умышленно. Иначе обстоит дело в преступлениях с материальным составом, в которых вина включает психическое отношение не только к самовольным действиям, но и к общественно опасным последствиям. Самовольный характер действий в УК РСФСР упоминается при описании двух преступлений, связанных с наступлением определенных последствий (ст. 200 — самоуправство и ст. 213¹ — самовольная без надобности остановка поезда). В обоих этих случаях намеренный характер действий не вызывает сомнения. Что же касается психического отношения к предусмотренным этими статьями последствиям, то их наступления лицо может желать, сознательно допускать, легкомысленно рассчитывать на их предотвращение или даже не предвидеть их наступления при наличии обязанности и возможности такого предвидения. Поэтому преступление, предусмотренное в ст. 213¹ УК, может быть совершено с любой формой вины. Самоуправство — это преступление, посягающее на два непосредственных объекта, причем в качестве последствия закон предусматривает причинение вреда не основному, а дополнительному объекту. Поскольку же форма вины в этом преступлении определяется психическим отношением к посягательству на основной объект, то самоуправство нужно считать преступлением с умышленной формой вины⁹⁵.

9. Характеристика бездействия как уклонения от выполнения обязанностей

В УК РСФСР с помощью термина «уклонение» описываются 11 преступлений, и все они имеют формальный состав. Содержание вины в них исчерпывается психическим отношением к самому бездействию, к факту уклонения от выполнения обязанностей. Но уклонение предполагает настойчивое стремление виновного уйти от выполнения требуемых действий, избежать выполнения лежащих на нем обязанностей, то есть всегда носит преднамеренный, целеустремленный характер, следовательно, предполагает только умышленную форму вины.

10. Характеристика объективной стороны преступления с формальным составом как нарушения специальных правил

В юридической литературе наблюдается та же разногласия в характеристике субъективной стороны преступлений, состоящих в нарушении специальных правил, что и в характеристике субъективной стороны преступлений, при описании которых законодате-

лем указано на незаконный характер совершаемых действий. Так, например, авторы научно-практического комментария к УК УССР 1978 г. считают, что нарушение правил международных полетов может быть совершено с любыми формами и видами вины, включая косвенный умысел и преступную самонадеянность. Однако совершение таких преступлений, как нарушение правил о валютных операциях или нарушение правил торговли спиртными напитками, те же авторы допускают только с прямым умыслом, хотя юридическая конструкция составов всех этих трех преступлений практически ничем не различается⁹⁶. Несоответствия подобного рода наблюдаются и в других комментариях к Уголовным кодексам союзных республик.

Если преступление, объективная сторона которого характеризуется в законе как нарушение специальных правил, имеет формальный состав, то оно может совершаться только умышленно. В пользу этого суждения свидетельствуют следующие аргументы.

Во-первых, форма вины в них определяется отношением лишь к факту нарушения определенных правил, а не к последствиям, что уже исключает возможность косвенного умысла и самонадеянности.

Во-вторых, почти все статьи УК РСФСР, устанавливающие ответственность за нарушение специальных правил, подразумевают лиц, на которых лежит специальная обязанность соблюдать эти правила или обеспечивать их соблюдение, поэтому хорошо знакомых с содержанием самих правил. А сознательно нарушить хорошо известные субъекту правила он может лишь при намеренном отклонении от норм предписываемого поведения. Исключением является нарушение правил о валютных операциях, детальное содержание которых может не быть известно виновному. Но и в этом случае общественная опасность и запрещенность любых валютных сделок в частном порядке субъектом всегда сознается, поэтому он действует преднамеренно, а значит, умышленно.

В-третьих, закон в ряде случаев устанавливает уголовную ответственность за нарушение правил лицом, уже подвергавшимся мерам административного или общественного воздействия за такое же нарушение (ст.ст. 156-1, 197 УК). В этих случаях преднамеренный характер нарушения еще более очевиден, поскольку виновный был осведомлен о противоправности подобных нарушений, а в ряде случаев предупрежден об уголовной ответственности за повторное нарушение этих правил.

Указание в диспозиции нормы на нарушение специальных правил в литературе не всегда рассматривается как признак умышленной формы вины. Например, широко распространено мнение, что нарушение правил международных полетов преступно при любой форме вины. Такая позиция вызывает сомнения. Ведь субъектами этого преступления могут быть только члены экипажа воз-

⁹⁵ О содержании вины при самоуправстве см. § 4 главы II раздела второго.

⁹⁶ Уголовный кодекс УССР. Научно-практический комментарий. — С. 244, 255, 448.

душного судна, люди, специально обученные правилам полетов, в том числе и международных. Они располагают системой точных навигационных приборов, обеспечивающих соблюдение всех элементов полета, и постоянно наблюдают за работой и показаниями этих приборов. В таких условиях практически невозможно неосознанное нарушение правил международных полетов. К тому же общественная опасность неосознанного (например, из-за неисправности приборов) отклонения от правил международных полетов не настолько велика, чтобы влечь уголовную ответственность. Исходя из этого следует сделать вывод, что она направлена на борьбу с преднамеренными нарушениями правил полетов, связанных с пересечением государственной границы СССР.

11. Неисполнение специальных обязанностей

При описании 9 преступлений, имеющих формальный состав, законодатель характеризует объективную сторону как неисполнение специальных обязанностей, лежавших на виновном. Возложенные на то или иное лицо специальные обязанности могут вытекать из различных нормативных актов, из служебного положения виновного или даже из правил социалистического общежития (например, обязанность оказать помощь любому лицу, оказавшемуся в опасном для жизни состоянии). Во всех подобных случаях виновный хорошо сознает, что на нем лежит специальная обязанность, и понимает ее характер. Единственной психологической причиной неисполнения специальной обязанности является нежелание субъекта исполнить ее, желание уклониться от ее исполнения, а это свидетельствует о наличии умышленной вины, с которой только и может быть совершено подобное преступление.

12. Специфический характер действий

Наиболее распространенным способом описания умышленных преступлений является подчеркивание законодателем специфического содержания, характерных особенностей действия, исключая возможность совершения преступления по неосторожности (например, пропаганда войны, развратные действия, получение взятки и т. п.).

Об удельном весе каждого из рассмотренных способов описания умышленных преступлений дает представление следующая таблица (с. 51).

Иногда законодатель подчеркивает умышленный характер преступления сочетанием двух или большего числа перечисленных способов. Например, в ст. 138 УК РСФСР указывается не только на умышленный характер нарушения, но также на личные побуждения и на незаконность действий виновного, а в ч. 1 ст. 198² УК указание на злостность нарушения правил административного надзора сочетается с введением в состав преступления специальной цели деяния. Подобное сочетание признаков, указывающих на

№ п/п	Способ описания преступления	Номера статей УК РСФСР	Число составов	% от общего числа
			4	5
1	Указание на форму вины	64, 86, 98, 102, 103, 104, 108, 109, 110, 112, 131, 138, 139—1, 149, 152—1, 168, 170, 171, 194—1, ч. 2; 206, 230, 238, 251	23	8,0
2	Указание на специальную цель	65, 66, 67, 68, 69, 70, 74, 76—1, 77, 77—1, ч. 1; 77—1, ч. 2; 87, 91, 92, 94—1, 94—2, 124, 125, 146; 153, ч. 2; 154, 154—1; 158, ч. 3; 175, 183; 193, ч. 1; 196, ч. 1; 198—2, ч. 1; 198—2, ч. 2; 208, ч. 3; 223—1, ч. 1; 224, ч. 1; 226, ч. 1; 226—1; 226—2, ч. 1; 228—1, 247; 265, п. «в»	38	13,3
3	Указание на специальный мотив	139, 156—3, 191—2, 192, 192—1; 193, ч. 2; 194—1, ч. 1; 195, ч. 1; 241, 242, 260, 264	12	4,2
4	Указание на заведомость	115, ч. 1; 127, ч. 2; 130, 133, 157, 176, 177; 178, ч. 1; 178, ч. 2; 180, 181, 190—1; 196, ч. 3, 208, ч. 1; 265, п. «а»	15	5,2
5	Описание способа действия	93, 94, 95, 117, 132, 134; 141, ч. 1; 141, ч. 2; 147, 148; 153, ч. 1; 156, 156—2, 179, 185, 191, 201, 243, 244; 265, п. «б»	20	7,0
6	Указание на злостность	122, 123, 156—4, 162, 166, 166—1, 188—3, 197—1, 198, 211—1, 219—1	11	3,8
7	Указание на незаконность действий	78, 83; 116, ч. 1; 126, 136, 155, 163, 164, 169, 202, 203, 217—1, 218, 221; 223—1, ч. 2; 224, ч. 3; 225, 267, 269	19	6,7
8	Указание на самовольность действий	184, 187, 194, 199, ч. 1; 199, ч. 2; 200, 245, 246, 248, 263	10	3,5
9	Характеристика бездействия как уклонения от обязанностей	80, 81, 82, 115—1, 162—1, 182, 188—1, 198—1, ч. 1; 198—1, ч. 3; 231, 249	11	3,8
10	Указание на нарушение специальных правил	84, 88, 142, 156—1, 167; 167—1, ч. 1; 167—1, ч. 2; 197, 216, 217; 224, ч. 5; 226—2, ч. 2; 255, п. «а»; 255, п. «г»; 256, 257, 258	17	5,9
11	Характеристика деяния как неисполнения обязанностей	127, ч. 1; 128, 129; 188—2, ч. 1; 188—2, ч. 2; 190; 204, ч. 1; 204, ч. 2; 223—1, ч. 4	9	3,2

Продолжение

1	2	3	4	5
12	Специфический характер действий	71, 79, 88—1, 88—2, 89, 90, 93—1, 96, 97, 105, 111, 113; 116, ч. 2; 118, 119, 120, 121, 124—1, 135, 137, 143, 144, 145; 158, ч. 1; 159, 173, 174, 174—1, 186, 188, 189, 190—2, 190—3, 191—1; 195, ч. 2; 207, 209, 210, 210—1, 212—1, 213—2, 218—1, 224—1, 224—2; 226, ч. 2; 227, ч. 1; 227, ч. 2; 228, 229; 232, ч. 1; 232, ч. 2; 233, 234, 235, 240, 261, 262, 266, 268	59	20,7
Итого			244	85,3

умышленную форму вины, нередко используется и в ряде других статей УК РСФСР.

Помимо 244 составов преступлений, в которых возможна только умышленная форма вины, с умыслом могут совершаться еще 13 преступлений (4,6%), законодательное описание которых допускает любую форму вины (ст.ст. 75, 107; 115 ч. 2; 140, 152, 165, 205¹, 213¹, 222, 223; 250 п. «а»; 259 п. «а»; 259 п. «г» УК РСФСР). И лишь 29 преступлений (10,1%) могут совершаться только по неосторожности (ст.ст. 76, 85, 99, 99¹, 100, 106; 114 ч. 1; 114 ч. 2; 150, 160, 161, 172, 205, 211, 211², 211³, 213, 214, 215, 219, 220, 239; 250 п. «г»; 251¹, 252, 253, 254; 259 п. «б»; 260¹ УК РСФСР).

ГЛАВА II

НЕОСТОРОЖНОСТЬ

Проблема неосторожной вины долгое время оставалась недостаточно разработанной в советской правовой науке. Но за последние три десятилетия были проведены серьезные уголовно-правовые и криминологические исследования неосторожности. Теоретической разработкой проблемы неосторожности в различных ее аспектах занимались М. С. Гринберг, П. С. Дагель, В. Е. Квашиш, В. Г. Макашвили, М. Г. Угрехелидзе и другие ученые. Некоторые из них высказывают суждение, что удельный вес неосторожных преступлений и в законодательстве и в общей массе реально совершаемых преступлений в последнее время заметно возрос. Так, по данным Н. Ф. Кузнецовой¹, А. Ф. Зелинского² и

¹ Кузнецова Н. Ф. Эффективность уголовного закона и ее значение в борьбе с преступностью // Вестник МГУ. — Сер. 11. Право. — 1974. — № 4. — С. 15.
² Зелинский А. Ф. «Рецидивоопасность» отдельных видов преступлений // Труды ВСШ. — Волгоград, 1974. — Вып. 10. — С. 31.

В. Е. Квашиша³, удельный вес неосторожных преступлений в общей структуре преступности достигает в настоящее время 12%. Выборочные исследования, проведенные нами в шести краях и областях РСФСР, показали, что за период с 1978 г. по 1982 г. удельный вес неосторожных преступлений оставался относительно стабильным и держался на уровне 8—10% (с незначительными отклонениями в отдельных регионах). Можно предположить, что несовпадение результатов исследований, проводимых разными учеными, в значительной мере объясняется несовершенством статистических форм учета и неодинаковой методикой подсчета неосторожных преступлений. Однако изучение практики не дает оснований для вывода о значительном росте удельного веса неосторожных преступлений как общей и устойчивой закономерности, характеризующей структуру и динамику преступности. Анализ нормативного материала также не позволяет говорить о существенном росте числа неосторожных преступлений в действующем уголовном законодательстве. За период с 1961 г. по 1986 г. Уголовный кодекс РСФСР пополнился 60 новыми составами преступлений, из которых только 5 (т. е. 8,3%) характеризуются неосторожной формой вины (ст.ст. 99¹, 211², 211³, 251¹ и 260¹). Следовательно, в законодательстве также не произошло существенно увеличения удельного веса неосторожных преступлений.

В подтверждение опасности и распространенности неосторожных преступлений в литературе иногда отмечается высокий уровень их латентности. Но вряд ли подобное утверждение достаточно основательно. Дело в том, что подавляющее большинство неосторожных преступлений имеет материальный состав. Это значит, что неосторожные преступления обычно связаны с реальным причинением конкретного указанного в законе вреда, как правило, весьма тяжкого, который выявляется прежде, чем становится ясным его преступное происхождение. Как справедливо заметил В. Е. Квашиш, «при всей ситуативности последствий неосторожных преступлений их наступление, в отличие от многих умышленных преступлений, позволяет достаточно точно фиксировать эти преступления и устанавливать виновных лиц»⁴.

Очевидность и тяжесть ущерба, причиняемого неосторожными преступлениями, не способствует их латентности. Следовательно, латентность неосторожных преступлений предположительно должна быть не выше, а ниже, чем латентность умышленных преступлений (хотя это предположение требует проверки математическими методами).

Вместе с тем нельзя недооценивать распространенность и опасность неосторожных преступлений. В условиях научно-технической революции заметно увеличивается число неосторожных преступлений, совершаемых в таких сферах, как охрана окружающей среды, безопасность движения и эксплуатации различных видов

³ Квашиш В. Е. Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы. — Владивосток, 1986. — С. 38. См. также: Кудрячев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. — М., 1982. — С. 89.

⁴ Квашиш В. Е. Преступная неосторожность. — С. 42.

транспорта, безопасность условий труда, использование новых мощных источников энергии и т. п. Подобные деяния способны причинять колоссальный экономический, организационный, экологический и иной вред. Кроме того, огромные убытки народному хозяйству причиняются такими неосторожными преступлениями, как халатность, преступно-небрежное хранение или использование сельскохозяйственной техники, неосторожное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества и т. д. Как показывают специальные исследования, размеры ущерба от неосторожных преступлений вполне сопоставимы с размерами ущерба от умышленных преступлений. К этому можно добавить следующее. Относительно невысокий удельный вес неосторожных преступлений в известной мере объясняется техникой законодательного описания преступных деяний. Большинство из них сконструированы по типу формальных составов и в буквальном соответствии с законом (ст. 9 Основ) не могут совершаться по неосторожности. Если же учесть только преступления с материальным составом, то из них только с умыслом могут совершаться 47,7%, только по неосторожности — 35,3%, с любой формой вины — 17,0%. Как видно, соотношение между умышленными и неосторожными преступлениями характеризуется вполне сопоставимыми величинами.

Касаясь проблемы повышения эффективности борьбы с неосторожной преступностью, следует согласиться, что «в целом сфера криминализации неосторожных деяний должна быть не расширена, а, скорее, сужена, что создало бы необходимые условия для применения мер уголовно-правового воздействия на все случаи неосторожности»⁵. Одним из неперенных условий усиления борьбы с неосторожными преступлениями является правильное применение законодательства о неосторожных преступлениях, а также точное установление вида неосторожности, с которой совершено преступление. Между тем в судебной практике очень редко решается вопрос о том, с каким видом неосторожной вины совершено преступление⁶. Например, по результатам изучения уголовных дел о нарушении правил охраны труда следственные органы и суды в 67% случаев не устанавливали вид неосторожности при наступлении тяжких последствий в виде травмирования людей⁷. Трудности, испытываемые практикой при применении законодательства о преступлениях, совершаемых по неосторожности, диктуют необходимость детальной теоретической разработки проблем неосторожности. Должны быть уточнены границы между умыслом и неосторожностью, общие и отличительные признаки самонадеянности и небрежности, критерии отдельных видов неосторожности, определена их сравнительная опасность.

⁵ Дагель П. С. Уголовная политика в сфере борьбы с неосторожной преступностью // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. — Межвузовский тематический сборник. — Владивосток, 1981. — С. 9.

⁶ См.: Камхадзе К. Учет неосторожной вины в судебной практике // Советская юстиция. — 1984. — № 5. — С. 12.

⁷ См.: Лановенко И. П. Охрана трудовых прав. — Киев, 1975. — С. 262.

§ 1. Преступная самонадеянность (интеллектуальный элемент)

В литературе справедливо отмечалось, что «самонадеянность — весьма сложный психологический процесс, который выходит далеко за пределы самой мысли, что все обойдется благополучно»⁸.

Целесообразность выделения преступной самонадеянности в самостоятельную разновидность вины не раз подвергалась сомнению. Еще в прошлом столетии было намечено и развито учение о трех формах вины, в котором не оставалось места для преступной самонадеянности⁹. Вместе с косвенным умыслом она объединялась в некую новую форму — заведомость, которая рассматривалась как третья форма наряду с намерением, при котором субъект желает преступного результата, и неосторожностью, при которой субъект не предвидит и не желает результата, но мог и должен был его предвидеть и избежать. В содержание заведомости вкладывалось предвидение преступного результата и его нежелание. Аналогичное предложение выдвигалось и отдельными советскими учеными¹⁰. Но оно было отвергнуто теорией и практикой уголовного права как ведущее к смешению качественно различных уголовно-правовых категорий и препятствующее строгому разграничению самостоятельных разновидностей вины.

Действующее уголовное законодательство дает определение самонадеянности и косвенного умысла в различных нормах, причем их характеристика не совпадает. Преступная самонадеянность характеризуется тем, что субъект предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния, но легкомысленно рассчитывает на их предотвращение (ст. 9 Основ). При определении самонадеянности законодатель не касается психического отношения лица к своему общественно опасному действию или бездействию, а ограничивается характеристикой отношения только к последствиям. Поэтому некоторые криминалисты считают, что при самонадеянности у субъекта отсутствует сознание общественной опасности совершаемого деяния, что признаком самонадеянности является не положительное сознание общественной опасности деяния, а обязанность и возможность такого сознания¹¹. На это соображение можно возразить, что, лишь исходя из отрицательного значения возможных последствий для общества, правонарушитель, действующий самонадеянно, стремится к пре-

⁸ Лановенко И. П. Указ. соч. — С. 256.

⁹ См.: Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. — С. 282.

¹⁰ См.: Чельцов М. А. Спорные вопросы учения о преступлении // Социалистическая законность. — 1947. — № 4. — С. 8; Лившиц В. Я. К вопросу о понятии эвентуального умысла // Советское государство и право. — 1947. — № 7. — С. 34.

¹¹ См., например: Тихонов К. Ф. К вопросу о разграничении форм виновности в советском уголовном праве // Правоведение. — 1963. — № 3. — С. 87; Орлов В. С. Вина и мотив в преступлениях несовершеннолетних. — С. 29; Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. — М., 1977. — С. 120.

доотражению этих последствий, следовательно, сознание общественной опасности деяния входит в содержание самонадеянности как разновидности вины. Из предвидения общественно опасных последствий выводятся признак сознания общественной опасности деяния многие советские ученые¹². Однако некоторые юристы полагают, что «предвидение общественно опасных последствий не равнозначно сознанию общественной опасности совершаемого деяния, поскольку оно нейтрализуется уверенностью в ненаступлении этих последствий»¹³. С приведенным положением нельзя согласиться, поскольку даже при уверенности в ненаступлении вредных последствий в данном конкретном случае лицо, действующее с преступной самонадеянностью, сознает типичность этих последствий для аналогичных ситуаций, т. е. понимает потенциальную опасность своего деяния для общества.

То обстоятельство, что при определении преступной самонадеянности законодатель ограничивается только характеристикой отношения к последствиям, объясняется следующими соображениями.

Во-первых, в соответствии с текстом закона, ответственность за неосторожность наступает только при наличии общественно опасных последствий. Поэтому отношение к действию или бездействию не имеет здесь столь важного значения, как при умысле, который может влечь ответственность и без последствий, обозначенных в законе (в преступлениях с формальным составом).

Во-вторых, в преступлениях, совершаемых по неосторожности, именно последствия придают всему деянию общественную опасность. Поэтому отношение к последствиям — это и есть отношение к общественной опасности деяния.

В-третьих, в ст. 9 Основ дается определение неосторожности в целом, а не только самонадеянности. И если бы в начале этой статьи, т. е. при описании самонадеянности, содержалось указание на сознание общественной опасности деяния, то оно распространялось бы и на преступную небрежность. А это было бы неверным, ибо, не предвидя общественно опасных последствий, лицо, действующее по небрежности, не может сознавать общественной опасности деяния.

Итак, первым интеллектуальным признаком преступной самонадеянности является сознание субъектом общественной опасности совершаемого действия или бездействия, которое содержит потенциальную угрозу причинения тяжких последствий.

Вторым признаком интеллектуального элемента преступной самонадеянности является предвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния.

¹² См., например: Демидов Ю. А. Указ. статья//Труды ВЮЗИ. — Т. 8. — 1967. — С. 217; Куринов Б. А. Квалификация транспортных преступлений. — М., 1965; — С. 170; Загородников Н. И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. — М., 1975. — С. 79; Советское уголовное право. Общая часть. — МГУ, 1981. — С. 194.

¹³ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 129—130.

Если применительно к умыслу закон говорит о предвидении последствий, то самонадеянность характеризуется предвидением лишь возможности их наступления. Но в предыдущей главе было показано, что и при косвенном умысле имеется предвидение лишь возможности, а не неизбежности наступления общественно опасных последствий. Возникает вопрос: имеется ли различие в характере предвидения последствий между косвенным умыслом и преступной самонадеянностью?

Н. С. Таганцев отмечал, что при самонадеянности виновный предвидит возможность наступления преступных последствий в абстрактной форме, но не предвидит характерной для умысла возможности их наступления в конкретной форме¹⁴. По существу аналогичную позицию занимал и другой русский ученый, который считал, что при самонадеянности виновный «хотя и предвидел последствия, но надеялся их избежать, т. е., собственно говоря, в данном конкретном случае тоже не предвидел»¹⁵. На абстрактный характер предвидимой при самонадеянности возможности наступления последствий указывают и многие советские криминалисты¹⁶. Иногда говорят об абстрактном характере самого предвидения¹⁷, что следует рассматривать как терминологическую неточность. Предвидение — это определенный мыслительный процесс, основанный на реальных и вполне конкретных фактах, и абстрактный, т. е. отвлеченный от определенной жизненной ситуации, он быть не может. Правомерно ставить вопрос лишь об абстрактной возможности наступления последствий, предвидение которой характерно для самонадеянности. Однако правомерность постановки и такого вопроса энергично оспаривается некоторыми учеными. Так, один из них утверждает, что и косвенный умысел и самонадеянность «предполагают предвидение реальной возможности вредного последствия, и, следовательно, этот признак не только не разъединяет, а, наоборот, объединяет их»¹⁸. Другой также категорически возражает против характеристики как абстрактной возможности предвидения последствий при самонадеянности. Свои возражения он мотивирует тем, что «закон, определяя самонадеянность, говорит о предвидении последствий своего действия или бездействия, а не об опасности «вообще» подобной деятельности, т. е. имеет в виду конкретное, а не абстрактное предвидение»¹⁹. Аналогичная аргументация, но в еще более категоричной форме, используется теми, которые считают, что при преступной

¹⁴ См.: Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. — С. 9; Он же: Русское уголовное право. Лекции. — С. 608.

¹⁵ Сергеевский Н. Д. Уголовное право. Пособие к лекциям. — С. 269.

¹⁶ См., например: Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. — С. 21; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. — М., 1980. — С. 19; Советское уголовное право. Часть Общая. — МГУ, 1981. — С. 195.

¹⁷ См., например: Пионтковский А. А. Учение о преступлении. — С. 369; Гринберг М. С. Понятие преступной самонадеянности//Правоведение, — 1962. — № 2. — С. 102.

¹⁸ Гринберг М. С. Указ. статья//Правоведение. — 1962. — № 2. — С. 102.

¹⁹ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 132.

самонадеянности виновные «предвидят не только возможность наступления конкретных последствий при наличии подобного рода ситуации и характера совершаемого действия вообще, но и, безусловно, предвидят реальную возможность наступления данных последствий от своих личных конкретных действий именно при возникших или создавшихся условиях, ибо в противном случае у них не могло бы возникнуть расчета на ненаступление этих последствий, их предотвращение»²⁰.

Приведенные суждения недостаточно убедительны. Самый верный способ избежать причинения вредных последствий — это воздержаться от совершения действий, способных причинить такие последствия. И если лицо все же совершает подобные действия, то только потому, что не допускает возможности причинения общественно опасных последствий в данном конкретном случае. Совершенно правильно утверждение, что «в определении самонадеянности речь идет о предвидении абстрактной возможности наступления последствий», поскольку «расчет на предотвращение последствий означает полагание невозможности их наступления»²¹. Иными словами, именно расчет избежать тяжких последствий делает возможность их наступления абстрактной в сознании субъекта, который «осознает лишь абстрактную опасность такого рода деятельности, он представляет, что вообще подобные действия могут вызвать общественно опасное последствие, но исключает реализацию опасности в данном конкретном случае»²².

Третьим признаком интеллектуального элемента преступной самонадеянности является представление субъекта о наличии факторов, сил и обстоятельств, способных, по его мнению, предотвратить наступление общественно опасных последствий. Это очень важный признак самонадеянности, ограничивающий ее от умысла. Он включает в себя констатирующий и оценочный моменты интеллектуальной деятельности виновного.

Во-первых, его сознание регистрирует наличие конкретных, реально существующих факторов, сил и обстоятельств, которые способны повлиять на ход событий, вызванных действиями виновного (личные качества виновного, действия других лиц, свойства определенных механизмов или орудий, особенности обстановки, влияние природных сил и т. д.). Для самонадеянности характерно действительное наличие обстоятельств, учитываемых субъектом, в момент совершения общественно опасного деяния либо закономерность их проявления в указанный момент. Расчет же на вмешательство факторов, которые в момент деяния отсутствуют и проявление их не является закономерным, исключает самонадеянность (например, неосновательный расчет на возможный дождь, который, по мнению виновного, должен погасить оставленный в лесу костер).

²⁰ Орлов В. С. Указ. статья//Вестник МГУ. — 1968. — № 1. — С. 29.

²¹ Емельянов А. М. Указ. статья. — С. 113.

²² Макашвили В. Г. О разграничении эвентуального умысла и самонадеянности//Правоведение. — 1965. — № 2. — С. 167.

Во-вторых, сознанием субъекта производится оценка зарегистрированных факторов, сил и обстоятельств на их способность предотвратить возможные общественно опасные последствия. Для самонадеянности характерно, что эта оценка виновным производится поверхностно, без всестороннего и тщательного учета реальной обстановки, поэтому она является ошибочной. Ошибка в оценке противоборствующих факторов составляет обязательный компонент интеллектуального элемента преступной самонадеянности. Эта ошибка состоит в том, что расчет строится на обстоятельствах, которые фактически неспособны предотвратить вредные последствия. «Таким образом, субъект допускает неправильную оценку тех обстоятельств, которые, по его мнению, должны были предотвратить наступление результата, а фактически оказались неспособны на это»²³. Неверная оценка указанных обстоятельств порождает ошибочный вывод о ненаступлении общественно опасных последствий в данном конкретном случае. У субъекта возникает, хотя и неосновательно, уверенность в предотвращении тяжких последствий, которые возможны в аналогичных ситуациях, но при отсутствии противодействующих факторов. Эту уверенность нельзя отождествлять со слепой верой, не имеющей фактического основания. Подобное отождествление мы встречаем у одного из ученых, полагающего, что «игрок в карты или игрок в кости, делающий «последнюю ставку» на определенную карту, разумеется, уверен в успехе, иначе он не сделал бы эту ставку»²⁴. В приведенном примере нет никаких оснований говорить об уверенности игрока в успехе, его психическое состояние можно характеризовать лишь как слепую веру, как беспочвенную надежду на «улыбку судьбы». А такими соображениями не вправе руководствоваться ни один человек при совершении действий, имеющих отрицательное социальное значение.

Именно наличием основания на реально существующих факторах расчета на предотвращение общественно опасных последствий преступная самонадеянность главным образом отличается от косвенного умысла.

Так, Шибанов был осужден по ст. 103 УК РСФСР за умышленное убийство подростка Осипова. В целях предупреждения кражи рыбы из мреж он сделал сигнализацию, для чего к мосткам, с которых ставились в реку мрежи, провел из своего дома провода и подключил их к электросети напряжением 220 вольт, а в доме установил звонок. При попытке развести провода от сигнализации с целью кражи мреж ночью был убит электротоком Осипов.

Шибанов предвидел возможность наступления тяжких последствий, с целью их предотвращения широко оповестил односельчан о существовании сигнализации под значительным напряжением и просил соседей не подпускать их детей к этому месту, а также показывал сигнализацию пастухам. Кроме того, он принял

²³ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 136.

²⁴ Гринберг М. С. Указ. статья//Правоведение. — 1962. — № 2. — С. 100.

целый ряд технических мер по предупреждению случайного поражения электротоком, к тому же подключал сигнализацию к электросети лишь в ночное время и только тогда, когда сам был дома. Поэтому в постановлении по этому делу Пленум Верховного Суда СССР с полным основанием указал, что «в данном случае Шибанов проявил преступную самонадеянность, поскольку он знал об опасности, которую представляет для человека электроток напряжением 220 вольт, но легкомысленно надеялся на предотвращение тяжких последствий. При этом он рассчитывал не на случайность, а на такие объективные факторы, которые, по его мнению, исключали возможность наступления тяжких последствий. При таком положении содеянное им, как убийство, совершенное по неосторожности, должно квалифицироваться по ст. 106 УК РСФСР»²⁵.

Некоторые ученые считают, что для самонадеянности характерно «предвидение, хотя бы в общих чертах, развития причинных связей, иначе невозможно не только предвидение этих последствий, но и расчет на их предотвращение»²⁶. Такая точка зрения вызывает сомнения, поскольку при самонадеянности лицо считает общественно опасные последствия возможными в сходных ситуациях, но не в данной конкретной. Наоборот, в данной ситуации последствия, по его мнению, исключаются, а значит, свои действия виновный не может воспринимать как причину последствий, наступление которых его сознанием полностью исключается. Именно непонимание фактической причинной обусловленности общественно опасных последствий действиями субъекта является элементом его ошибки относительно возможности избежать их.

Таким образом, интеллектуальный элемент преступной самонадеянности состоит из трех слагаемых: 1) сознание общественной опасности деяния, содержащего потенциальную угрозу причинения тяжких последствий; 2) предвидение абстрактной возможности наступления общественно опасных последствий; 3) сознание наличия реальных факторов, сил и обстоятельств, способных, по мнению виновного, предотвратить наступление общественно опасных последствий.

§ 2. Преступная самонадеянность (волевой элемент)

Большинство ученых, опираясь на законодательное определение неосторожности, относят легкомысленный расчет на предотвращение общественно опасных последствий к волевому элементу преступной самонадеянности. Но высказываются и другие взгляды. «Расчет субъекта на предотвращение последствий имеет как интеллектуальную, так и волевою сторону, поэтому неправильно относить его только к волевому признаку самонаде-

янности»²⁷. Далее автор поясняет: «Наряду с предвидением последствий, субъект предвидит и их ненаступление в результате действия тех обстоятельств, на которые он рассчитывает. В этом заключается интеллектуальная сторона расчета субъекта. Волевая сторона этого расчета состоит в активном желании ненаступления общественно опасных последствий, в том, что расчет на их предотвращение является одним из мотивов совершенного лицом деяния»²⁸.

Следует согласиться с тем, что психический процесс, связанный с возможностью избежать общественно опасных последствий, состоит из двух частей: из психической деятельности, включающей учет и оценку факторов, противодействующих наступлению последствий, и из психической деятельности, регулирующей волевые поступки человека, направленные на достижение поставленных не преступных целей и на предотвращение вредных последствий. Первая действительно входит в интеллектуальный элемент самонадеянности. Но это еще не сам расчет на предотвращение тяжких последствий, а лишь материальная основа для него. А вот психическая деятельность, регулирующая волевое поведение человека, направляющая его на достижение намеченных целей с одновременным предотвращением общественно опасных последствий, — это и есть сам расчет, т. е. волевой элемент преступной самонадеянности.

Расчет на предотвращение общественно опасных последствий является главным признаком, отличающим преступную самонадеянность от обоих видов умысла. При самонадеянности нет и не может быть ни желания, ни сознательного допущения последствий, т. е. нет положительного, одобрительного отношения к ним. Такое отношение психологически несовместимо с расчетом на предотвращение последствий. Расчет на предотвращение, на недопущение общественно опасных последствий — это отрицательное отношение к ним, нежелание их, стремление избежать их наступления. Однако вряд ли правильно говорить о том, что расчет на предотвращение последствий является одним из мотивов деяния, совершаемого с преступной самонадеянностью. Ведь, если бы виновный в первую очередь стремился избежать опасных последствий, то ему следовало бы просто не совершать действий, чреватых этими последствиями. Например, если бы в деле Таракановского, ставшем классическим примером преступной самонадеянности, субъект исходил из стремления избежать причинения смерти или вреда здоровью граждан, наиболее верным способом не допустить подобных последствий было бы неподключение проволочной ограды к электросети²⁹. Следовательно, расчет на предотвращение последствий нельзя воспринимать как одно из побуждений, толкнувших виновного к совершению общественно опасного деяния. Мотивация поступков, представляющих потенциальную опасность

²⁵ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1969. — № 1. — С. 22.

²⁶ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 131. См. также: Гринберг М. С. Указ. статья // Правоведение. — 1962. — № 2. — С. 101—102.

²⁷ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 133.

²⁸ Там же. — С. 134.

²⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1962. — № 4. — С. 41.

для общества, лежит за рамками интеллектуального и волевого элементов преступной самонадеянности.

Сущность расчета на предотвращение последствий заключается в том, что виновный, сознательно избрав общественно опасный способ достижения своих преступных целей, стремится, опираясь на реальные противодействующие факторы, нейтрализовать отрицательное влияние своего действия или бездействия и тем самым не допустить наступления общественно опасных последствий. Расчет как форма психической деятельности имеет, как уже отмечалось, вполне определенное содержание и реальное основание. Поэтому следует признать неправомерной подмену этого понятия термином «надежда» на предотвращение последствий, которую допускают не только отдельные юристы, но и судебные органы³⁰. Точно так же нельзя считать оправданным использование термина «рассчитывал предотвратить» вместо слов «рассчитывал на предотвращение», поскольку под словами «рассчитывал на предотвращение» законодатель подразумевает расчет виновного не только на собственные силы и качества, но и на любые другие факторы, существующие в реальной обстановке совершения деяния.

Существенным признаком преступной самонадеянности является легкомысленный, неосновательный характер расчета на предотвращение общественно опасных последствий. Эта особенность волевого содержания самонадеянности обусловлена порочностью интеллектуальной стороны психической деятельности виновного, поверхностной и поэтому неправильной оценкой влияния реальных факторов, сил и обстоятельств, которые, по мнению субъекта, должны были помешать наступлению общественно опасных последствий. Из-за своего заблуждения относительно действительной роли этих обстоятельств лицо, во-первых, не отказывается от своих целей, во-вторых, избирает общественно опасный способ их осуществления. Фактическая неспособность обстоятельств, на которых строился расчет, оказать противодействующее влияние и предотвратить последствия выявляет необоснованность этого расчета, его легкомысленный характер.

Многие юристы именно в легкомысленном характере расчета рассматривают «момент вины», т. е. основание для правового порицания. «Момент вины при самонадеянности заключается не в предвидении общественно опасных последствий, а в легкомысленном характере расчета на их предотвращение»³¹. В сфере волевого элемента видит «момент вины» и М. С. Гринберг: «Сознательное перемещение охраняемого блага в условия, в которых способность этого блага неврединно существовать становится сомнительной на будущее время, сознательное поставление важных

³⁰ См., например, определение Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу Таракановского//Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1962. — № 4. — С. 40; определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Чепеленко, по делу Герасимова//Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964 — 1972. — М., 1974. — С. 276, 278.

³¹ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 130.

государственных, общественных и личных интересов граждан в зависимости от случая, от обстоятельств, над которыми субъект не может сохранить полного и всеобъемлющего контроля, — таково действительное содержание рассматриваемого вида вины, определяющее его повышенную общественную опасность»³². Напротив, некоторые ученые относят момент морально-политического осуждения самонадеянности к области интеллектуального элемента, полагая, что при самонадеянности, как и при небрежности, «именно момент неосмотрительности придает деянию упречный характер»³³.

Для противопоставления двух приведенных точек зрения нет достаточных оснований ни в законодательном описании, ни в психологическом содержании преступной самонадеянности.

Относящаяся к интеллектуальному элементу самонадеянности ошибка в оценке факторов, сил и обстоятельств, способных, по мнению субъекта, предотвратить наступление тяжких последствий, коренится в пренебрежительном отношении виновного к государственным, общественным и личным интересам граждан. Из-за пренебрежения к ним лицо не дает себе труда учесть все возможные варианты складывающейся ситуации и правильно оценить значение всех факторов, на которых он строит расчет избежать вредных последствий. Естественно, что подобное легкомыслие, обусловленное пренебрежением к охраняемым интересам, должно быть поставлено в упрек виновному. В то же время фактическое наступление общественно опасных последствий является результатом волевого акта человека, действующего самонадеянно, без учета возможного вреда для охраняемых интересов. Своим волевым актом виновный избирает потенциально опасную для общества линию поведения, легкомысленно рассчитывая избежать наступления тяжких последствий. Ставя тем самым под угрозу охраняемые законом государственные, общественные или личные интересы, субъект проявляет к ним свое пренебрежительное отношение, что также служит основанием для морально-политического и правового осуждения, для упрека.

Таким образом, «момент вины», упрека, осуждения заключается при самонадеянности как в интеллектуальном элементе (легкомысленное отношение к оценке противодействующих факторов), так и в волевом элементе (легкомысленный характер расчета на предотвращение общественно опасных последствий).

§ 2. Преступная небрежность и ее критерии

Представители буржуазной уголовно-правовой науки длительное время предпринимали тщетные попытки обосновать ответственность за преступления, совершенные по небрежности.

³² Гринберг М. С. Указ. статья//Правоведение. — 1962. — № 2. — С. 100.

³³ Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. — С. 22; Он же: О разграничении эвентуального умысла и самонадеянности//Правоведение. — 1965. — № 2. — С. 168.

Рассматривая небрежность как формально-юридическую категорию, они не смогли объяснить социальную сущность небрежности ни «пороком воли», ни «пороком сознания». Для буржуазного права «вопрос о наказуемости неосознаваемой неосторожности становится пробным камнем для испытания всей господствующей доктрины, строящей уголовную ответственность на вине»³⁴. Зайдя в тупик в поисках обоснования ответственности за небрежность, буржуазные юристы были вынуждены либо отвергнуть ответственность за деяния, совершенные по небрежности, либо признать, что в данном случае имеет место ответственность без вины, т. е. признать наличие объективного вменения в буржуазном законодательстве, либо сводить вопрос к умышленному характеру действий, неосторожно повлекших преступные последствия³⁵.

В. И. Ленин рассматривал небрежность как разновидность вины, которая в отличие от случайного причинения вреда может обосновать уголовное ответственность³⁶. На основе положений марксизма-ленинизма и данных материалистической психологии социалистическая правовая наука сумела дать убедительное обоснование ответственности за небрежность³⁷.

Советские правоведы исходят из того, что «возможность предвидения лицом последствий своей деятельности не есть нуль в психической сфере индивида, она не является ни пустой абстракцией, ни плодом нашего субъективного измышления»³⁸. Непредвидение последствий своего деяния при наличии обязанности и возможности их предвидеть — это результат определенного психического процесса. «Так же, как торможение не есть просто отсутствие возбуждения, так и неосознание, обусловленное торможением, означает не только отсутствие сознания, а является выражением активного процесса, вызванного столкновением антагонистически действующих сил в жизни человека»³⁹. Поэтому не только в понятие умысла, но и «в понятие неосторожной вины составными элементами входят как воля, так и сознание правонарушителя, которые и являются психологическим содержанием неосторожной вины»⁴⁰.

В законе (ст. 9 Основ) небрежность характеризуется как непредвидение возможности наступления общественно опасных последствий при наличии обязанности и возможности предвидеть

³⁴ Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. — С. 367.

³⁵ Сергеевский Н. Д. Уголовное право. Пособие к лекциям. — С. 271.

³⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. — С. 27.

³⁷ Этот же вопрос нашел подробное освещение в монографиях: Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность; Угрехелидзе М. Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. — Тбилиси, 1976; Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. — М., 1977; Квашиш В. Е. Теоретические основы профилактики неосторожных преступлений. — М., 1977, а также в целом ряде других научных работ.

³⁸ Макашвили В. Г. Указ. соч. — С. 92. См. также: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 144.

³⁹ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. — М., 1957. — С. 179.

⁴⁰ Матвеев Г. К. Указ. соч. — С. 275.

эти последствия. Иллюстрацией преступной небрежности может служить следующее дело.

Шахов первоначально был осужден по ч. 1 ст. 108 и ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. Как было установлено, при совершении хулиганских действий Шахов подбежал к Штейникову, пытаясь нанести ему удар, но, не удержавшись на ногах, сбил его с ног и сам упал на него. При падении на асфальт Штейникову были причинены тяжкие телесные повреждения. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР пришла к выводу, что, «сбивая Штейникова с разбега своим телом и падая на него, Шахов не предвидел возможности наступления тяжких последствий, но мог и должен был их предвидеть, в связи с чем его действия должны быть перекалифицированы с ч. 1 ст. 108 на ч. 1 ст. 114 УК», то есть признала его виновным в причинении тяжких телесных повреждений с преступной небрежностью⁴¹.

Интеллектуальное содержание преступной небрежности характеризуется двумя признаками: отрицательным и положительным.

Отрицательный признак небрежности — непредвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий — включает в себя, во-первых, отсутствие сознания общественной опасности совершаемого действия или бездействия, а во-вторых, отсутствие предвидения преступных последствий. Хотя в законодательном определении этого вида неосторожности не сказано ни о наличии, ни об отсутствии сознания общественной опасности деяния, его отсутствие вытекает из психологической сущности небрежности и отличает ее от обоих видов умысла и от преступной самонадеянности. В литературе выделяются три возможных варианта психического отношения виновного к своему деянию при небрежности:

а) лицо сознает, что нарушает определенные правила предосторожности, но не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий;

б) лицо, совершая сознательный волевой поступок, не сознает, что этим поступком оно нарушает какие-то правила предосторожности;

в) само деяние субъекта лишено сознательного волевого контроля, но этот контроль утрачен по вине самого субъекта. «В любом из этих случаев субъект не сознает, но имеет возможность и обязан сознавать общественно опасный характер совершаемого деяния»⁴².

В двух последних случаях этот тезис не вызывает сомнений. Но и применительно к первому из перечисленных вариантов виновный, не предвидя вредных последствий, считает свое отступление от должного поведения несущественным и не могущим иметь отрицательного социального значения. То есть и в этом случае сознание общественной опасности тоже отсутствует.

⁴¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1985. — № 4. — С. 7.

⁴² Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 141.

В соответствии с законом лицо, действующее по небрежности, не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия. Небрежность — это единственная разновидность вины, при которой лицо не предвидит последствий ни в форме неизбежности, ни в форме возможности их наступления. Здесь вообще отсутствует позитивная психологическая связь между субъектом преступления и причиненными им преступными последствиями.

Положительный признак интеллектуального элемента небрежности состоит в том, что виновный должен был и мог предвидеть наступление фактически причиненных общественно опасных последствий.

Волевое содержание небрежности означает:

1) волевое решение о выборе способа общественно значимого поведения;

2) волевой характер совершаемого виновным действия или бездействия;

3) отсутствие волевых актов поведения, направленных на предотвращение общественно опасных последствий.

Во всех своих компонентах волевое содержание небрежности обусловлено негативным характером ее интеллектуального элемента, тем, что виновный не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий.

Поскольку воля субъекта непосредственно не связана с наступившими общественно опасными последствиями (они не являются ее продуктом), то практически преступная небрежность устанавливается с помощью интеллектуального ее элемента. Она является единственной разновидностью вины, характеризующейся непредвидением общественно опасных последствий, и только при отсутствии такого предвидения возникает вопрос о наличии вины в форме преступной небрежности. Этот вид неосторожности определяется тем, должен ли был и мог ли субъект предвидеть наступление общественно опасных последствий своего деяния. Долженствование означает объективный критерий, а возможность предвидения — субъективный критерий небрежности.

В ст. 10 УК РСФСР 1926 г. преступная небрежность определялась как такое психическое отношение, при котором лицо, хотя и не предвидело последствий своих поступков, но должно было их предвидеть. Такое определение давало повод для споров о том, как следует понимать слова «должно было предвидеть». Одни ученые полагали, что эти слова означают долженствование, вытекающее из лежащих на виновном обязанностей, т. е. предлагали устанавливать небрежность с помощью объективного критерия. Другие считали, что при небрежности виновный должен был предвидеть последствия в конкретной ситуации и с учетом своих личных качеств и способностей, т. е. брали за основу субъективный критерий. Но большинство ученых и практических работников признавали, что для определения преступной небрежности «оба эти критерия имеют равноценное значение и нельзя односторонне

пользоваться объективным или субъективным масштабом», оба из которых «не исключают, а взаимно дополняют друг друга»⁴³.

В соответствии с действующим советским уголовным законодательством (ст. 9 Основ), небрежность имеет место лишь в тех случаях, когда лицо не только должно было, но и могло предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий. Необходимость пользоваться одновременно двумя критериями небрежности признается практически всеми советскими юристами. Однако содержание этих критериев толкуется неоднозначно. По мнению некоторых ученых, законодатель с помощью объективного критерия преступной небрежности «определил объем требований, предъявляемых к «усредненному» человеку, и исключил возможность объективного вменения при невиновном причинении вреда»⁴⁴. По существу аналогичным способом раскрывается содержание объективного критерия небрежности и в следующем утверждении: «Объективный критерий преступной небрежности заключается в том, что возможность предвидения наступления общественно опасных последствий признается тогда, когда при данных обстоятельствах эти последствия мог бы предвидеть всякий другой человек»⁴⁵. Подобное же понимание объективного критерия небрежности встречается и в некоторых других источниках⁴⁶.

Изложенное понимание объективного критерия преступной небрежности вряд ли приемлемо для советского уголовного права.

Во-первых, оно непоследовательно с точки зрения логики, поскольку представляет по существу попытку раскрыть объективный критерий долженствования через субъективный признак возможности.

Во-вторых, ссылка на возможность предвидения «усредненным человеком», «всяким другим человеком» (или «любым гражданином») — это по существу обращение к масштабу «среднего человека», которым широко пользуется буржуазная правовая наука и который подвергался убедительной критике со стороны советских ученых⁴⁷. В самом деле, что означает понятие «всякий другой человек»? И почему все-таки наступления общественно опасных последствий не предвидел виновный, если их мог предвидеть всякий другой человек? И наоборот, раз не предвидел виновный, то вполне реально, что не всякий другой человек имел возможность предвидеть эти последствия, поскольку существуют люди с еще более ограниченными возможностями к предвидению по-

⁴³ Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. — С. 167.

⁴⁴ Камхадзе К. А. Рецензия на книгу «Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. Межвузовский тематический сборник. Владивосток, 1981» // Советское государство и право. — 1984. — № 3. — С. 148.

⁴⁵ Советское уголовное право. Общая часть. — МГУ. — 1974. — С. 167.

⁴⁶ См., например: Советское уголовное право. Общая часть. — МГУ. — 1981. — С. 197.

⁴⁷ См.: Сергеева Т. Л. К вопросу об определении преступной небрежности // Советское государство и право. — 1947. — № 4. — С. 19—20.

следствий в данной ситуации. Следовательно, обращение к «среднему» человеку не исключает возможности объективного вменения, а, напротив, создает для него реальные предпосылки. Согласно одной из точек зрения, «пользуясь объективным критерием, суд исходит из меры предусмотрительности, которую должны соблюдать лица той профессии, специальности или деятельности, к которой принадлежит или которой занимается виновный, чтобы предотвратить наступление преступного результата, либо из той меры должной предусмотрительности, которая предъявляется вообще к любому члену социалистического общества правом, моральным кодексом строителя коммунизма, правилами социалистического общежития»⁴⁸. Подобное толкование объективного критерия недостаточно последовательно и убедительно. Во-первых, предоставление суду права выбора в применении либо одной либо другой меры предусмотрительности несовместимо с требованием социалистической законности и не может обеспечить единообразия судебной практики по делам о преступлениях, совершенных с преступной небрежностью. Во-вторых, руководствоваться мерой предусмотрительности, предъявляемой «вообще к любому члену социалистического общества», — значит обращаться к тому же масштабу «среднего человека», правда, с поправкой на «среднего советского человека». Но такой масштаб противоречит, с одной стороны, требованию персональной виновной ответственности, а с другой стороны, неизбежно ведет к недопустимой презумпции, что любой член социалистического общества должен был предвидеть фактически наступившие последствия. Что же касается меры предусмотрительности, дифференцированной в зависимости от служебной или профессиональной деятельности виновного, то с этим можно согласиться, но с двумя поправками. Во-первых, эта мера предусмотрительности должна вытекать из требований закона, из специальных правил, из профессиональных, служебных или иных обязанностей виновного, т.е. должна быть его обязанностью. Во-вторых, мера должной предусмотрительности может вытекать из правил, существующих не только в сфере профессиональной деятельности, но и в быту.

Итак, объективный критерий небрежности означает обязанность лица предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий при соблюдении обязательных для этого лица мер предосторожности. Следовательно, этот критерий имеет нормативный характер⁴⁹. Отсутствие обязанности предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий исключает вину данного лица в их фактическом наступлении. Но и наличие обязанности предвидеть наступление общественно опасных последствий само по себе еще не является достаточным основанием для возложения на обязанное лицо ответственности за фактическое причинение этих последствий.

⁴⁸ Советское уголовное право. Часть Общая. — М., 1972. — С. 172.

⁴⁹ См.: Питецкий В. Критерии преступной небрежности//Советская юстиция. — 1986. — № 2. — С. 19.

При наличии обязанности предвидеть последствия (объективный критерий) необходимо еще установить, что лицо имело реальную возможность в данном конкретном случае предвидеть наступление общественно опасных последствий (субъективный критерий), но эту возможность не реализовало и последствий не избежало.

Содержание субъективного, как и объективного, критерия небрежности раскрывается в теории уголовного права неоднозначно.

Например, некоторые исследователи исходят из неограниченной возможности каждого вменяемого человека сознавать характер своей деятельности и предвидеть ее реальные или объективно возможные результаты. Поэтому они считают субъективный критерий установленным, если не имеется объективных или субъективных препятствий, исключающих возможность предвидения⁵⁰. Но «эта точка зрения создает своеобразную презумпцию возможности предвидения последствий каждым вменяемым лицом и тем самым ведет к неприемлемой для советского уголовного права презумпции виновности»⁵¹.

По мнению других ученых, «требования социалистического порядка относительно проявления предусмотрительности и заботливости не могут быть различными в зависимости от субъективных свойств отдельного лица»⁵², поэтому субъективный критерий небрежности следует устанавливать в зависимости от принадлежности виновного к определенной категории лиц, в частности в зависимости от служебного или общественного положения. И это мнение далеко не бесспорно, поскольку принадлежность к определенной категории людей не может определить индивидуальных способностей и персональных возможностей отдельного лица. Кроме того, в уголовном праве, где речь идет об индивидуальной ответственности, весьма рискованно ставить знак равенства между возможностями определенной категории людей и возможностями отдельного лица.

Единственно приемлемым следует считать преобладающее ныне в советской уголовно-правовой науке мнение, что субъективный критерий небрежности означает персональную способность лица в конкретной ситуации и с учетом его индивидуальных качеств предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий. Такая трактовка субъективного критерия означает, что возможность предвидения последствий определяется, во-первых, особенностями ситуации, в которой совершается деяние, а во-вторых, индивидуальными качествами виновного. Ситуация не должна быть чрезмерно сложной, с тем чтобы задача предвидеть последствия была в принципе разрешимой. А индивидуальные ка-

⁵⁰ См.: Сергеева Т. Л. Указ. статья//Советское государство и право. — 1947. — № 4. — С. 22—25.

⁵¹ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 148.

⁵² Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. — С. 143.

чества виновного (его физические данные, уровень развития, образование, профессиональный и жизненный опыт, состояние здоровья, степень восприимчивости и т. д.) должны позволять правильно обработать информацию, вытекающую из обстановки совершения деяния, и сделать обоснованные выводы и правильные оценки. Наличие этих двух предпосылок делает для виновного реально возможным предвидение общественно опасных последствий. Дополнительно к двум названным условиям отдельными учеными предлагается еще и третье: «Не должно иметься таких обстоятельств, относящихся к ситуации или к личности субъекта, которые создали бы невозможность предвидения им общественно опасных последствий своего деяния»⁵³. Это условие является излишним, так как оно ничего не добавляет к двум предыдущим, что, впрочем, признавал и сам автор этого предложения.

В проблеме небрежности существенное место отводится вопросу об основаниях уголовной ответственности за деяния, совершенные с этим видом неосторожности. Данный вопрос сводится к определению «момента вины», «момента упречности» в преступной небрежности.

Одни советские юристы усматривают «момент вины» при небрежности в том, что виновный не мобилизует своих психических возможностей на надлежащую оценку ситуации и своих действий и поэтому не предвидит наступления общественно опасных последствий. Другие считают, что право выдвигает упрек не за ошибочность логических выводов, а за то, что при недостаточности знаний он совершил такой волевой акт, которого не должен был совершать. «Об упречном характере волевого акта можно говорить не только тогда, когда лицо сознательно принимает решение, но и тогда, когда оно по невнимательности не принимает правильного решения»⁵⁴.

Ни одна из приведенных точек зрения не может быть отвергнута по своему существу, т. к. все они правильно характеризуют интеллектуальную либо волевою сторону небрежности. Однако вряд ли правильно искать какую-то одну точку, в которой концентрируется «момент упречности» при небрежности. Эта разновидность вины, как и любая другая, имеет интеллектуальное и волевое содержание, поэтому «момент вины» равномерно распределяется между ними. «Упречность сознания» заключается в том, что виновный не дает надлежащей социальной оценки своим действиям и ситуации, в которой они совершаются, при наличии необходимости и объективной возможности дать такую оценку. «Упречность воли» при небрежности заключается, с одной стороны, в волевом выборе социально опасной линии поведения, в избрании потенциально опасного для общества способа действий, а с другой стороны, в непринятии необходимых мер предосторожности, направленных на предотвращение последствий. Таким об-

разом, и «упречность воли» и «упречность сознания» свидетельствуют о пренебрежении субъекта к своим обязанностям, о неважном либо недостаточно бережном отношении к интересам общества и отдельных лиц.

Интеллектуальный и волевой элементы небрежности тесно связаны и взаимообусловлены, поэтому распределение между ними «момента вины» носит относительный характер. Практически же упрека при небрежности заслуживает все деяние, в котором интеллектуальное и волевое содержание находится в противоречии с нормами социального поведения и лежащими на виновном обязанностями. «Ответственность за совершенное по небрежности преступление обосновывается в советском уголовном праве наличием в действиях лица сознательного пренебрежения возложенной на него обязанностью предвидеть общественно опасные последствия своих поступков. Виновный сознательно и по своей воле не выполняет этой обязанности, имея к тому полную возможность, в результате не предвидит общественно опасных последствий своего поведения и причиняет их»⁵⁵. С этим мнением можно согласиться, оговорившись, что невыполнение своих обязанностей может быть не только сознательным, но и бессознательным («деликты упущения»).

Как форма психического отношения лица к деянию и его последствиям небрежность занимает промежуточное положение между преступной самонадеянностью и случайным, невиновным причинением вреда.

Общим для интеллектуального элемента самонадеянности и небрежности является то, что при обоих видах неосторожности виновный не предвидит реальной возможности наступления общественно опасных последствий (т. е. их возможности в данном конкретном случае), хотя такую возможность он мог предвидеть. Различие же состоит в том, что при самонадеянности лицо предвидит абстрактную, т. е. в других сходных ситуациях, возможность наступления общественно опасных последствий и поэтому сознает потенциальную опасность своих действий, тогда как при небрежности оно ни в какой форме не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий, а следовательно, не сознает даже потенциальной опасности избранного способа поведения. По мнению одного из исследователей, при самонадеянности субъект всегда сознает опасность «способа действий», но, будучи уверенным в ненаступлении результата, не сознает общественной опасности деяния в целом⁵⁶. Такое противопоставление опасности «способа действий» и опасности «деяния в целом» представляется неоправданным, тем более что закон связывает созна-

⁵³ Никифоров А. С. Основные вопросы уголовной ответственности за преступления, совершенные по небрежности // Ученые записки ВИЮН, вып. 1. — М., 1955. — С. 173—174.

⁵⁶ См.: Угrehелидзе М. Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. — С. 116.

⁵³ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 149.

⁵⁴ Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. — С. 92.

ние общественной опасности именно с действием (бездействием), а не с «деянием в целом».

Сходство между самонадеянностью и небрежностью по волевому элементу заключается в отсутствии положительного отношения к наступлению общественно опасных последствий. Но при самонадеянности лицо, предвидя возможность наступления вредного результата, совершает потенциально опасные волевые действия, стремясь использовать определенные факторы в своих интересах, т. е. для предотвращения опасных последствий. А при небрежности обусловленные «дефектом сознания» волевые усилия представляются лицу либо общественно полезными либо общественно нейтральными. В этом и состоит различие между самонадеянностью и небрежностью в части волевого элемента.

Непредвидение возможности наступления общественно опасных последствий сближает небрежность со случайным, невиновным причинением вреда, которое в литературе рассматривается как самостоятельный вид психического отношения к общественно опасным последствиям. В отличие от небрежности «случай» характеризуется отсутствием объективного или субъективного критериев, определяющих небрежность как вид вины. В литературе, как и в судебной практике, «случай» как невиновное причинение вреда обычно обосновывается отсутствием возможности предвидеть и предотвратить общественно опасные последствия (то есть субъективного критерия). Примером «случая» такого рода может служить уголовное дело по обвинению Журавского, осужденного по ст. 106 УК РСФСР. Потерпевший Андрющенко был убит выстрелом, произошедшим в процессе борьбы за удержание ружья между осужденным и потерпевшим. Оценивая фактические обстоятельства дела, Пленум Верховного Суда СССР признал, что смертельное ранение было причинено случайно, при обстоятельствах, при которых Журавский не имел возможности предвидеть и избежать наступления тяжких последствий, то есть без его вины⁵⁷.

Рассмотренный вид «случая» является не единственной разновидностью невиновного причинения вреда. Случайное причинение общественно опасных последствий может быть обусловлено отсутствием объективного критерия небрежности, то есть обязанности предвидеть вредные последствия. Так, Катаев был осужден за неосторожное убийство при следующих обстоятельствах. Закурив, он бросил назад горящую спичку, которая попала в лежащую у дороги бочку из-под бензина и вызвала взрыв паров бензина. При взрыве дно бочки вылетело и, попав в Семенкова, причинило ему смертельное ранение. С учетом обстоятельств происшествия Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР пришла к выводу, что смерть Семенкова наступила в результате несчастного случая, поскольку в обязанности Катаева не входило предвидение и предупреждение фактически наступивших последствий, следовательно, он причинил тяжкие последствия без вины⁵⁸.

Невиновное причинение общественно опасных последствий может быть обусловлено одновременным отсутствием и объективно-го и субъективного критериев небрежности.

Например, Пленум Верховного Суда СССР признал необоснованным осуждение за неосторожное убийство Кацлавашвили. Вместе с двумя внуками и четверыми малолетними детьми односельчан он приблизился к обрывистому берегу реки Куры и стал там заготавливать свежую траву для корма домашних животных. В это время малолетний Х. подошел к берегу, упал в реку и утонул. Пленум Верховного Суда СССР пришел к выводу о том, что осуждение Кацлавашвили является необоснованным и дело подлежит прекращению за отсутствием состава преступления. В постановлении по этому делу Пленум указал, что осужденный принял меры для обеспечения безопасности детей, а когда побежавший за лягушкой Х. упал в воду, Кацлавашвили бросился в реку и пытался спасти ребенка, хотя и безуспешно. При таких обстоятельствах Кацлавашвили не должен был и не мог предвидеть возможности наступления смерти кого-либо из детей, поэтому «происшедшее следует считать несчастным случаем, за который Кацлавашвили не должен нести уголовную ответственность»⁵⁹.

В рассмотренных разновидностях «случая» отсутствует «момент вины», то есть основание для уголовно-правового упрека, а следовательно, и для уголовной ответственности.

§ 4. Вопрос об иных видах неосторожности

Попытки доказать существование иных, помимо самонадеянности и небрежности, видов неосторожности предпринимались еще в дореволюционной русской правовой науке. Так, была попытка выделить третий вид неосторожности, сущность которой якобы заключается в предвидении вероятности наступления вредных последствий при нежелании их наступления и надежде (но не расчете) избежать их. В пример приводится поджог дома из мести при нежелании причинить смерть находящемуся в доме тяжело больному и надежде, что ему удастся спастись самому или с посторонней помощью⁶⁰. Вряд ли требует особых доказательств, что в данном примере нет не только никакого «нового» вида неосторожности, но и вообще неосторожности, поскольку причинение смерти при описанных обстоятельствах характеризуется косвенным умыслом.

В советской юридической литературе тоже выдвигаются пред-

⁵⁸ См.: Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1957—1959. — М., 1960. — С. 19.

⁵⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1986. — № 4. — С. 5—6. См. также: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1981. — № 10. — С. 4—5.

⁶⁰ См.: Колоколов Э. О. Уголовное право. Курс лекций. — С. 132—133.

⁵⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1972. — № 6. — С. 27—29.

ложения о выделении и легализации иных видов неосторожности, которые, по мнению авторов этих предложений, не укладываются в законодательные рамки ни самонадеянности, ни небрежности. Так, П. С. Дагель помимо двух этих видов неосторожности выделял правовую неосторожность, волевою небрежностью и преступное невежество⁶¹.

«Правовую неосторожность» автор характеризовал как сознание всех фактических признаков совершаемого деяния (действие, последствие, причинная связь), соединенное с непониманием безумительных причин общественно опасного характера деяния. Примером «правовой неосторожности», по мнению автора, является дача смертельной дозы морфия безнадежно больному из сострадания к нему и по его просьбе, если лицо, давшее морфия, ошибочно считает свой поступок дозволенным.

Приведенный пример является неудачной иллюстрацией неосторожности. Вряд ли кто-нибудь сочтет правомерным лишение жизни даже неизлечимо больного выстрелом из пистолета или ударом кинжала, хотя юридическое значение этих способов и описанного в примере П. С. Дагеля идентично. Не менее трудно найти человека, считающего дозволенным лишение жизни таким «гуманным» способом, как отравление морфием. И если можно применительно к данному примеру говорить о заблуждении виновного, то только относительно уголовной наказуемости, а не общественной опасности деяния, а это не исключает умысла. Правда, для иллюстрации «правовой неосторожности» можно было бы привести пример, где общественная опасность была бы не так очевидна (например, согласие неправомочного лица на уничтожение вещи). Но в таком случае лицо, предвидя последствия в их фактическом содержании, не сознавало бы их общественной опасности. Следовательно, речь в таких случаях идет об отсутствии предвидения общественно опасных последствий при наличии обязанности и возможности такого предвидения. Иными словами, конструкция «правовой неосторожности» полностью укладывается в законодательные рамки небрежности, что справедливо отмечалось в литературе⁶².

⁶¹ См.: Дагель П. С. Проблемы вины... Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — С. 21—22; он же: Пути совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступной неосторожностью//Проблемы правового регулирования вопросов борьбы с преступностью. — Владивосток, 1977. — С. 28; Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 149—157. Предложения о выделении «правовой неосторожности» в самостоятельный ее вид высказаны также в работах: Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. — М., 1952. — С. 28; Никифоров А. С. Указ. статья//Ученые записки ВЮИОН. — С. 140.

⁶² См.: Угрехелидзе М. Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. — С. 105—108. Резко отрицательное отношение к понятию «правовой неосторожности» выражал и В. Г. Макашвили в работе «Вина и сознание противоправности» (Методические материалы ВЮЗИ. Вып. 2. — 1948. — С. 180). Показательно, что в одной из своих более поздних работ П. С. Дагель говорил только о двух видах неосторожности, помимо самонадеянности и небрежности, уже не упоминая о «правовой неосторожности» (Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. — С. 115).

Под «волевой небрежностью» П. С. Дагель понимал случаи, когда лицо, оказавшись в опасной ситуации, не нашло правильного решения для предотвращения опасных последствий, хотя должно было и могло найти это решение и не допустить указанных последствий (например, дорожно-транспортное происшествие в результате растерянности водителя в сложной дорожной обстановке). При этом автор рассматривал два возможных варианта.

Во-первых, опасная ситуация создается по вине субъекта в результате нарушения им правил предосторожности. В этом случае виновный либо предвидел возможность создания такой ситуации и рассчитывал с помощью каких-то контрмер избежать наступления вредных последствий, либо не предвидел возможности возникновения ситуации, чреватой опасными последствиями, хотя должен был и мог это предвидеть. Нетрудно заметить, что в этом варианте «волевая небрежность» сводится к одному из двух легальных видов неосторожности.

Во-вторых, опасная ситуация возникает «не по вине субъекта, но последний был обязан и мог предотвратить наступление вредных последствий»⁶³. Однако в этом случае лицо несет ответственность за наступление общественно опасных последствий лишь при условии, что они явились результатом нарушения этим лицом обязанности действовать определенным образом в данной ситуации. И если субъект, нарушая обязанность действовать в данной обстановке определенным образом, предвидит возможность наступления опасных последствий такого нарушения, но рассчитывает иными действиями избежать их наступления, то налицо преступная самонадеянность. А в том случае, когда виновный нарушает обязанность действовать определенным образом и при этом не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий допускаемого нарушения, вина заключается в преступной небрежности. Этот же вид неосторожности имеет место и тогда, когда виновный не сознает, что нарушает обязанность действовать в опасной ситуации определенным образом. Следовательно, и второй вариант возникновения опасной ситуации тоже сводится либо к самонадеянности, либо к небрежности. Это указывает на то, что «волевая небрежность» полностью укладывается в установленные законом рамки неосторожности и не может претендовать на самостоятельное значение наряду с самонадеянностью и небрежностью.

«Преступным невежеством» П. С. Дагель называл случаи причинения общественно опасных последствий, наступление которых субъект не предвидел и по своему невежеству не мог предвидеть, поскольку взялся осуществлять деятельность, требующую специальных познаний, не обладая таковыми. «Момент вины» здесь автор усматривал в том, что неспособность предвидеть вредные последствия обусловлена неизвинительным характером невежества субъекта.

⁶³ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 153.

По мнению ученого, «преступное невежество» имеет определенное сходство с обоими видами неосторожности и в то же время известные отличия от каждого из них. «Преступное невежество» якобы сходно с самонадеянностью в том, что при нем лицо «сознает общую опасность такого рода деятельности, хотя конкретного характера этой опасности он может и не представлять. Момент самонадеянности здесь относится к самому факту совершения действий»⁶⁴. В отличие же от самонадеянности субъект не рассчитывает на какие-либо обстоятельства, способные предотвратить эти последствия. «Он рассчитывает лишь на то, что «справится» со своими обязанностями»⁶⁵. Однако отличие «преступного невежества» от самонадеянности и небрежности является мнимым. Если предвидением субъекта охватывается любое из сколько угодно широкого набора конкретных последствий (авария, наезд и т. д.) при управлении автомобилем без знания автодела, то наличие интеллектуальный элемент самонадеянности. Если же сознание регистрирует лишь «опасность вообще» специальной деятельности при отсутствии специальных знаний, то это по существу означает отсутствие предвидения конкретных общественно опасных последствий, что характерно для небрежности.

Не обладает спецификой и волевой элемент «преступного невежества». По мнению П. С. Дагеля, он характеризуется тем, что субъект рассчитывает не на какие-либо конкретные обстоятельства, а на то, что «справится» со своими обязанностями. Но что это значит?

Здесь возможны два варианта. Во-первых, лицо надеется избежать всяких опасных ситуаций. А это означает не что иное, как отсутствие предвидения общественно опасных последствий, т. е. свидетельствует о преступной небрежности. Во-вторых, лицо допускает возникновение опасных ситуаций, но полагает, что без ущерба выйдет из них благодаря надлежащим и своевременным мерам. Такое предположение уже представляет характерный для самонадеянности расчет, основанный на влиянии реальных факторов.

При непредвидении последствий «преступное невежество» отличается, по мнению того же ученого, от небрежности тем, что лицо не могло их предвидеть, хотя и должно было это сделать. Ответственность в данном случае обусловлена неизвинительным характером профессионального невежества субъекта. Это мнение весьма спорно. Отсутствие возможности предвидеть последствия исключает уголовно-правовую вину независимо от причин неспособности субъекта предвидеть эти последствия. Не случайно судебной практике известен ряд случаев оправдания лиц, принятых на должности, которым эти лица не соответствовали по своим знаниям, и причинивших своей неквалифицированной деятельностью вредные для общества последствия. Следовательно, «преступное невежество», характеризующееся непредвидением и отсут-

⁶⁴ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 155.

⁶⁵ Там же.

ствием возможности предвидеть общественно опасные последствия, есть разновидность случайного (невинного) причинения вреда.

Таким образом, и «волевая небрежность» и «преступное невежество» не представляют самостоятельных видов неосторожности и полностью вписываются либо в рамки преступной самонадеянности, либо в рамки преступной небрежности, на что уже не раз указывалось в литературе⁶⁶.

Таким образом, законодательное определение неосторожности охватывает все встречающиеся в реальной жизни разновидности этой формы вины в преступлениях с материальным составом. Она полностью исчерпывается двумя видами — преступной самонадеянностью и преступной небрежностью.

§ 5. Общая характеристика неосторожности

Анализ психологического содержания преступной самонадеянности и преступной небрежности позволяет выявить общие черты, отличающие их от умысла и обосновывающие объединение в рамках одной и той же формы вины — неосторожности.

При известном несходстве между умыслом и неосторожностью по интеллектуальному элементу основное различие между ними заключается в разной направленности воли виновного. Как отмечалось еще дореволюционными русскими юристами, в умышленных преступлениях воля виновного направлена (прямо или косвенно) на причинение преступных последствий либо на совершение явно преступных действий, а при неосторожности она направлена на совершение действия (бездействия), противоречащего требованиям надлежащей заботливости, осмотрительности, внимательного отношения к интересам других лиц⁶⁷. Многие советские ученые также усматривают волевое содержание неосторожности не «в побочных последствиях деятельности человека, а в самой этой деятельности»⁶⁸, поэтому обосновывают ответственность за неосторожность «неосмотрительностью, невнимательностью, проявленными человеком в поведении, предшествовавшем наступлению вреда»⁶⁹. При этом изложенное понимание воли при неосторожности распространяется и на так называемые деликты упущения.

⁶⁶ См.: Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. — С. 180; Угрехелидзе М. Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. — С. 124—126; Афиногенов Ю. А. Проблемы эффективности норм о неосторожных преступлениях // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью в условиях научно-технической революции. Тематич. сборник. Т. 175. — Владивосток, 1976. — С. 64.

⁶⁷ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. — С. 572—573; 615; Фельдштейн Г. С. Учение о формах виновности в уголовном праве. — С. 25—26, 72.

⁶⁸ Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. — С. 40.

⁶⁹ Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. — М., 1974. — С. 67. См. также Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. — С. 92.

Таким образом, отсутствие присущего умыслу положительного (в форме прямого желания или сознательного допущения) отношения к наступлению общественно опасных последствий составляет главное отличие неосторожности от умысла и в то же время одну из общих черт самонадеянности и небрежности. При неосторожности «момент вины» заключается не в «преступной воле», как при умысле, а в неосмотрительности, невнимательности, заботливом отношении к интересам общества и отдельных граждан.

Вторым общим признаком обоих видов неосторожности, отличающим ее от умысла, является отсутствие у субъекта сознания актуальной общественной опасности совершаемого деяния. При самонадеянности лицо предвидит абстрактную возможность наступления конкретных опасных последствий, поэтому можно говорить и о сознании потенциальной опасности совершаемого действия или бездействия. Иначе обстоит дело при небрежности. Здесь виновный ни в какой форме не предвидит наступления общественно опасных последствий, поэтому нет оснований и для постановки вопроса о сознании общественной опасности совершаемого деяния. Такое сознание отсутствует и в случае причинения непредвидимых последствий в результате сознательного нарушения определенных правил предосторожности (профессиональных или бытовых), поскольку и здесь нет предвидения конкретных общественно опасных последствий.

Третьим общим признаком самонадеянности и небрежности является наличие объективной возможности сознания лицом общественной опасности своего поведения. Правда, законодатель для констатации неосторожности не требует устанавливать обязанность и возможность сознания общественной опасности деяния. Но, с одной стороны, такое сознание является предпосылкой правильной оценки обстоятельств деяния и предвидения преступных последствий. А с другой стороны, отсутствие объективной возможности осознать общественно опасный характер своего поведения не позволяет привлечь к уголовной ответственности за причиненный вред лицо, обоснованно считающее такое поведение общественно полезным или общественно нейтральным.

Четвертой общей чертой двух видов неосторожности является то, что они устанавливаются с помощью объективного и субъективного критериев.

Применительно к самонадеянности объективный критерий устанавливает обязанность, а субъективный — возможность правильной (не легкомысленной) оценки обстоятельств совершения деяния и предотвращения предвидимых общественно опасных последствий. Объективный критерий небрежности предполагает обязанность, а субъективный — возможность лица предвидеть наступление общественно опасных последствий и на этой основе скорректировать свое поведение в соответствии с требованиями предосторожности⁷⁰.

⁷⁰ Примерно такой же перечень общих признаков неосторожности дается и П. С. Дагелем (см.: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 125—127).

Наличие указанных критериев неосторожности отграничивает ее от субъективного случая, при котором вред причиняется лицом, не обязанным или не способным оценивать обстановку причинения вреда иначе, чем он сделал, не обязанным или не способным предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий.

ГЛАВА III

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ВИНЫ

§ 1. Вина и состав преступления

По вопросу о месте вины в составе преступления высказаны три основные точки зрения. Одни ученые отождествляют вину с субъективной стороной преступления, другие полагают, что вина — более широкое понятие, чем субъективная сторона преступления, которая входит в вину наряду с объективными обстоятельствами совершения преступления, третьи считают вину одним из признаков субъективной стороны преступления, куда она входит наряду с мотивом и целью.

Первая точка зрения наиболее последовательно отстаивалась и наиболее глубоко аргументировалась П. С. Дагелем, утверждавшим, что «вина представляет собой внутреннюю, субъективную сторону преступления, психическое отношение субъекта к своему общественно опасному деянию и его последствию, выраженное в преступлении»¹. По его мнению, «точка зрения, согласно которой субъективная сторона преступления не исчерпывается виной, а включает в себя наряду с виной мотив и цель преступления, основана... на смешении субъективной стороны преступления (вины) и признаков состава преступления, характеризующих эту субъективную сторону (умысел, неосторожность, мотив, цель, аффект, заведомость и др.), а также на смешении понятий содержания и формы вины»².

Несмотря на кажущуюся обоснованность, эта позиция недостаточно убедительна в теоретическом отношении и неприемлема — в практическом.

Во-первых, отождествление вины с субъективной стороной преступления не соответствует законодательному определению вины. Согласно ст. 3 Основ, лицо считается виновным, если оно совершило общественно опасное деяние умышленно или неосторожно. Следовательно, закон рассматривает вину как родовое понятие умысла и неосторожности и никаких других психологических моментов в понятие вины не включает. Как показал анализ психологического содержания умысла и неосторожности, ни

¹ Дагель П. С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве//Правоведение. — 1969. — № 1. — С. 78.

² Дагель П. С. Понятие вины в советском уголовном праве//Материалы XIII научной конференции ДВГУ. Часть IV. — Владивосток, 1968. — С. 123.

в интеллектуальном, ни в волевом их элементах нет места ни для цели, ни для мотива. Поэтому последние, не являясь компонентами умысла и неосторожности, не проникают в содержание вины в качестве ее составных частей. Законодатель включает в содержание вины и ее отдельных форм лишь сознание и волю, не оставляя места для мотива, цели и иных признаков, характеризующих психическую активность субъекта в связи с совершением преступления. Не случайно и уголовно-процессуальное законодательство рассматривает виновность и мотивы преступления как самостоятельные правовые явления, подлежащие раздельному доказыванию (п. 2 ст. 68 УПК РСФСР).

Во-вторых, в критикуемой трактовке вина представляет собой недостаточно конкретное понятие как в плане ее юридической характеристики, так и в плане ее психологического содержания. Разрывая понятие вины и характеризующих ее признаков состава, П. С. Дагель в различных работах давал неодинаковый перечень таких признаков. Зато примечательно, что этот перечень обычно завершается словами: «и др.» (как в приведенной выше цитате); «и некоторые другие»³, «и т. д.»⁴. Что кроется за подобными обобщениями, остается неясным. Включение в вину мотива, цели, эмоций и других психологических признаков, круг которых точно не определен, вносит путаницу в решение вопроса о форме вины и лишает эти признаки их самостоятельного значения как признаков субъективной стороны, хотя законодатель нередко придает им это значение.

В-третьих, рассматриваемая концепция логически непоследовательна. Перечисляя признаки состава, характеризующие вину, П. С. Дагель ставил мотив и цель на один уровень с умыслом и неосторожностью, рассматривал их как явления одного порядка. Но при анализе вины, т. е. содержания умысла и неосторожности, он ставил мотив и цель в один ряд уже не с умыслом и неосторожностью, а с сознанием и волей⁵. Таким образом, получается, что в одном случае мотив и цель рассматриваются как признаки, характеризующие вину наряду с умыслом и неосторожностью, а в другом «являются элементами самого психического отношения субъекта, элементами самого умысла»⁶.

В-четвертых, изложенная позиция характеризуется недопустимым, с точки зрения марксистско-ленинской философии, отрывом формы от содержания. По мнению автора, форма вины определяется соотношением лишь сознания и воли, а «остальные психологические элементы... на форму вины не влияют, хотя и входят в содержание вины»⁷. Таким образом, «форма вины, следовательно, уже, чем ее содержание»⁸. Получается парадокс: с одной сто-

роны, форма не вмещает всего содержания, слишком узка для него, а с другой стороны, признается существование «бесформенно» содержания где-то (неизвестно — где) вне формы.

В-пятых, с точки зрения психологии сомнительно включение в содержание вины таких психологических категорий, как мотив, цель, аффект, заведомость, эмоции, поскольку они не являются элементами психического отношения виновного к преступному деянию.

Заведомость — это не самостоятельный элемент психической деятельности человека, а способ указания в законе на то, что субъект достоверно знает о наличии тех или иных обстоятельств.

Аффект тоже не является элементом психического отношения, он представляет определенное психическое состояние, юридическое значение которого ограничено рамками ст.ст. 104, 110 и п. 5 ст. 38 УК РСФСР.

Эмоции также представляют собой не элемент психического отношения, а особые психические переживания, которые могут испытываться до, во время или после совершения преступления и либо не иметь, либо по воле законодателя иметь определенное юридическое значение. Эмоции содержат скорее социальную, нежели юридическую характеристику и относятся больше к субъекту правонарушения, чем к самому правонарушению. Поэтому их следует считать не юридическим признаком субъективной стороны, а социальным признаком, характеризующим личность виновного.

Элементами психического отношения к деянию нет оснований признавать и такие признаки, как мотив и цель. Мотив есть обусловленное определенными потребностями осознанное побуждение, стимулирующее субъекта к волевой деятельности. Он не входит ни в интеллектуальную, ни в волевую часть психического отношения лица к деянию и его последствиям, хотя и связан с ними. Цель представляет собой идеальную мысленную модель будущего результата, к достижению которого стремится субъект. Она также не является элементом психического отношения к этому результату. Мотивы и цели составляют базу, на которой рождается вина. Как элементы психической деятельности лица в связи с совершением преступления, т. е. как преступные мотивы и цели, они трансформируются из непреступных мотивов и целей и в этом смысле имеют допреступное происхождение. Этого нельзя сказать о вине, которая не существует до и вне преступления. Как психическое отношение лица к деянию вина возникает и проявляется лишь в момент совершения преступления. Рождаясь на базе уже существующих мотивов и целей, она не включает их в себя как составные элементы. Мотив и цель не входят в содержание вины, а формируют такое психическое отношение лица к деянию, в котором проявляется сущность вины.

Изложенные соображения делают неприемлемым отождествление вины с субъективной стороной преступления, ибо в такой трактовке психологическое содержание вины расплывается в не-

³ Дагель П. С. Вина и состав преступления // Материалы III Дальневосточной межвузовской зональной конференции. — Владивосток, 1968. — С. 85.

⁴ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 41, 42, 59 и др.

⁵ Дагель П. С. Понятие вины в советском уголовном праве. — С. 125.

⁶ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 83.

⁷ Дагель П. С. Понятие вины в советском уголовном праве. — С. 126.

⁸ Дагель П. С. Содержание, форма и сущность вины... — С. 81.

определенно широкой массе психологических признаков и теряет свое значение конкретного юридического понятия.

Своеобразную концепцию вины выдвинул Ю. А. Демидов, по мнению которого, вина «не может сводиться к какому-либо элементу преступления, хотя бы к умыслу и неосторожности, или к деянию, взятому с его объективной стороны. Она равно выражается как в объективной, так и в субъективной стороне преступления»⁹. Возражая против переоценки как субъективной, так и объективной стороны преступления, ученый утверждал, что «содержание вины необходимо видеть в совершении преступления конкретным лицом, в единстве объективных и субъективных обстоятельств, в которых выразилась вина — отрицательное отношение лица к ценностям социалистического общества»¹⁰.

Сходный взгляд на вину выражает и следующее мнение: «Вина, составляющая субъективную сторону преступного деяния, одновременно выступает как целостная характеристика преступления во всех его существенных для ответственности отношениях... Эти свойства вины и делают ее необходимым и достаточным основанием уголовной ответственности, в равной мере противоположным как объективному, так и абстрактно-субъективному вменению»¹¹. Из приведенного высказывания явно прослеживается стремление автора рассматривать вину в двух качествах: и как субъективную сторону преступления, и как основание уголовной ответственности. Во втором качестве автор рассматривает вину как «целостную характеристику преступления».

Отдельные ученые из числа тех, кто подчеркивает специфическую юридическую природу «деяния, содержащего признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности», приходят к выводу, что «понятие умысла и неосторожности и понятие вины отнюдь не однозначны», что умысел и неосторожность являются элементами субъективной стороны преступления, а вина обосновывает уголовную ответственность. При этом, по их мнению, вина является признаком преступления, но не входит в число признаков «деяния, содержащего признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности»¹².

Попутно следует заметить, что противопоставление преступления и деяния, содержащего признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, является неоправданным. Это противопоставление связано с изменением редакции ст. 43 Основ, внесенным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 года. Из того, что законодатель заменил слова «лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности» выражением «лицо, совершив-

шее деяние, содержащее признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности» (ч. 3 ст. 43 Основ), некоторые ученые делают вывод, что в уголовном законодательстве выделен новый вид правонарушения — уголовный проступок, который занимает промежуточное положение между преступлением и административным проступком¹³. Однако для подобного вывода нет достаточных оснований. Ст. 160 Конституции СССР имеет в виду процессуальный порядок признания лица виновным в совершении преступления. А Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 г. в первую очередь имел задачу привести уголовно-правовую терминологию в соответствие со ст. 160 Конституции. Поэтому в Основах уголовно наказуемые деяния характеризуются на досудебных стадиях уголовного процесса как «деяния, содержащие признаки преступления» (например, ч.ч. 1 и 3 ст. 43 Основ), а на судебных стадиях процесса, где вопрос о виновности решается по существу, те же деяния именуется преступлениями (например, ч. 3 ст. 10, ч. 2 ст. 43 Основ). Это в равной мере относится и к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, и ко всем прочим преступлениям. Следовательно, не отвергая самой идеи выделения уголовных проступков в самостоятельный вид уголовно наказуемых деяний, нужно признать, что в действующем уголовном законодательстве эта идея пока еще не реализована.

Возвращаясь к вопросу о соотношении вины с субъективной стороной преступления, следует отметить: из приведенных высказываний вытекает, что их авторы не считают вину составным элементом субъективной стороны преступления, а, наоборот, полагают, что вина включает в себя субъективную и объективную сторону преступления и все другие «существенные для ответственности» свойства совершенного преступления, в которых выражается отрицательное отношение субъекта к ценностям социалистического общества. Подобное понимание вины по сути возрождает концепцию «двух вин», которая в свое время была отвергнута советской правовой наукой и судебной практикой как несостоятельная. Отождествление вины с фактом совершения преступления означает объективирование вины, лишение ее конкретной определенности, а значит, и функции юридического признака состава преступления. Такое понимание противоречило бы и позиции законодателя, который считает установление факта совершения общественно опасного деяния подсудимым недостаточным для признания его виновным в совершении этого преступления (п.п. 3 и 4 ст. 303 УПК РСФСР).

Анализ изложенных концепций вины показывает непродуктивность попыток уйти от понимания вины как родового понятия умысла и неосторожности. Для того, чтобы правильнее понять

⁹ Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. — М., 1975. — С. 114.

¹⁰ Там же. — С. 117—118.

¹¹ Злобин Г. А. Виновное вменение в историческом аспекте//Уголовное право в борьбе с преступностью. — М., 1981. — С. 23.

¹² Ной И. С. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий//Советское государство и право. — 1982. — № 7. — С. 91—98.

¹³ См.: Ной И. С. Указ. статья; Кригер Г. А., Кузнецова Н. Ф. Новое уголовное законодательство и его научно-практическое значение. — С. 72—79; Дубинин Т. Т. Состав освобождения от уголовной ответственности//Советское государство и право. — 1984. — № 1. — С. 79—83.

соотношение между виной и субъективной стороной преступления, необходимо определить роль мотива и цели в субъективной стороне преступления.

Исследование психологического содержания вины (умысла и неосторожности) показало, что в ней нет места для цели и мотива. Значит, названные признаки, характеризующие психическую деятельность виновного в связи с совершением преступления, могут входить в субъективную сторону преступления не через умысел и неосторожность, а наряду с ними. Следовательно, мотив и цель являются не составными частями вины, а самостоятельными признаками субъективной стороны преступления. Вопросу о психологическом содержании и юридическом значении мотива и цели посвящены несколько монографий, научных статей, разделы, главы и параграфы в монографиях, посвященных другим проблемам, а также в учебниках уголовного права. Поэтому здесь исследуются только вопросы о месте и роли мотива и цели в субъективной стороне преступления, об их юридическом значении и сочетании с различными формами вины.

В статье «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Фридрих Энгельс писал: «В истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели»¹⁴. Основываясь на марксистско-ленинской философии, советская психология также учит, что всякие «действия человека исходят из определенных мотивов и направлены на определенные цели... Мотивы — это то, что побуждает человека к постановке тех или других целей»¹⁵.

Исходя из приведенных положений марксистско-ленинской философии и советской психологии, некоторые юристы высказали мнение, что «обусловленность каждого действия мотивом относится не только к умышленным действиям (и неправильны поэтому попытки связывать мотив только с умыслом), но и к неосторожным»¹⁶. По мнению Л. И. Романовой, «признавая волевой характер преступной неосторожности, мы не можем отрицать и наличие мотивов и целей в неосторожных преступлениях»¹⁷. Д. П. Котов также считает, что обязательным признаком неосторожных преступлений является цель, которая «всегда является идеальным образом желаемого будущего результата, к которому стремится преступник, совершая общественно опасное деяние»¹⁸.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 21. — С. 306.

¹⁵ Теплов Б. Психология. — М., 1946. — С. 164.

¹⁶ Утевский Б. С. Указ. соч. — С. 149.

¹⁷ Романова Л. И. Проблема предупреждения неосторожных преступлений в плане социального развития коллектива//Проблемы борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции. Тематич. сборник. Т. 175. — Владивосток, 1976. — С. 188.

¹⁸ Котов Д. П. Цель и целеполагание в неосторожных преступлениях//Проблемы борьбы с преступностью... Т. 175. — С. 47.

Разумеется, и при умышленных, и при неосторожных преступлениях действия человека имеют волевой характер. Однако нельзя не видеть качественного различия в волевом содержании умысла и неосторожности, а также в мотивационной окраске действий, совершаемых, с одной стороны, при умышленных, а с другой стороны, при неосторожных преступлениях. Поэтому криминалисты, считающие мотив и цель присущими не только умышленным, но и неосторожным преступлениям, вынуждены сопровождать свое мнение оговорками, что «в неосторожных преступлениях мотив и цель не оказывают влияния на квалификацию преступлений»¹⁹ либо что «в неосторожных преступлениях мотив относится не к последствиям, а к действию или бездействию»²⁰.

Учитывая качественное различие в мотивировке поведения при совершении преступлений с умыслом и по неосторожности, некоторые ученые придерживаются своеобразной концепции мотивов в неосторожных преступлениях. Считая мотивы признаком субъективной стороны не только умышленных, но и неосторожных преступлений, они подчеркивают, что мотивы в неосторожных преступлениях имеют другую природу по сравнению с мотивами умышленных преступлений. Якобы по своему характеру «это уже мотивы общественно опасного поведения, приведшего к преступному результату, а не мотивы заранее рассчитанного преступления»²¹. Следовательно, по мнению сторонников данной концепции, в уголовном праве следует различать мотивы преступления и мотивы поведения, объективно приведшего к наступлению общественно опасных последствий.

Критикуя изложенную концепцию мотивов в неосторожных преступлениях, П. С. Дагель утверждал, что «общественно опасное поведение, приведшее к преступному результату, это и есть преступление, а его мотивы — это мотивы преступления»²². Однако этот тезис недостаточно обоснован.

Во-первых, из правильного положения о том, что общественно опасное поведение в сочетании с преступным результатом образует неосторожное преступление, вовсе не вытекает, что и общественно опасное поведение без наступления преступного результата тоже является неосторожным преступлением.

Во-вторых, в уголовном праве следует иметь в виду только преступные мотивы, т.е. мотивы лишь преступного, а не всякого поведения. Мотивы являются преступными лишь в тех

¹⁹ Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. — М., 1976. — С. 135.

²⁰ Браинин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. — М., 1963. — С. 233. См. также: Дагель П. С. Проблемы вины... Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — С. 28; Квашин В. Е. Теоретические основы профилактики неосторожных преступлений. — С. 56.

²¹ Курс советского уголовного права. Т. 1. — ЛГУ, 1968. — С. 442. См. также: Мелконян Х. Г. Указ. статья//Личность преступника и уголовная ответственность. — С. 56.

²² Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 190.

случаях, когда ими охватываются действия (бездействие), носящие преступный характер независимо от наступления конкретных последствий, либо ими охватываются одновременно и действия и общественно опасные последствия, входящие в объективную сторону преступления. Поэтому мотивами преступления нельзя считать такие побуждения, которыми не охватываются общественно опасные последствия, то есть признак, придающий данному поступку уголовно-правовое значение. В обратном не убеждает и ссылка на п. 2 ст. 68 УПК РСФСР, якобы обязывающий доказывать мотивы преступления по любому уголовному делу, в том числе и по делам о неосторожных преступлениях. Для сравнения можно указать на п. 4 этой же статьи УПК, который требует устанавливать характер и размер ущерба, причиненного преступлением. Однако ни следствие, ни суд не выясняют этого вопроса по делам, не связанным с причинением имущественного, физического либо иного обозначенного в законе вреда. Точно так же требование доказывать наличие определенного мотива следует распространять только на дела о преступлениях, состав которых включает конкретный мотив. Неосторожные преступления к такой категории не относятся.

Концепция мотивов общественно опасного поведения в неосторожных преступлениях уязвима с другой стороны, а не с той, с которой она критиковалась П. С. Дагелем. Дело в том, что поведение, составляющее часть объективной стороны неосторожных преступлений, само по себе, без наступления указанных в законе последствий, не является общественно опасным в уголовно-правовом смысле. Его мотивы — это мотивы просто поведения, а не общественно опасного деяния, поэтому они не могут признаваться мотивами неосторожных преступлений. Мотивов в уголовно-правовом понимании в неосторожных преступлениях вообще не существует. Это, правда, не исключает в ряде случаев постановки вопроса о мотивах нарушения тех или иных профессиональных либо житейских норм предосторожности, но не в плане выяснения признаков субъективной стороны преступления, а в плане установления степени опасности неосторожного преступления и характеристики личности виновного.

Итак, вина, мотив и цель — это составные элементы субъективной стороны преступления. Между виной и прочими элементами субъективной стороны существует тесная связь, не исключаящая, однако, самостоятельного юридического значения каждого отдельного признака. В отличие от вины, представляющей необходимый признак состава любого преступления, мотив и цель характеризуют субъективную сторону только умышленных преступлений, входя в нее в качестве обязательных или квалифицирующих признаков либо в качестве обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность.

§ 2. Содержание, форма, объем вины

В литературе правильно отмечалось, что среди основных категорий, характеризующих вину (содержание, форма, сущность и степень), содержание занимает центральное место. Под содержанием марксистско-ленинская философия понимает определенным образом упорядоченную совокупность элементов, свойств и процессов, образующих предмет или явление.

Вина как уголовно-правовая категория — это психическое отношение, проявленное в определенном преступлении. Составными элементами этого отношения являются сознание и воля. Разные комбинации сознательного и волевого элементов образуют различные модификации вины. Поэтому интеллект и воля суть элементы, совокупность которых образует содержание вины. Предметное содержание этих элементов в конкретном преступлении определяется конструкцией состава данного преступления.

При совершении преступления сознанием лица охватываются самые разнообразные обстоятельства. Например, грабитель сознает время суток, в которое совершается преступление, вероятность разоблачения и привлечения к ответственности, затруднения с реализацией награбленного и т. д. Однако эти обстоятельства не характеризуют юридическую сущность грабежа, поэтому их осознание не входит в содержание вины. Предметом сознания как элемента уголовно-правовой вины являются только те объективные факторы, которые содержат юридическую характеристику данного преступления, то есть входят в число признаков состава данного преступления. Применительно к грабежу такими обстоятельствами являются, во-первых, характер собственности на похищаемые вещи, во-вторых, открытый способ похищения имущества и, в-третьих, ущерб, причиняемый собственнику. Если же говорить о разбое, то третье из названных обстоятельств находится за рамками состава, поэтому и интеллектуальное отношение к нему не входит в содержание вины при разбое.

Итак, содержание интеллектуального элемента вины определяется способом законодательного описания преступления. В него входит осознание характера объекта и характера совершаемого действия или бездействия. А в материальных составах интеллектуальный элемент включает, кроме того, и предвидение (либо возможность предвидения) общественно опасных последствий. Иногда законодатель вводит в число признаков состава какой-либо дополнительный признак, характеризующий место, время, обстановку и т. п. Осознание этих дополнительных признаков общественно опасного деяния также входит в содержание интеллектуального элемента вины.

Один из ученых считал возможным включить «в содержание вины отражение (или возможность отражения) отягчающих и смягчающих обстоятельств, не являющихся признаками состава преступления»²³. Такая постановка вопроса представляется непра-

²³ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 59.

вильной. Ведь все обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность, могут быть классифицированы в зависимости от того, какой элемент состава они характеризуют. Если же при совершении конкретного преступления данное обстоятельство увеличивает либо смягчает степень опасности, то оно является признаком состава данного преступления, хотя и факультативным, и в этом качестве должно охватываться сознанием виновного.

Волевое содержание вины также определяется конструкцией состава преступления. Предметом волевого отношения субъекта является практически тот же самый круг фактических обстоятельств, который составляет предмет интеллектуального отношения. Это — обстоятельства, определяющие юридическую сущность деяния, т. е. признаки, образующие в своей совокупности состав преступления.

Следует заметить, что в круг обстоятельств, составляющих предметное содержание вины, не входят признаки самой субъективной стороны преступления (мотив, цель). Правда, при соучастии знание юридически значимых целей и мотивов исполнителя необходимо для вменения другим соучастникам. Но и в этом случае знание указанных целей и мотивов служит предпосылкой сознания характера преступления, совершаемого исполнителем, что характеризует в конечном счете объективную сторону деяния.

Различие в интенсивности и определенности интеллектуальных и волевых процессов, протекающих в психике субъекта, определяет форму вины.

Форма есть внутренняя структура связей и взаимодействия элементов, свойств и процессов, образующих предмет или явление, есть способ существования и выражения содержания и его отдельных модификаций. Форма вины определяется соотношением психических элементов (сознание и воля), образующих содержание вины, их реальным предметным наполнением. Она указывает на способ интеллектуального и волевого взаимодействия субъекта с объективными обстоятельствами, составляющими юридическую характеристику деяния. Конкретные сочетания интеллектуального и волевого элементов, характерные для каждой формы вины, определены в законе (ст.ст. 8 и 9 Основ). Поэтому под формой вины следует понимать законодательно определенное сочетание интеллектуальных и волевых процессов, протекающих в психике виновного по отношению к юридически значимым объективным свойствам преступного деяния.

Уголовное законодательство знает две формы вины: умысел и неосторожность. На основе их законодательного определения теории уголовного права и судебно-следственная практика делят умысел на прямой и косвенный, а неосторожность — на преступную самонадеянность и преступную небрежность. Каждой из этих разновидностей вины свойственно определенное, только ей присущее сочетание интеллектуальных и волевых процессов, то есть каждая разновидность вины имеет специфическое содержание. Вместе с тем прямой и косвенный умысел не имеют значения са-

мостоятельных форм вины, они являются разновидностями одной и той же формы. Общим для них, как для видов умысленной формы вины, с интеллектуальной стороны является сознание общественной опасности деяния и предвидение общественно опасных последствий. В отличие от умысла оба вида неосторожности с интеллектуальной стороны характеризуются отсутствием сознания реальной опасности деяния и непредвидением наступления общественно опасных последствий в данном конкретном случае. Волевой элемент обоих видов умысла заключается в положительном (в форме желания или сознательного допущения) отношении к общественно опасным последствиям, а волевой элемент обоих видов неосторожности характеризуется отрицательным отношением к последствиям, наступления которых виновный старается избежать или совсем их не предвидит.

Законодательное определение умысла и неосторожности сформулировано применительно к так называемым материальным составам преступления, объективная сторона которых представляет классический вариант: действие — причинная связь — следствие. В подобных составах преступления форма вины (а в ее рамках — виды) определяется психическим отношением к последствиям, т. е. к признаку, в котором наиболее сконцентрирована общественная опасность деяния. Предвидение неизбежности или реальной возможности наступления общественно опасных последствий означает наличие умысла. Он является прямым, если субъект желает последствий, и косвенным, если он сознательно допускает их наступление.

Отсутствие предвидения реальной (т. е. в данном конкретном случае) возможности наступления общественно опасных последствий характерно для второй формы вины — неосторожности. О наличии самонадеянности свидетельствует предвидение абстрактной возможности наступления общественно опасных последствий, соединенное с легкомысленным расчетом на их предотвращение. Полное же непредвидение возможности наступления последствий при наличии обязанности и возможности их предвидеть характеризует преступную небрежность.

В формальных составах объективным признаком, воплощающим общественную опасность преступного деяния, являются общественно опасные действия или бездействие. Поэтому форма вины определяется характером интеллектуального и волевого отношения именно к этому признаку. Но поскольку законодательное определение умысла и неосторожности применимо только к материальным составам, то вопрос о содержании вины в преступлениях с формальным составом и о применимости к таким составам существующих в законе определений умысла и неосторожности — предмет обсуждения во втором разделе данной работы.

В ряде уголовно-правовых норм описаны преступления, объективная сторона которых обладает известной спецификой. Отражение этой специфики влияет на содержание и форму вины. Так, например, в составах преступлений с двумя действиями (ст. 154

УК РСФСР) умысел предполагает осознание характера обоих указанных действий и желание совершить их. Если деяние влечет уголовную ответственность при наличии указанных в законе условий (ст.ст. 115¹, 127, 129), то умышленная вина означает обязательное знание субъекта о наличии этих условий в данном конкретном случае.

Итак, форма вины определяется ее содержанием, различными сочетаниями интеллектуальной и волевой связи субъекта с объективными признаками данного преступного деяния. В свою очередь форма придает содержанию вины юридическую определенность, ставит его в легально установленные границы, оставляя вне их все психические процессы, кроме сознания и воли. Именно форма делает категорию вины пригодной для практического применения.

Юридическое значение формы вины многообразно.

Во-первых, форма вины является субъективной границей, отделяющей преступное поведение от непроступного. Это касается и причинения общественно опасных последствий без вины и случаев неосторожного совершения деяний, наказуемых лишь при умышленном их совершении.

Во-вторых, форма вины во многих случаях определяет квалификацию преступления (убийство, причинение тяжких или менее тяжких телесных повреждений, уничтожение или повреждение государственного либо личного имущества).

В-третьих, форма вины является основанием дифференциации уголовной ответственности и наказания за преступления, которые могут совершаться как умышленно, так и неосторожно.

В-четвертых, наличие умышленной вины обосновывает, а неосторожной вины исключает постановку вопроса о преступных мотивах и целях.

Наряду с содержанием и формой вины следует различать и ее объем.

Законодательное определение умысла и неосторожности содержит характеристику психического отношения только к деянию (действию или бездействию) и его последствиям. Казалось бы, виной не охватываются такие признаки, как место, время, способ, обстановка совершения преступления и т.п. Однако такой вывод был бы ошибочным, поскольку он основан на чрезмерно узком понимании термина «деяние» только как родового понятия действия или бездействия. Между тем деяние — это не просто активное либо пассивное поведение человека, а поступок, совершаемый определенным способом в определенных условиях места, времени и т.п. Причем нередко именно какой-нибудь из указанных признаков придает деянию общественно опасный характер. Например, охота может быть профессиональным занятием охотника-промысловика или любительским занятием охотника-непрофессионала, т.е. вполне правомерной. Но те же действия, совершаемые в запрещенных местах, запрещенными способами или в запрещенное время, превращаются в браконьерство. В данном случае созна-

ние общественно опасного характера деяния означает понимание не только физической стороны совершаемых действий, но и того, что они совершаются незаконными способами либо в запрещенных местах или в запретные сроки. Точно так же похищение вещей превращается в мародерство лишь тогда, когда вещи, находящиеся при убитых и раненых, похищаются в определенной обстановке: на поле сражения. Во всех сходных случаях место, время, способ, обстановка и т.п. признаки, как неотъемлемые свойства общественно опасного деяния, охватываются виной субъекта: отношение к ним входит в содержание вины и определяет ее форму.

Иное положение складывается, если названные объективные признаки не являются имманентным свойством самого деяния, а представляют квалифицирующие обстоятельства либо обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность. В этих случаях психическое отношение к действию (бездействию) и к прочим объективным признакам может быть неоднородным, например действие — желаемым, а квалифицирующее последствие — непредвиденным, причиняемым по небрежности. Из совокупности разнородных психических отношений следует выделить отношение к признаку, определяющему общественную опасность деяния, т.е. в формальных составах к действию (бездействию), а в материальных — к последствиям. Оно и определяет форму вины. Отношение же к остальным объективным признакам деяния, входя в содержание вины, на ее форму не влияет. Совокупность психических отношений виновного ко всем объективным признакам, инкриминируемым субъекту, составляет объем вины. Он устанавливает границы круга фактических обстоятельств, характеризующих юридическую сущность совершаемого деяния, виновное отношение к которым обосновывает возможность их вменения субъекту данного преступления. Иными словами, объем вины устанавливает конкретные пределы ее содержания.

Подобный смысл вкладывают в термин «объем вины» и другие ученые²⁴. Примечательно, что, возражая против введения в научный оборот понятия объема вины, один из исследователей сам же использовал этот термин, понимаемый им как психическое отношение ко всем, кроме последствия, объективным признакам состава преступления, отношение, входящее в содержание, но не влияющее на форму вины²⁵.

§ 3. Социальная сущность вины

В преступлении, как явлении социальном, проявляются не столько отрицательные индивидуальные черты и свойства субъекта, сколько его отрицательные социальные черты и качества, его антиобщественные установки, привычки, взгляды. Иными словами, в преступлении проявляется антиобщественная сущность

²⁴ См.: Тенцов Э. Размер хищений и содержание умысла субъекта преступления // Советская юстиция. — 1981. — № 16. — С. 24.

²⁵ См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 175.

личности правонарушителя. Она проявляется как в ценностных ориентациях субъекта, не соответствующих ценностям ориентациям общества, так и в психическом отношении к конкретному общественно опасному деянию. Значит, вина, как и преступление, тоже представляет собой социальное явление. Именно социальная сущность вины обосновывает осуждение, порицание общественно опасного поведения субъекта преступления.

Вопрос о социальной сущности вины затрагивался русскими учеными еще в прошлом столетии. «Воля и составляет сущность вины, так как всякая виновность заключает в себе порочность или недостаток, дефект нашей воли, нашего самонаправления к деятельности»²⁶. Касаясь этого вопроса, другой ученый писал: «Так как вина есть то, что составляет объект отрицательной оценки, вина личности должна заключаться не только в том, что от нее исходит данный волевой акт, что ею совершено данное преступное деяние, но и в том, и даже главным образом в том, что в ее характере есть неудовлетворительные с точки зрения правопорядка свойства, которым это деяние в большей или меньшей степени обязано своим возникновением и которые в своей совокупности могут быть названы преступным настроением. Преступное настроение, которое не должно быть непременно длительным психическим состоянием, но может быть и преходящим психическим процессом, и составляет содержание вины»²⁷.

Хотя первый ученый говорит о сущности, а второй — о содержании вины, в обоих случаях речь идет именно о социальной сущности вины. Примечательно, что, расходясь в терминологии, оба автора определяют социальную сущность вины как психологическую настроенность против существующего правопорядка. В этом проявляется ограниченность буржуазного нормативизма, не способного вскрыть классовую сущность преступления, а следовательно, и социальную сущность персональной вины в буржуазном обществе.

В советском праве выяснение социальной сущности вины составляет важную теоретическую проблему, так как в социалистическом обществе преступление посягает на интересы всего советского народа и осуждается от имени общенародного государства. Законодатель не только не маскирует, а, наоборот, подчеркивает классовую природу преступления, поэтому материальная сущность вины, определяемая материальной сущностью преступления, является социальной.

Вопрос о социальной сущности вины обсуждался многими советскими учеными. Одни из них указывали на то, что психическое отношение лица к деянию (т. е. вина) само является предметом отрицательной оценки, порицается от имени государства и общества: «В содержание понятия вины с точки зрения социалистического права входят два момента: определенное отношение психически действующего лица к совершенному им действию и вызван-

²⁶ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. — С. 571—572.

²⁷ Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. — С. 190—191.

ному этим действием общественно вредному результату и отрицательная оценка такого отношения со стороны социалистического общества»²⁸. Развивая эту мысль, далее автор поясняет, что «психическое состояние деятеля» порицается именно из-за наличия враждебной социалистическому правопорядку или небрежной установке деятеля²⁹.

Изложенная точка зрения на социальную сущность вины подвергалась основательной критике со стороны других ученых, отмечавших, что «распространять оценочный момент только на одну вину было бы неправильно»³⁰, так как «моральной, политической, юридической, короче говоря, классовой оценке подлежит все деяние в целом, ибо только все деяние в целом способно причинить тот или иной с точки зрения его общественного значения результат»³¹. К этому добавляется весьма веское соображение о том, что «момент порицания, осуждения есть момент вторичный, есть следствие социально-политической сущности вины»³². Действительно, вина подлежит отрицательной оценке не как формально-юридическая категория, а как такое психическое отношение к деянию, которое обусловлено определенными антисоциальными чертами, свойствами и привычками правонарушителя.

Некоторые криминалисты придерживаются мнения, что социально-политическая сущность вины определяется материальным содержанием преступления как деяния, опасного для советского общества³³. Видя социальную сущность вины в том, что предметом интеллектуального и волевого отношения является не любое поведение человека, а только деяние, обладающее признаком общественной опасности, сторонники данной точки зрения утверждают, что «сущность вины следует решать лишь в пределах умысла и неосторожности, данных в ст.ст. 8 и 9 Основ советского уголовного законодательства»³⁴. Однако отождествлять социальную сущность вины с материальным содержанием умысла и неосторожности было бы неправильно, хотя они тесно связаны между собой, взаимозависимы и взаимообусловлены. Во-первых, сущность и содержание — это разные философские категории и смешивать их недопустимо. Во-вторых, материальное содержание умысла и неосторожности не содержит ответа на вопрос, почему данное лицо избрало вариант поведения, противоречащий интере-

²⁸ Макашвили В. Г. Вина и сознание противоправности. — С. 92.

²⁹ См.: там же. — С. 96.

³⁰ Матвеев Г. К. Указ. соч. — С. 174.

³¹ Никифоров А. С. Основные вопросы уголовной ответственности за преступления, совершенные по небрежности. — С. 136.

³² Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 63.

³³ См.: Пионтковский А. А. Учение о преступлении. — С. 310; Советское уголовное право. Часть Общая. — М., 1964. — С. 125. (Следует отметить, что автор этой главы Ш. С. Рашковская в учебнике издания 1972 г. несколько отошла от своей первоначальной позиции и приблизилась к ныне господствующей трактовке социальной сущности вины).

³⁴ Микадзе А. Г. Социально-политическая сущность вины в советском уголовном праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1976. — С. 10.

сам общества. Ответ на этот вопрос коренится в социальной сущности вины.

В настоящее время наиболее распространенным в советской правовой науке является взгляд на социальную сущность вины как на отрицательное отношение лица к интересам социалистического общества, выраженное в общественно опасном деянии. Благодаря вине деяние является не просто объективно неправомерным, но и свидетельствует об определенном отрицательном отношении правонарушителя к интересам социалистического общества либо к правам и законным интересам отдельных граждан. Именно в этом и заключается социальная сущность вины, выраженной в конкретном правонарушении. В отрицательном отношении правонарушителя к интересам общества следует видеть не содержание, а социальную сущность вины. Между тем в литературе предпринимались попытки доказать, что в отрицательном отношении субъекта к интересам социалистического общества заключается не сущность, а именно содержание вины, которое подлежит установлению в каждом конкретном случае³⁵. Но под содержанием понимается совокупность элементов и процессов, образующих предмет или явление. Отрицательное же отношение лица к интересам общества или его членов не является такой совокупностью, а представляет основное социальное свойство вины, придающее ей упречный характер. Поэтому более правильным является взгляд на отрицательное отношение к интересам общества как на социальную сущность вины³⁶. Этот взгляд является преобладающим, но не единственным в советской правовой науке. Так, высказывалось мнение, что «раскрытие социально-политической сущности вины отрицательным отношением лица к интересам социалистического общества, государства, граждан и т. д. является неправильным», так как лицо «сначала должно осознать общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидеть его общественно опасные последствия и т. д., а затем на основании этого сформулировать свое отрицательное отношение к интересам общества, государства, граждан и т. д.»³⁷. Изложенные соображения привели автора к выводу, что «социально-политическая сущность вины понимается лишь в пределах законодательного определения умысла и неосторожности»³⁸. Однако приводимые аргументы выглядят недостаточно убедительными.

Во-первых, отрицательное отношение к интересам общества формируется не на основе и не после осознания общественно опасного характера деяния и его последствий. Оно обусловлено целым рядом социальных и индивидуальных факторов, формируется постепенно и со временем может измениться в любую сто-

³⁵ См.: Тихонов К. Ф. Указ. соч. — С. 64—65.

³⁶ См.: Самощенко И. С. Социальная сущность вины по советскому праву // Советская юстиция. — 1967. — № 5. — С. 10; Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве. — С. 54.

³⁷ Микадзе А. Г. Указ. соч. — С. 12.

³⁸ Там же. — С. 13.

рону. Являясь ценностной ориентацией субъекта, оно существует еще до совершения конкретного преступления, а в нем только объективируется. Речь идет о наличии определенной социальной установки, обусловленной взаимодействием потребностей данного лица с конкретной жизненной ситуацией, т. е. о преднастроенности лица, о его готовности к антисоциальному поведению³⁹.

Во-вторых, изложенная позиция основана на неправильном понимании соотношения между категориями сущности, содержания и формы. Это разные, хотя и взаимосвязанные понятия, которые не только не должны, но и не могут совпадать. И совсем не требуется идентичности законодательных компонентов умысла и неосторожности с отрицательным отношением к интересам общества. Первое характеризует форму вины, а второе — ее социальную сущность.

Серьезного внимания заслуживает трактовка социальной сущности вины Ю. А. Демидовым. Он исходит из того, что общественная опасность поведения человека определяется главным образом его направленностью против основных социальных ценностей⁴⁰. Ценности же социалистического общества, подчеркивал автор, «не сводятся к интересам, хотя и включают их, если они являются ценностью общества. Это необходимо учитывать при определении вины. Кроме того, указание на ценности социалистического общества необходимо еще и в том отношении, что вина служит обоснованию отрицательной оценки, осуждения преступника. Указание на отношение преступника к интересам не объясняет необходимости осуждения его и его поступка. Для этого важно выразить мысль не только о том, какие интересы, но и почему они охраняются от посягательств. Иными словами, определение вины должно нести этическую нагрузку. Интерес сам по себе в отличие от ценности лишен такой нагрузки»⁴¹. Поэтому, пишет автор, «вина есть отрицательное отношение лица к наиболее важным ценностям социалистического общества, выраженное в общественно опасном деянии»⁴².

Определение социальной сущности вины как неправильного отношения правонарушителя к основным ценностям (а не интересам) социалистического общества более точно выражает обоснование осуждения виновного поведения со стороны государства. Поэтому такое определение принимается и другими юристами: «Именно это отрицательное отношение целостной психики индивида к определенным социальным ценностям, при том, что он должен и может относиться к ним иначе, служит основанием для нравственного и правового осуждения невнимательно действующего субъекта. Это отрицательное отношение и составляет моральную и юридическую вину при неосторожности»⁴³.

³⁹ См.: Угrehелидзе М. Г. Природа неосторожной вины по советскому уголовному праву. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1974. — С. 15—16.

⁴⁰ Демидов Ю. А. Указ. соч. — С. 70—71.

⁴¹ Там же. — С. 111.

⁴² Там же. — С. 112.

⁴³ Угrehелидзе М. Г. Указ. автореф. — С. 23—24.

В приведенных определениях вызывает сомнение правомерность характеристики отношения к социальным ценностям во всех случаях как **отрицательного**. В литературе уже обращалось внимание на неприменимость такой характеристики к большинству неосторожных преступлений⁴⁴.

Для понимания социально-политической сущности неосторожной вины важное значение имеют следующие слова В. И. Ленина:

«Это разгильдяйство, небрежность, неряшливость, неаккуратность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией, работу — разговорами, склонность за все на свете браться и ничего не доводить до конца есть одно из свойств «образованных людей», вытекающее вовсе не из их дурной породы, тем менее из злостности, а из всех привычек жизни, из обстановки их труда, из переутомления, из ненормального отделения умственного труда от физического и так далее и тому подобное»⁴⁵. Как видно из этих слов, В. И. Ленин признавал, что социально-психологической причиной непреднамеренного причинения вреда может быть не «дурная порода» и не «злостность», а социально обусловленные недисциплинированность, невнимательность, неряшливость и т. п.

Качественное отличие умысла и неосторожности психологически обусловлено различием в ценностной ориентации субъекта умышленного и субъекта неосторожного преступления. На московском Международном коллоквиуме, состоявшемся в декабре 1977 г. и посвященном неосторожно совершаемым преступлениям, отмечалась специфика ценностно-нормативной ориентации личности неосторожного преступника, указывалось на то, что «отрицательные, криминогенные личностные свойства у неосторожного преступника, как правило, менее развиты и выражены, чем у умышленного, и соответственно порождают меньшую деформацию ценностно-нормативной ориентации»⁴⁶.

Отмечая специфику ценностной ориентации неосторожного преступника, один из ученых пишет: «Ведь на практике нередки случаи, когда оплошность и невнимательность, приведшие к причинению вреда, допускаются людьми особенно заботливыми и осторожными при соприкосновении с интересами общества. Это указывает на то, что неосторожность не всегда является проявлением общей индивидуалистической ориентации индивида, его перманентного отрицательного предрасположения к интересам общества»⁴⁷. К сожалению, автор не проявил достаточной последовательности

⁴⁴ См., например, рецензию Б. А. Куринова на работу И. С. Самощенко «Понятие правонарушения в советском законодательстве» // Советское государство и право. — 1964. — № 3. — С. 137.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. — С. 201—202.

⁴⁶ Преступления, совершаемые по неосторожности, современные методы и средства борьбы с ними // Генеральный доклад на Международном коллоквиуме «Преступления, совершаемые по неосторожности, их предупреждение и обращение с правонарушителями», состоявшемся в Москве 19—24 декабря 1977 г. — М., 1977. — С. 5.

⁴⁷ Угрюхелидзе М. Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. — С. 64.

в оценке социальной сущности неосторожной вины и, признавая ее специфику, тем не менее характеризует ее как отрицательное отношение к определенным социальным ценностям.

П. С. Дагель также считал формулу «отрицательное отношение» применимой не только к умышленной, но и к неосторожной вине, поскольку ею «охватывается широчайшая гамма оттенков — от враждебного отношения к советскому строю, к социалистическому обществу до недостаточно внимательного отношения к общественным интересам»⁴⁸. Предостерегая против слишком узкого толкования упомянутой формулы, автор сам прибегал к ее чрезмерно широкому толкованию, поскольку в термине «отрицательное» видел то значение, которого этот термин не может иметь в соответствии со своим семантическим содержанием. Отрицать — значит не соглашаться с чем-то, отвергать что-то, противоречить чему-то. Конечно, в этих пределах возможны различные оттенки: можно относиться враждебно, можно отвергать без убежденности, можно поступаться принципами из корыстных или эгоистических соображений и т. д. Но вряд ли возможно, не искажая смысла, называть отрицанием недостаточно внимательное отношение к ценностям, являющимся таковыми не только для общества, но и для самого виновного.

Р. вместе с женой и одиннадцатилетним сыном катался с гор на лыжах. Мальчик наехал на дерево, сломал ногу и потерял сознание. Р. донес сына на руках до подножия горы, где стояла их автомашина «Жигули», уложил на заднее сидение, а жену попросил поддерживать мальчика, чтобы он не упал во время езды. Чтобы оказать медицинскую помощь сыну как можно скорее, Р. почти все 70 км до города ехал на высокой скорости, хотя из-за гололедицы это было очень опасно. Поскольку дорога была безлюдной, опасности для движения не создавалось. На одном особенно скользком участке дороги машину занесло, она выехала на обочину и перевернулась. При этом сам Р. и его жена получили менее тяжкие телесные повреждения.

О каком отрицательном отношении Р. и к каким социальным ценностям можно говорить применительно к описанному случаю? Ведь пострадали сам Р. и его жена, здоровьем которой Р. дорожил больше, чем собственным.

Практика знает немало дел о небрежном хранении оружия (ст. 219 УК РСФСР), когда потерпевшими оказывались дети виновных. Глубина раскаяния и тяжесть переживаний виновных (некоторые из них даже покушались на самоубийство) вряд ли позволяют говорить об их отрицательном отношении к социальным ценностям. К ответственности за неосторожные преступления подчас привлекаются лица с высоким уровнем сознательности, чувства ответственности и т. п. Их неосторожные поступки, повлекшие тяжкие последствия, явно не вытекают из ценностных ориентаций виновных и противоречат общей линии их социального поведения. Вряд ли есть основания говорить об отрицательном

⁴⁸ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 66.

отношении к социальным ценностям и при деликтах упушения, поскольку в этих случаях «неожиданно наступившие последствия являются активно нежелательными для причинителя, а не только для общества в целом»⁴⁹.

Разумеется, нельзя отрицать, что и в неосторожных преступлениях в отдельных случаях может проявиться отрицательное отношение к социальным ценностям. О нем могут свидетельствовать сознательное грубое нарушение правил профессиональной предосторожности либо систематическое или злостное пренебрежение нормами социального поведения. Одним из показателей отрицательных ценностей ориентаций неосторожного преступника является предшествующее привлечение его к дисциплинарной, административной или иной юридической ответственности либо применение мер общественного воздействия за нарушение норм социального поведения. Но и у таких лиц уровень деформации ценностных ориентаций значительно ниже, чем у лиц, совершающих умышленные преступления. «Антисоциальную установку личности нельзя сводить во всех случаях проявления неосторожности к ее первопричинам, так же как нельзя, очевидно, отрицать, что неосторожные преступления в ряде случаев обусловлены асоциальной направленностью и ориентацией личности»⁵⁰.

В большинстве неосторожных преступлений ценностные ориентации виновных гораздо ближе к ориентациям благополучных в криминальном отношении граждан, чем к ориентациям лиц, совершающих преступления умышленно. Поэтому было бы неправильно одним и тем же термином характеризовать отношение к социальным ценностям лиц, совершающих преступления с умыслом, и лиц, виновных в совершении преступлений по неосторожности. Отношение последних точнее было бы характеризовать не как отрицательное, а как недостаточно бережное, недостаточно внимательное. Оно может иметь различные оттенки: пренебрежение, беспечность, невнимание, недостаточное внимание. Но при всех этих оттенках общественно опасный результат всегда является для виновного нежелательным и в большей или меньшей степени неожиданным.

Следовательно, социально-политическую сущность вины составляет отрицательное (что характерно для умысла) либо пренебрежительное или недостаточно внимательное (что характерно для неосторожности) отношение к основным социальным ценностям, проявившееся в конкретном преступном деянии.

§ 4. Степень вины

Одним из основных показателей, характеризующих вину, является ее степень, которая оказывает существенное влияние

⁴⁹ Угрехелидзе М. Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. — С. 120.

⁵⁰ Квашиш В. Е. Теоретические основы профилактики неосторожных преступлений. — С. 45.

на степень общественной опасности совершенного преступления⁵¹. В действующем советском уголовном законодательстве такой термин не используется, но судебная практика пользуется им достаточно широко.

Вопросу о понятии степени вины уделялось определенное внимание в советской юридической науке, но ее представителями это понятие трактуется по-разному. Одни ученые усматривают разницу в степени вины в различиях между ее формами⁵² и тем самым неосновательно смешивают качественную и количественную характеристики вины. Другие под степенью вины подразумевают определенный уровень интенсивности интеллектуальных и волевых процессов, из которых складывается содержание вины. Они считают степень вины количественным показателем психической деятельности человека, следовательно, категорией психологической, трактуют ее как большую или меньшую меру сознания общественной опасности деяния, большую или меньшую меру предвидения и желаний общественно опасных последствий (или возможности предвидения этих последствий)⁵³.

Некоторые ученые придерживались мнения, что «вопрос о степени вины лежит за рамками признания наличия умысла или неосторожности. Он разрешается не только в зависимости от наличия этих признаков, а в зависимости от всех обстоятельств дела, объективных и субъективных, т. е. в зависимости от степени вины как основания уголовной ответственности»⁵⁴. Подобное приведенное понимание степени вины выражается и в утверждении, что «степень виновности определяется степенью общественной опасности как деяния, так и деятеля»⁵⁵. Конкретизируя перечень обстоятельств, влияющих на степень вины, автор относит к ним особые свойства объекта либо предмета посягательства, особые условия, место, время и обстановку совершения преступления, мотивы деяния, особые личные свойства виновного, а также отягчающие или смягчающие обстоятельства, как указанные конкретными статьями Особенной части УК, так и предусмотренные Общей частью УК.

Изложенная позиция грешит искусственным разрывом юридической и социальной сущности вины. Юридическую сущность они относят к умыслу и неосторожности, толкуемым формально-юридически, а социальную сущность — к самому общественно опасному деянию в целом. Поэтому вина выступает у них в двух качествах: как элемент состава преступления (умысел и неосторожность, лежащие количественной характеристики) и как общее осно-

⁵¹ См.: Кригер Г. А., Кузнецова Н. Ф. Новое уголовное законодательство и его научно-практическое значение. — С. 75.

⁵² См.: Ошерович Б. К вопросу о степенях виновности // Ученые записки ВИЮН. Вып. 1. — 1940. — С. 68—69; Матвеев Г. К. Указ. соч. — С. 237—244.

⁵³ См., например: Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. — С. 13, 18; Орлов В. С. Указ. статья // Вестник МГУ. — 1968. — № 1. — С. 26, 27, 29.

⁵⁴ Утевский Б. С. Указ. соч. — С. 74.

⁵⁵ Сергеева Т. Л. Вопросы вины и виновности в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. — М., 1950. — С. 125.

ние уголовной ответственности (виновность, равнозначная общественной опасности самого преступления).

С изложенной позицией некоторое сходство имеет трактовка степени вины П. С. Дагелем, также считавшим, что на степень вины влияют и объективные и субъективные обстоятельства, характеризующие преступление. К числу таких обстоятельств он относил: общественную опасность деяния; формы вины и характер умысла или неосторожности; мотивы и цели преступления; обстоятельства, характеризующие личность виновного; причины преступления и условия формирования умысла и неосторожности⁵⁶.

Необходимо отметить, что сходство позиции П. С. Дагеля с позицией Б. С. Утевского и Т. Л. Сергеевой носит чисто внешний характер и касается только классификации и примерного перечня обстоятельств, влияющих на степень вины. Гораздо важнее принципиальное различие между обеими позициями, которое состоит в следующем. Прежде всего, П. С. Дагель вовсе не отождествлял вину с общественной опасностью деяния, первую он рассматривал как субъективную категорию, а вторую — как объективную. Кроме того, он не только не лишал степень вины психологического содержания, а, напротив, среди обстоятельств, определяющих степень вины, на первое место ставил психическую деятельность правонарушителя. И, наконец, согласно мнению П. С. Дагеля, обстоятельства, характеризующие деяние и личность самого виновного, влияют на степень вины лишь постольку, поскольку они охватываются умыслом или неосторожностью, т. е. составляют предметное содержание вины. Подобная трактовка степени вины в принципе не вызывает возражений, но она нуждается в некоторых уточнениях.

Во-первых, следует подчеркнуть, что степень вины — это количественная характеристика не юридической, а материальной, т. е. социально-политической, сущности вины, а именно — степени деформированности социальных ориентаций субъекта. Она определяется не только формой вины, но и особенностями психической деятельности лица, целями и мотивами его поведения, личностными особенностями и т. д. Как справедливо отмечалось в литературе, «лишь совокупность формы и содержания вины с учетом всех особенностей психического отношения лица к объективным обстоятельствам преступления и его субъективных, психологических причин определяет степень отрицательного отношения лица к интересам общества, проявленного в совершенном лицом деянии, т. е. степень его вины»⁵⁷.

Во-вторых, необходимо внести коррективы в перечень обстоятельств, влияющих на степень вины.

Вряд ли можно поддержать П. С. Дагеля в его понимании обстоятельств, характеризующих личность виновного и влияющих

на степень вины именно в таком качестве. По его мнению, на степень вины влияют не только действия виновного, но и уровень требований, предъявляемых государством к поведению данного лица с учетом его индивидуальных качеств и возможностей. На самом деле величина расхождения между требуемым и действительным поведением виновного характеризует не личность последнего, а характер нарушения (грубое, негрубое и т. д.) социальных норм, т. е. объективную сторону.

В перечень обстоятельств, влияющих на степень вины, П. С. Дагель без достаточных оснований включил причины преступления. Далеко не всегда и полно они могут быть установлены даже следствием и судом в силу их множественности, а также сложности возникновения, развития и реализации. Тем менее оснований ожидать от виновного осознания этих причин. Поэтому перечень указанных обстоятельств целесообразно ограничить лишь условиями формирования преступного умысла или неосторожности, причем с оговоркой, что эти условия сознавались виновным.

В-третьих, необходимо хотя бы схематично показать механизм влияния различных обстоятельств на степень вины. Вопрос о влиянии формы вины на ее степень бесспорен. В умышленном преступлении виновный, сознательно посягая на социальные ценности, определенно проявляет свое отрицательное к ним отношение, а при неосторожных преступлениях такая определенность отсутствует. Следовательно, степень деформации ценностных ориентаций при неосторожности меньше, чем при умысле. Сложнее обстоит дело с соизмерением тяжести видов умысла и видов неосторожности. В литературе нередко высказывается мнение, что прямой умысел далеко не всегда опаснее косвенного. В доказательство приводятся примеры, когда правонарушитель открывает в толпе беспорядочную стрельбу, грозящую жизни многих людей, либо с целью уничтожения имущества поджигает чужой дом, тем самым обрекая на гибель тяжело больного, находящегося в доме. В глубоком безразличии к судьбе потерпевших предлагается видеть более высокую социальную опасность, чем в прямом умысле. Такое мнение представляется ошибочным. Если сравнивать прямой и косвенный умысел при одинаковых прочих условиях, то прямой умысел всегда опаснее косвенного. В самом деле, человек, желающий смерти многих людей, опаснее человека, открывшего в толпе беспорядочную стрельбу, а лицо, сознательно допускающее смерть больного в поджигаемом доме, менее опасно, чем поджигатель, стремящийся причинить смерть тому же больному. Недостаточно обосновано и мнение, будто небрежность может быть опаснее самонадеянности, при которой виновный якобы принимает определенные меры для предотвращения тяжких последствий. На самом деле при самонадеянности виновный преодевает контрмотивы, удерживающие его от неразумного поступка, он не только не хочет воздержаться от чреватого последствиями действия, но даже не дает себе труда тщательно оценить все детали сложившейся обстановки и ее возможные последствия. Та-

⁵⁶ См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 71—74.

⁵⁷ Дагель П. С., Михеев Р. И. Установление субъективной стороны преступления. — Владивосток, 1972. — С. 17.

Вине, понимаемой как психическое отношение субъекта к общественно опасному деянию и его последствиям, т. е. как умысел и неосторожность, безусловно присущи оценочные элементы. Причем о них можно говорить в различных аспектах. Первый аспект касается законодательного описания умысла и неосторожности.

В характеристике отдельных форм вины законодатель использует оценочные понятия. В праве «термином «оценочные понятия» обозначаются относительно определенные понятия, содержание которых выявляется только с учетом конкретных ситуаций, обстоятельств рассматриваемого дела»⁶⁰. Неизбежность и оправданность существования оценочных понятий в праве признается многими советскими учеными⁶¹. Не избежал законодатель оценочных понятий и при описании умысла и неосторожности.

В определении умысла содержатся такие формально-определенные понятия, как «сознавало», «предвидело» и «желало». Что же касается понятия «сознательно допускало», то в нем содержится определенный оценочный момент. Установив, что общественно опасные последствия причинены подсудимым, суд на основе оценки всех обстоятельств дела должен сделать обоснованный вывод, что подсудимый допустил наступление последствий сознательно, т. е. с одобрением относился к их наступлению. Такой вывод суда представляет собой оценку, содержание которой определяется логическим анализом цепи фактических обстоятельств, из которых складывается преступление.

В неосторожной форме вины удельный вес оценочного элемента еще больше.

Присущий самонадеянности расчет на предотвращение последствий законодатель характеризует как **легкомысленный**. Таковым он может быть признан только в конкретной обстановке, требующей от субъекта определенной меры осмотрительности и дающей ему возможность избрать правильный вариант поведения. При одних обстоятельствах такой расчет мог быть основательным, при других же он свидетельствует о беспечности субъекта, о его поверхностных оценках характера совершаемого деяния и возможности причинения вредных последствий. Поэтому вывод суда о легкомысленности расчета на предотвращение последствий — это оценочное суждение.

Оценочным является характерное для небрежности понятие возможности предвидеть общественно опасные последствия поведения виновного. Положительное решение вопроса о наличии такой возможности определяется, с одной стороны, характером об-

становки, позволяющей правильно ориентироваться, а с другой стороны, индивидуальными качествами и способностями субъекта. Следовательно, вывод о том, что виновный мог предвидеть последствия своего деяния — это оценочное суждение в отличие от обязанности их предвидеть, которая носит нормативный, формально-определенный характер.

Второй аспект вопроса об оценочных элементах вины касается способа ее установления и определения ее формы.

Еще в дореволюционной уголовно-правовой литературе отмечалось, что при установлении вины «наши наблюдательные средства весьма недостаточны и приговор наш о том, что происходило в душе преступника, прежде чем он начал совершение преступления, основан будет всегда на одних только предположениях, более или менее вероятных»⁶².

Не задерживая внимания на некоторых неточностях в приведенном высказывании, следует согласиться с тем, что вывод о вине может быть основан только на оценке судом объективных обстоятельств дела. Подобная мысль выражалась и в советском законодательстве. Так, в Положении о ротных товарищеских судах от 23 июля 1918 г. говорилось: «Суд решает вопрос о вине и невиновности по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности обстоятельств, выяснившихся при разборе дела, руководствуясь социалистической совестью»⁶³. Об оценочной деятельности суда как способе установления вины писали советские ученые. «Умысел, хотя и является субъективной категорией, практически устанавливается посредством правильной оценки объективных обстоятельств совершения преступления»⁶⁴.

Для установления конкретного содержания интеллектуального и волевого элементов вины нет иных способов кроме умозаключения, основанного на оценке фактических обстоятельств дела. Поэтому деятельность суда по установлению вины и ее формы — это деятельность оценочная.

Об оценочном аспекте вины можно говорить и в аксиологическом плане, т. е. в плане категорий ценностей и оценок.

«Уголовное право имеет дело с двумя видами оценочных отношений. С одной стороны, оно в своих нормах выражает отрицательное отношение класса (при социализме всего общества) к определенным формам поведения индивидов, объявляя их преступными, с другой — формы поведения, которые закон объявляет

⁶⁰ Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1974. — С. 6.

⁶¹ См.: Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. — С. 64; Бару М. И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве // Советское государство и право. — 1970. — № 7. — С. 105; Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. — М., 1972. — С. 138; Шабуров А. С. Формальная определенность права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1973. — С. 21—23; Жеребкин В. Е. Оценочные понятия права (текст лекций). — Харьков, 1976. — С. 7 и след.

⁶² Спасович В. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 1. — СПб, 1863. — С. 143.

⁶³ СУ РСФСР. — 1918. — № 55.

⁶⁴ Стручков Н. Установление субъективной стороны преступления // Советская юстиция. — 1963. — № 20. — С. 12. Об оценочной деятельности суда по установлению вины писал и А. М. Хвостов: «Разрешая вопрос об ответственности, суд вместе с тем определенным образом оценивает и субъективное (психическое) отношение лица к своим действиям...» (Хвостов А. М. Вина в советском трудовом праве. — Минск, 1970. — С. 17). См. также: Петелин Б. Я. Методы установления вины // Советское государство и право. — 1983. — № 10. С. 85—90.

кое отношение к деянию, безусловно, опаснее небрежности, при которой виновный совершает опасный поступок единственно потому, что не предвидит возможных опасных последствий⁵⁸.

Помимо форм и видов вины на ее степень влияют особенности содержания интеллектуального и волевого процессов, происходящих в психике виновного. Объем и определенность сознания, характер предвидения, преднамеренность, настойчивость в достижении цели могут существенно повлиять на степень вины при умысле. Степень легкомыслия в оценке обстановки, характер обязанности предвидеть и причины непредвидения последствий могут повысить или снизить степень неосторожной вины.

Влияние мотива и цели на степень вины обусловлено характером их взаимосвязи с интеллектуальной и волевой стороной психики человека. Цель и мотив определяют постановку конкретных задач реальной деятельности, выбор средств и способов их разрешения. Они порождают идеальную модель преступного деяния, являясь, таким образом, фундаментом, на котором возникает реальное психическое отношение лица к деянию, т. е. вина. Являясь непосредственным порождением неправильных ценностных ориентаций человека, они несут отрицательный в социальном плане заряд в психическую деятельность этого лица, связанную с определенным деянием.

Особенности объекта и объективной стороны, а иногда и особые свойства предмета посягательства оказывают влияние на степень вины через содержание умысла или неосторожности. Например, сознание общественной опасности конкретного преступления предполагает, что виновный предвидит не абстрактный вред своего деяния, а предвидит наступление вполне определенного вреда в каждом случае: малозначительного, существенного, значительного, тяжкого или особо тяжкого. Поэтому сознание большей или меньшей тяжести причиненного вреда означает большую или меньшую степень отрицательного отношения к основным социальным ценностям. То же самое относится и к другим чертам преступного деяния.

Таким образом, степень вины — это оценочная категория, содержащая психологическую и социально-политическую характеристику вины с ее количественной стороны и выражающая меру отрицательного, пренебрежительного или недостаточно внимательного отношения лица, виновного в совершении преступления, к основным социальным ценностям.

Степень вины конкретного лица в совершении определенного преступления является непосредственным выражением меры искажения ценностных ориентаций виновного. Поэтому она находится в прямой пропорции с величиной уголовно-правового принуждения, необходимого для устранения дефектов в социальных ориентациях правонарушителя. С учетом этого желательно дополнить приводимый в ст. 32 Основ перечень факторов, подлежащих обя-

⁵⁸ См.: Камхадзе К. Указ. статья // Советская юстиция. — 1984. — № 5. — С. 13.

зательному учету при назначении судом наказания, изложив второе предложение этой статьи в следующей редакции:

«При назначении наказания суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, степень его вины и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность».

§ 5. Оценочные элементы вины

Характеристика юридической и социально-политической сущности вины была бы неполной без анализа вопроса о месте и роли оценочных элементов вины как уголовно-правовой категории.

В советской юридической науке вопрос об оценочном элементе вины был поставлен Б. С. Утевским, который рассматривал вину в двух качествах: в качестве субъективной стороны преступления и в качестве общего основания уголовной ответственности. По его мнению, вина в последнем качестве включает следующие элементы:

«1. Наличие совокупности субъективных и объективных обстоятельств, характеризующих подсудимого, совершенное им преступление, последствия, условия и мотивы совершения им преступления.

2. Отрицательная общественная (морально-политическая) оценка от имени социалистического государства всех этих обстоятельств.

3. Убеждение советского суда, что действия подсудимого на основании этой оценки должны повлечь за собой уголовную, а не какую-либо иную (административную, дисциплинарную, гражданскую) его ответственность»⁵⁹.

В изложенной концепции вина превращается в отрицательную морально-политическую оценку всех объективных и субъективных обстоятельств, характеризующих деяние и субъекта, т. е. полностью в оценочную категорию. В ходе развернувшейся после выхода книги Б. С. Утевского дискуссии его оценочная концепция вины была признана вредной для социалистической законности и отвергнута. При этом критика в адрес автора была очень резкой и не всегда корректной. Поэтому вместе с положительным значением, с развенчанием действительно несостоятельной и вредной концепции такая критика повлекла и отрицательные последствия — были надолго прекращены попытки исследовать оценочные элементы вины в уголовном праве.

И тем не менее значительное число советских ученых вводят в определение вины оценочный момент, хотя вина признается ими не оценочной категорией, а конкретным фактом объективной действительности.

⁵⁹ Утевский Б. С. Указ. соч. — С. 103.

преступлениями, сами являются непосредственным продуктом отрицательного отношения индивида к общественному порядку»⁶⁵.

Второй вид оценочных отношений — это ценностные ориентации конкретного индивида. Разумеется, они реализуются в уголовно-противоправном поведении этого индивида, но сами ориентации — это психическая деятельность или психические установки. Лицо посягает на отдельные блага социалистического общества именно потому, что оно не воспринимает их как личные ценности, оценивает их иначе, чем социалистическое общество и государство. Реализуясь в преступном поведении, неправильная ценностная ориентация субъекта проявляется в его **виновном** отношении к ценностям социалистического общества. Следовательно, вина есть оценочное отношение индивида к ценностям социалистического общества, объективированное в конкретном общественно опасном деянии.

Устанавливая в нормах уголовного права запрет на определенные формы человеческого поведения, Советское государство выражает (от имени всего общества) свое отрицательное к ним отношение, определяет их как антиценность. Но уголовное право признает преступлением не любое, а только виновное нарушение правовых запретов. Поэтому, давая отрицательную оценку противоправному поведению индивида, законодатель тем самым дает отрицательную оценку и вине этого индивида, признает его виновным перед социалистическим обществом.

Момент оценки противоправного деяния как антиценности для социалистического общества проходит всегда как бы два этапа: этап абстрактной оценки (в законе) и этап конкретной оценки (в приговоре)⁶⁶. Поскольку «законодательные оценки служат основанием для судебной оценки»⁶⁷, «судебная оценка должна полностью соответствовать законодательной оценке»⁶⁸. Суд в своих оценках руководствуется социалистическим правосознанием, т. е. придерживается ценностных ориентаций законодателя. Признавая подсудимого виновным в совершении преступления, он тем самым дает отрицательную оценку его неправильному отношению к интересам социалистического общества. Таким образом, вина, как составной элемент уголовного правонарушения, сама становится предметом оценки со стороны суда.

И, наконец, последний аспект вопроса об оценочных элементах вины — это вопрос о ее степенях.

«Степень вины — это количественная характеристика индивидуальной вины субъекта, выражающая ее сравнительную тяжесть. Она характеризуется конкретностью формы и содержания вины в каждом конкретном случае»⁶⁹. Данный показатель вины отражает меру отрицательного или недостаточно бережного отноше-

ния субъекта к основным ценностям социалистического общества. А поскольку единиц для определения этого количественного показателя не существует, суд в каждом конкретном случае дает индивидуальную оценку степени виновности подсудимого. Будучи оценочной категорией, степень вины выражается в суждении суда о каждом преступлении. Это суждение находит свое материальное выражение в определении размера наказания.

Уголовно-правовая вина — категория не только юридическая, но также социально-политическая и этическая. В ней сочетаются нормативные, формально-определенные элементы с элементами оценочными. Однако это вовсе не превращает ее в чисто оценочную категорию, в суждение о виновности, поскольку оценочная сторона вины полностью базируется на фактической стороне преступного деяния и вне его существовать не может.

* *
*

Анализ различных аспектов вины позволяет прийти к выводу, что это понятие многогранное, имеющее различные стороны.

С психологической стороны вина — это определенное интеллектуальное и волевое отношение лица к совершаемому им деянию.

С юридической стороны — это точно сформулированная законодателем комбинация интеллектуальных и волевых процессов, протекающих в психике субъекта в связи с совершением деяния, предусмотренного уголовным законом в качестве преступления.

С социально-политической стороны вина представляет собой отрицательное, пренебрежительное или недостаточно бережное отношение лица к основным ценностям советского общества, которое обусловлено искажениями ценностных ориентаций индивида и объективируется в психических процессах при совершении данным индивидом деяния, опасного для советского общества.

Следовательно, вину как уголовно-правовое понятие можно определить следующим образом:

ВИНА есть психическое отношение субъекта в форме умысла или неосторожности к совершаемому им общественно опасному деянию, обусловленное искажениями ценностных ориентаций данного лица, в котором объективируется антисоциальная, асоциальная или недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших ценностей советского общества.

⁶⁵ Демидов Ю. А. Указ. соч. — С. 26.

⁶⁶ См.: Матвеев Г. К. Указ. соч. — С. 172.

⁶⁷ Демидов Ю. А. Указ. соч. — С. 100.

⁶⁸ Там же. — С. 24.

⁶⁹ Дагель П. С. Указ. автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — С. 13.

ГЛАВА I

ВИНА И ВОПРОСЫ
ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

§ 1. Вина в предварительной
преступной деятельности

В советской уголовно-правовой науке господствующим является мнение, что предварительная преступная деятельность (покушение на преступление и приготовление к преступлению) возможна только с прямым умыслом. Но некоторыми учеными высказывались и другие суждения.

Еще в дореволюционной русской науке можно было встретить утверждение, что «со стороны субъективной покушение по существу бывает всегда умышленное», но «при нем возможны все виды и оттенки умысла»¹. Вопрос о возможности приготовления к преступлению и покушения на преступление с косвенным умыслом обсуждался и советскими учеными. Такая возможность допускалась в комментариях к УК², в научных статьях³ и в других источниках. Отдельные исследователи считали предварительную преступную деятельность с косвенным умыслом невозможной, однако свое мнение аргументировали практическими трудностями доказывания косвенного умысла при неоконченном преступлении⁴. Следует отметить, что в те годы, когда марксистско-ленинская юридическая наука еще не достигла современного уровня развития, суждения как о возможности, так и о невозможности приготовления и покушения с косвенным умыслом высказывались, как правило, без особой аргументации.

¹ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. — М., 1912. — С. 359.

² См., например: Уголовный кодекс РСФСР. Практический комментарий/Под ред. М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина. Общая часть. — М., 1925. — С. 33.

³ См., например: Лившиц В. Указ. статья//Советское государство и право. — 1947. — № 7. — С. 43.

⁴ См., например: Исаев М. М. Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. — М., 1948. — С. 63.

В начале 60-х годов некоторые советские ученые возвратились к обсуждению вопроса о видах умысла в предварительной преступной деятельности. Ценность печатных выступлений этих исследователей состоит в том, что они пытались обосновать свою позицию теоретическими и практическими соображениями и для этого выдвинули несколько серьезных аргументов. Анализ позиций аргументов ученых, допускающих возможность предварительной преступной деятельности с косвенным умыслом, может способствовать углублению понимания объективной сущности приготовления и покушения и точнее определить содержание умысла при неоконченном преступном деянии.

Сторонниками признания возможности косвенного умысла при неоконченном преступлении выступили И. И. Горелик и П. С. Дагель. Не исключают возможности покушения на преступление с косвенным умыслом и некоторые криминалисты зарубежных социалистических стран. Например, изданный в 1969 г. в Праге учебник чехословацкого уголовного права допускает возможность косвенного умысла при покушении. Против такого взгляда решительно выступают болгарские криминалисты, а также Верховный Суд НРБ, который подчеркнул, что ответственность может иметь место только за желаемые последствия, если они фактически не наступили⁵.

И. И. Горелик обосновывает возможность покушения с косвенным умыслом с помощью следующих доказательств.

Во-первых, «то, что закон не различает преступления по формам умысла, свидетельствует об их одинаковой опасности, несмотря на некоторые особенности в психическом отношении к содеянному. Если, следовательно, действующий с прямым и действующий с косвенным умыслом одинаково отвечают за последствия своих сознательных действий, то одинакова должна быть и ответственность за сознательные действия, случайно не приведшие к последствиям»⁶.

Во-вторых, указывает И. И. Горелик, покушение с косвенным умыслом известно судебной практике. Однако приведенные доказательства неубедительны.

Прежде всего, необходимо указать на некоторую нелогичность первого из приведенных аргументов. Ведь и неосторожные преступления в своем подавляющем большинстве имеют материальный состав, т. е. наказываются при реальном наступлении предусмотренных законом последствий. Однако из этого отнюдь не вытекает, что при ненаступлении этих последствий можно ставить

⁵ См.: Гельфер М. А. Основные вопросы Общей части уголовного права зарубежных социалистических государств. М., 1972. — С. 59—60.

⁶ Горелик И. И. Понятие преступлений, опасных для жизни и здоровья// Вопросы уголовного права и процесса. Вып. II. — Минск, 1960. — С. 75. Аналогичную аргументацию И. И. Горелик использует и в работе «Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву» (Минск, 1964), где высказана мысль, что, поскольку ответственность наступает за реальное наступление нежелательных, но признаваемых последствий, то при ненаступлении этих последствий лицо должно отвечать за покушение на их причинение с косвенным умыслом (с. 27—32).

вопрос об ответственности за покушение на неосторожное преступление, даже если лицо сознательно нарушило определенные нормы предосторожности и предвидело возможность наступления такого рода последствий. И дело вовсе не в том, что законодатель дифференцирует ответственность за умышленное и за неосторожное причинение одних и тех же последствий, а в том, что сущность юридической ответственности за неосторожное причинение вреда основана на фактическом причинении этого вреда. Такова же сущность уголовной ответственности и за причинение вредных последствий с косвенным умыслом, который может быть связан лишь с наступившими, а не с возможными последствиями.

П. С. Дагель аргументировал возможность предварительной преступной деятельности с косвенным умыслом путем логического анализа законодательного определения приготовления, к преступлению и покушения на преступление. Он обратил внимание на то, что ст. 15 Основ, определяя приготовление и покушение, «говорит не о причинении результата, а о создании условий для совершения преступления (приготовление) и о действии, непосредственно направленном на совершение преступления (покушение)». Поэтому, если нежелаемое последствие связано с желаемым действием или последствием, то, при осознании этой связи, покушение на желаемое будет одновременно и покушением на связанное с ним последствие»⁷. Таким образом, по мнению автора, в предварительной преступной деятельности желание виновного связывается не с последствиями, а только с самими общественно опасными действиями, причиняющими упомянутые последствия. Однако построенное им умозаключение нельзя признать истинным.

Во-первых, законодательные определения приготовления и покушения вообще не содержат термина «желание», поэтому вряд ли есть основания строить предположения о том, связывает ли законодатель желание только с действием или распространяет его одновременно и на действие и на последствие.

Во-вторых, формулируя определение приготовления к преступлению и покушения на преступление, законодатель и не мог включить в него указание на психическое отношение к последствиям, ибо таким образом он бы искусственно ограничил предварительную преступную деятельность только областью преступлений с материальным составом, тогда как она вполне возможна и в большинстве преступлений, имеющих формальный состав.

В-третьих, противопоставление общественно опасного действия и общественно опасного последствия нельзя признать правомерным. Поскольку преступление представляет с объективной стороны неразрывное единство общественно опасного действия и общественно опасного последствия, то под совершением преступления в ч.ч. 1 и 2 ст. 15 Основ подразумевается и совершение описанного в законе действия (бездействия) и причинение предусмотренного законом последствия. Создание условий для этого оз-

⁷ Дагель П. С. О косвенном умысле при предварительной преступной деятельности // Вопросы государства и права. — Л., 1964. — С. 189.

начает приготовление, а начало причиняющих действий — покушение на преступление.

В-четвертых, цепь логических построений в приведенном высказывании оказалась незавершенной. Ведь если виновный сознательно обусловленностью общественно опасных последствий собственными действиями и, несмотря на это, желает совершить их, то желание распространяется как на сами действия, так и на предвиденные последствия, даже если они не являются целью субъекта.

В подтверждение своего исходного тезиса ученые, допускающие возможность косвенного умысла в предварительной преступной деятельности, ссылаются на подобные примеры из судебной практики, хотя на протяжении нескольких десятилетий такие примеры встречаются буквально в единичных случаях. Обычно делаются ссылки на судебные решения по делам Иванова и Хоменко.

В определении по делу Иванова Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР установила, что после ссоры с Р. Иванов «побежал к себе домой, зарядил двухствольное охотничье ружье двумя патронами и с намерением убить Р. возвратился к его дому и выстрелил в окно»⁸.

Установленное судом намерение убить Р. означает стремление, желание причинить смерть и психологически несовместимо с косвенным умыслом, о котором говорится в заключительной части определения. Таким образом, указанное определение в теоретическом отношении противоречиво и не может служить доказательством возможности покушения на преступление с косвенным умыслом. Не может служить таким доказательством и дело Хоменко, на которое ссылались И. И. Горелик и П. С. Дагель.

Как установлено судом, после ссоры, в ходе которой супруги обменялись ударами, Валентина Хоменко вышла из квартиры, сказав, что идет в милицию. После ее ухода подсудимый Хоменко снял со стены висевшее там охотничье ружье, а когда жена показала в дверях, выстрелил в нее и ранил в нижнюю часть живота, причинив легкие телесные повреждения с расстройством здоровья. Президиум Верховного Суда РСФСР пришел к следующему выводу: «Умысел Хоменко на убийство жены доказан самим характером его действий. Стеля в жену из ружья, заряженного дробью, причем на близком расстоянии, Хоменко сознательно допускал возможность причинения потерпевшей не только легких, но и смертельных повреждений»⁹. Поэтому, считает Президиум, действия Хоменко следует квалифицировать как покушение на убийство.

Изложение обстоятельств данного дела в постановлении Президиума Верховного Суда РСФСР не содержит достаточных фактических данных для категорического вывода о направленности умысла виновного, а следовательно, и для квалификации его действий. Если умысел был направлен на лишение жизни, то речь

⁸ Советская юстиция. — 1958. — № 12. — С. 83.

⁹ Советская юстиция. — 1959. — № 1. — С. 81.

идет, безусловно, о покушении на убийство, но с прямым умыслом. Если же такой направленности умысла не будет установлено, то покушение на убийство исключается и ответственность должна наступить за причинение фактических последствий с косвенным умыслом.

И. И. Горелик приводит в пример рассмотренное нарсудом г. Мозыря Гомельской области уголовное дело о том, как трое подсудимых, будучи пьяными, бросили с моста в реку своего знакомого, которому, однако, удалось выбраться из воды. Автор считает правильным приговор суда, которым описанные действия были квалифицированы как покушение на убийство с косвенным умыслом¹⁰. Недостаточность фактического материала в авторском изложении этого дела не позволяет точно определить квалификацию совершенного преступления. Это могло быть или злостное хулиганство, или оставление без помощи лица, поставленного подсудимыми в опасное для жизни состояние, или покушение на убийство (если виновные стремились причинить смерть либо она заведомо для них неизбежно должна была последовать, но «чудом» не наступила). Однако в последнем варианте речь может идти не о косвенном, а о прямом умысле. При квалификации описанного преступления необходимо учитывать разницу в объеме вменения при прямом и при косвенном умысле: при прямом этот объем определяется желанием субъекта, выразившимся в его деянии, а при косвенном — фактически наступившими последствиями.

Подводя итог анализу судебных решений, приводимых в литературе в доказательство возможности покушения с косвенным умыслом, следует сделать следующие выводы.

Во-первых, таких решений буквально единицы за многие десятилетия.

Во-вторых, они не имеют доказательственного значения, поскольку либо констатируют косвенный умысел там, где на самом деле умысел является прямым, либо ошибочно квалифицируют как покушение на преступление такие деяния, которые фактически нельзя признать покушением по объективным или субъективным свойствам. Эти редкие примеры вполне можно отнести к разряду судебных ошибок. В целом же практика исходит из того, что покушение возможно только с прямым умыслом. С этих позиций суды союзных республик подходили к рассмотрению многих конкретных дел.

Например, Президиум Верховного Суда РСФСР в постановлении по делу Колпачкова, в драке нанесшего перочинным ножом удар в грудь Филинову, а затем — схватившему его сзади Королеву, указал на ошибочность позиции Смоленского облсуда и Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, усмотревших покушение на убийство на том основании, что «Колпачков предвидел и допускал возможность наступления смерти по-

¹⁰ См.: Горелик И. И. Понятие преступлений, опасных для жизни и здоровья. — С. 76.

терпевших». Как пояснил Президиум, «если установлен косвенный умысел на убийство, квалификация по ст. 15 и ст. 102 УК РСФСР исключается и виновный должен нести ответственность за фактически наступившие последствия»¹¹.

Приговором нарсуда г. Бобруйска Б. был осужден по ст. 15 и ст. 102 УК БССР (покушение на убийство) за то, что во время ночного дежурства по охране колхозного сада с целью напугать выстрелил из охотничьего ружья в сторону подростков, проникших в сад для хищения небольшого количества яблок. Суд исходил из того, что, хотя двоим потерпевшим были причинены легкие телесные повреждения с кратковременным расстройством здоровья, а третьей — легкие телесные повреждения без расстройства здоровья, Б. имел косвенный умысел на причинение смерти кому-либо из проникших в сад подростков. Рассмотрев дело по протесту заместителя Председателя Верховного Суда БССР, Президиум Могилевского областного суда переквалифицировал преступление Б. на ч. 1 ст. 110 УК БССР (умышленное причинение легких телесных повреждений) и указал, что, поскольку у Б. не было прямого умысла на причинение смерти, его действия не могут рассматриваться как покушение на убийство и должны квалифицироваться исходя из фактически наступивших последствий¹².

Нарсудом Калининского района Киргизской ССР был осужден за покушение на убийство несовершеннолетний Хашковский. После совместного распития спиртного со своими сверстниками подсудимый нецензурно ругался, в частности в адрес Супруненко, за что последний ударил Хашковского рукой по лицу. Последний вынул из кармана нож, а когда Супруненко, наступая, снова ударил его по лицу, требуя бросить нож, Хашковский после окрика «Отойди!» ударил потерпевшего ножом в грудь, а увидев кровь, заплакал и убежал. Рассмотрев дело по протесту заместителя Председателя Верховного Суда СССР, Пленум Верховного Суда Киргизской ССР в постановлении от 30 сентября 1977 г. указал, что описанные обстоятельства свидетельствуют о том, что Хашковский не желал лишать жизни Супруненко, с которым дружил с детства. «Вместе с тем, размахивая ножом, он предвидел возможность причинения смерти потерпевшему и сознательно допускал наступление такого последствия, т. е. действовал с косвенным умыслом», но покушение на преступление представляет собой целенаправленную деятельность и может совершаться лишь с прямым умыслом.

Поскольку Хашковский действовал с косвенным умыслом, он должен нести ответственность за реально наступившее последствие, т. е. за умышленное тяжкое телесное повреждение, — по ч. 1 ст. 101 УК Киргизской ССР¹³.

¹¹ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964—1972. — М., 1974. — С. 216.

¹² См.: Комментарий к Уголовному кодексу БССР. — Минск, 1971. — С. 43.

¹³ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1978. — № 1. — С. 31.

На такой же позиции стоит и Верховный Суд СССР.

Так, приговором Верховного Суда Молдавской ССР Урсу был осужден за покушение на умышленное убийство, совершенное при следующих обстоятельствах. После ссоры с Постикой, в ходе которой Урсу нанес первому несколько ударов по лицу, он убежал к себе домой. Вскоре туда пришли Лазарюк и Постика. Увидев их, Урсу вооружился палкой длиной 169 см и нанес ею несколько ударов по голове Лазарюку, а затем и Постике. Прекратив наносить удары, он предложил Постике забрать неподвижно лежавшего Лазарюка и идти домой.

Изменяя приговор, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала: «При таких обстоятельствах нельзя считать установленным наличие у осужденного прямого умысла на убийство Постики и он должен нести ответственность за фактически наступившие от его действий последствия», то есть за умышленное причинение тяжких телесных повреждений¹⁴.

По делу Казакова, осужденного Курским областным судом за покушение на убийство из хулиганских побуждений, Пленум Верховного Суда СССР указал, что «покушение на убийство предполагает наличие у виновного прямого умысла на совершение этого преступления, то есть такое отношение к совершаемым действиям, когда он предвидит наступление смерти и желает такого результата своих действий». Поскольку же Казаков произвел неприцельный выстрел, держа ружье на весу, в левой руке, и преследовал цель погубить пришедших к его дому ребят, «он сознавал и допускал лишь возможность наступления смерти, но не ее неотвратимость, то есть действовал с косвенным умыслом. Поэтому содеянное им надлежит квалифицировать в зависимости от тех конкретных последствий, которые наступили в результате его преступных действий»¹⁵, то есть по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР.

На позиции отрицания возможности покушения с косвенным умыслом Верховный Суд последовательно стоит и в своих руководящих постановлениях.

Еще в постановлении от 3 июля 1963 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве» Пленум разъяснил, что «деяние виновного может быть признано покушением на убийство лишь в тех случаях, когда оно было непосредственно направлено на лишение жизни другого человека и, следовательно, совершалось с прямым умыслом»¹⁶. Это положение в еще более развернутой форме воспроизведено в постановлении от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве», где еще раз подчеркнуто, что «по смыслу ст. 15 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, т. е. когда действия виновного свидетельствовали о том, что он

предвидел наступление смерти, желал этого, но смертельный исход не наступил в силу обстоятельств, не зависящих от его воли»¹⁷.

Хотя приведенное положение высказано Пленумом Верховного Суда СССР в связи с делами об умышленном убийстве, оно имеет универсальное значение, т. е. распространяется на любые категории дел о преступлениях, имеющих материальный состав. В нем содержится единственно правильное решение вопроса о содержании вины при покушении на преступление. В пользу правильности такого решения можно высказать следующие соображения.

Прежде всего, характеристика приготовления и покушения как целенаправленной деятельности вытекает из грамматического и логического анализа закона.

Приготовление к преступлению характеризуется в части I ст. 15 Основ как умышленное создание условий для совершения преступления. Употребленный в этом определении предлог «для» равнозначен обороту «с целью», т. е. указывает, что лицо начало готовиться к тому, чтобы совершить запланированное преступление, чтобы осуществить преступное намерение.

Покушение на преступление закон определяет как «умышленное действие, непосредственно направленное на совершение преступления» (ч. 2 ст. 15 Основ). Анализируя это определение, П. С. Дагель утверждал, что «оно характеризует объективную направленность этого действия на причинение вреда объекту»¹⁸. Вряд ли это верно. «Непосредственно» — значит: прямо, главным образом, в первую очередь, а «непосредственно направленное» означает: прямо нацеленное, запланированное. Целенаправленные, запланированные поступки могут определяться только желанием. Следовательно, законодательная характеристика действий как непосредственно направленных на совершение преступления указывает не только и не столько на их объективную направленность на определенный объект, сколько на их субъективную нацеленность, т. е. на психическую настроенность субъекта на причинение вреда объекту.

В УК НРБ субъективный момент покушения выражен еще более четко. Покушение характеризуется как деяние, «при котором исполнение деяния не завершено или хотя бы и завершено, но не наступили предусмотренные законом и желаемые (разрядка моя — А. Р.) лицом общественно опасные последствия этого преступления» (п. 1 ст. 18).

Очень важные выводы о субъективной стороне предварительной преступной деятельности позволяет сделать сопоставление определений приготовления и покушения с текстом ч. 4 ст. 15 Основ, где среди обстоятельств, учитываемых судом при назначении наказания за неоконченное преступление, значится: «степень осуществления преступного намерения». Отсюда видно, что законодатель считает преступное намерение субъективной основой приго-

¹⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1983. — № 2. — С. 25.

¹⁵ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1970. — № 5. — С. 22.

¹⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1963. — № 4. — С. 20.

¹⁷ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1975. — № 4. — С. 8.

¹⁸ Дагель П. С. О косвенном умысле при предварительной преступной деятельности. — С. 192.

товления к преступлению и покушения на преступление. «Быть намеренным» и «хотеть» — понятия грамматически почти тождественные, а психологически — однозначные.

И, наконец, последнее соображение. Оно касается общих положений об основаниях уголовной ответственности. Если лицо, действуя с прямым умыслом, не доводит преступление до конца по причинам, не зависящим от его воли, то для привлечения его к ответственности за ненаступившие последствия имеются и объективные и субъективные основания. Объективным основанием в этом случае служат общественно опасные действия виновного, которые либо создают необходимые условия для совершения преступления (приготовление), либо представляют собой начало непосредственного осуществления преступления (покушение). Ненаступление преступных последствий компенсируется наличием реализованного в общественно опасных действиях намерения, желания причинить такие последствия. При отсутствии же прямого умысла нет ни причинения вреда объекту, ни целенаправленных действий, посягающих на этот объект, как нет и стремления, намерения причинить этому объекту ущерб. Таким образом, при косвенном умысле отсутствуют как объективные, так и субъективные основания для вменения лицу посягательства на фактически не пострадавший объект. При косвенном умысле юридически обоснована ответственность лишь за реально наступившие общественно опасные последствия.

Итак, критическое рассмотрение теоретической платформы сторонников допущения косвенного умысла в предварительной преступной деятельности, а также анализ законодательства и судебной практики позволяют сделать вывод, что приготовление к преступлению и покушение на преступление могут быть совершены только с прямым умыслом.

§ 2. Вина при соучастии в преступлении

Соучастие представляет собой одну из важнейших и сложнейших проблем уголовного права. Поэтому ему уделялось большое внимание в законодательстве и юридической литературе уже в первые годы Советской власти. Предметом теоретического исследования были самые различные аспекты проблемы соучастия в преступлении. Одним из таких аспектов стал в 30-е годы вопрос о формах вины и ее содержании при соучастии. Теоретической разработке этого вопроса определенный вред нанесли в то время выступления А. Я. Вышинского, высокий авторитет которого как государственного деятеля и как ученого мешал критическому восприятию его концепций. В докладе на Первом всесоюзном совещании по вопросам науки права и государства он выдвинул ряд ошибочных положений по проблемам соучастия, которые впоследствии отрицательно сказались на практике применения уголовного законодательства и повлекли нарушения социалистической законности. Одним из таких ошибочных положений было отрицание необходимости умышленной вины при соучастии. Некритически воспроиз-

водя доктрину соучастия, предложенную в XIX веке английским криминалистом Стифеном, А. Я. Вышинский выступил за признание соучастием неосторожного подстрекательства к совершению преступления¹⁹. Один из виднейших советских ученых А. Н. Трайнин, развивая концепцию А. Я. Вышинского, дал теоретическое обоснование возможности неосторожного соучастия и объявил ошибочным утверждение, «будто соучастие в сочетании с неосторожной виной вообще немыслимо»²⁰. Позднее с некоторыми оговорками допускал неосторожное соучастие и М. Д. Шаргородский²¹, который, правда, после принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик отказался от признания возможности неосторожного соучастия, но продолжал считать соучастием совместные умышленные действия при совершении одного и того же неосторожного преступления²².

Действующее уголовное законодательство определяет соучастие как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления. Поэтому и советская наука твердо стоит на позиции признания соучастия именно умышленной деятельностью. Большинство советских криминалистов считают, что соучастие возможно с обоими видами умысла. Но эта точка зрения встречает возражения со стороны ряда ученых, полагающих, что вина при соучастии выражается только в прямом умысле²³.

Вынести обоснованное суждение о правильности господствующей концепции можно только на основе тщательного анализа ее теоретических посылок, основных положений и аргументов.

Основной теоретической посылкой при решении вопроса о форме и виде вины при соучастии является способ раскрытия содержания вины. Сторонники анализируемой концепции обычно включают в интеллектуальный элемент умысла следующие моменты: 1) сознание общественно опасного характера собственных действий; 2) сознание общественно опасного характера действий исполнителя (или других соучастников); 3) предвидение наступления преступного результата. А волевой элемент умысла соучастника, согласно данной точке зрения, заключается в желании или созна-

¹⁹ См.: Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. — М., 1949. — С. 117—118.

²⁰ Трайнин А. Н. Учение о соучастии. — М., 1941. — С. 111; Он же: Специальные вопросы учения о соучастии//Ученые записки ВИЮН. Вып. 1. — М., 1940. — С. 27—42.

²¹ См.: Шаргородский М. Д. Вопросы общей части уголовного права в практике Верховного Суда СССР. — Л., 1955. — С. 143.

²² См.: Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии//Правоведение. — 1960. — № 1. — С. 84.

²³ См., например: Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Часть I. Понятие соучастия//Ученые труды Свердловского юридического института. — Т. 3. — Свердловск, 1960. — С. 277 и след.; Загородников Н. И. Советское уголовное право. Части Общая и Особенная. — М., 1975. — С. 127; Хакимов И. Х. Правовые вопросы соучастия в хищении социалистического имущества. — Ташкент, 1975. — С. 58—60; Уголовное право БССР. Часть Общая. — Минск, 1973. — С. 183; Левицкий Г. А. Квалификация преступлений. — М., 1981. — С. 42.

тельном допущении преступных последствий. Основной недостаток этой конструкции заключается в том, что волевой элемент умысла не отражает отношения субъекта к главному признаку соучастия, выражающему специфическую особенность этого института, — к факту объединения преступной деятельности нескольких лиц. Кроме того, рассматриваемая конструкция не оставляет места для преступлений с формальным составом, в которых последствия находятся за рамками состава преступления и отношение к ним не может характеризовать волевой элемент вины.

Чтобы преступления с формальным составом не остались вне сферы соучастия, была предложена весьма своеобразная конструкция умысла при соучастии. Применительно к формальным составам в волевое содержание умысла вкладывается отношение только к действиям исполнителя, а применительно к материальным составам определяющим признается волевое отношение к преступным последствиям, причиненным исполнителем. Поэтому применительно к формальным составам исключается, а к материальным — в принципе допускается возможность подстрекательства с косвенным умыслом²⁴. Изложенная позиция не содержит универсального решения вопроса о видах и содержании умысла при соучастии, так как не отражает специфических признаков института соучастия, а лишь применяется к особенностям конструкции материальных и формальных составов преступлений.

Некоторые сторонники допущения косвенного умысла при соучастии исходят из того, что умысел соучастника определяется его психическим отношением не к общественно опасным последствиям, а к преступным действиям исполнителя, которые могут быть либо желаемыми, либо сознательно допускаемыми со стороны подстрекателя²⁵. Но и эта точка зрения не ставит в фокус психического отношения соучастника главную особенность института соучастия — совместимость преступных действий соучастников.

Краткий обзор теоретических посылок, лежащих в основе концепций соучастия с косвенным умыслом, показывает отсутствие единообразия в трактовке содержания умысла соучастников, а также наличие внутренних противоречий в отдельных конструкциях. Господствующая точка зрения не дает принципиально единого решения вопроса о видах умысла у отдельных соучастников: в деятельности организатора она исключает косвенный умысел, при подстрекательстве допускает его в виде исключения, а при пособничестве — допускает в принципе. Чтобы избежать отмеченных недостатков и противоречий, необходимо найти методологически правильный подход к решению поставленного вопроса. В юридической литературе уже предпринимались попытки определить верную исходную позицию.

²⁴ См.: Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. — Киев, 1969. — С. 42—43.

²⁵ См.: Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. — М., 1972. — С. 86—88; Сергеев В. В. Косвенный умысел при соучастии // Вестник МГУ. Серия Право. — 1971. — № 1. — С. 65—67.

Так, была высказана правильная мысль, что вопрос о характере умысла при соучастии следует решать исходя из общего понимания этого института, из учета его объективных и субъективных признаков²⁶. Но, к сожалению, эта абсолютно верная идея не была последовательно выдержана авторами, которые за основу приняли все ту же схему умысла, что дается законодателем для индивидуального преступного поведения: содержание умысла они раскрывают исходя из отношения соучастников к общественно опасным последствиям, причиненным исполнителем. Между тем «разграничение прямого и косвенного умысла по волевому отношению к преступному результату не может быть признано существенным для решения вопроса об ответственности за соучастие»²⁷, поскольку в ст. 8 Основ уголовного законодательства умысел определяется как психическое отношение лица к своим действиям, тогда как желание или сознательное допущение причиняемых исполнителем последствий есть для соучастника психическое отношение к результатам не своего, а чужого деяния. Определяющая особенность состава соучастия в преступлении заключается в том, что к преступной деятельности исполнителя присоединяется деятельность иных соучастников, которая в силу этого тоже приобретает преступный характер. Поэтому вид умысла соучастника должен определяться волевым отношением к факту объединения преступных действий, т. е. к факту, выражающему юридическую сущность соучастия. Один из исследователей проблемы соучастия пришел к верному выводу, что умысел соучастника «не только охватывает объективные процессы собственного общественно опасного поведения, но и дополняется сознанием участия в совершении того же преступления другого лица и желанием (подчеркнуто мною — А. Р.) действовать вместе с ним в осуществлении согласованных стремлений»²⁸. Однако, признавая желание действовать совместно необходимым признаком соучастия и характеризуя соучастие как «осуществление согласованных стремлений», автор, к сожалению, упустил этот момент при конструировании умысла при соучастии. В этой конструкции значение фактора, определяющего вид умысла, он придал волевому отношению не к признаку совместности действий, а к последствиям, причиненным исполнителем. Такой отход от собственных позиций позволил автору сделать вывод о возможности соучастия с косвенным умыслом.

К числу общих недостатков всех конструкций косвенного умысла при соучастии можно отнести слабость доказательственной базы, почерпнутой из материалов судебной практики. Так, в некоторых монографиях²⁹ не приводится ни одного практического примера в

²⁶ См.: Бурчак Ф. Г. Указ. соч. — С. 120; Сергеев В. В. Указ. статья. —

С. 64.

²⁷ Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Указ. соч. — С. 88.

²⁸ Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. — М., 1974. — С. 43; Он же: Ответственность за соучастие в преступлении. — ВЮЗИ, 1976. — С. 18.

²⁹ См.: Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. — М., 1959. — С. 33—49; Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Указ. соч. — С. 85—88.

подтверждение возможности соучастия с косвенным умыслом. В одной из монографий приводится без указания на источник только один, причем весьма сомнительный пример подстрекательства с косвенным умыслом³⁰. Не приводит убедительных доказательств возможности косвенного умысла при соучастии и П. Ф. Тельнов. В его монографии приведены лишь два примера³¹ соучастия с косвенным умыслом, но в обоих случаях примеры иллюстрируют соисполнительство, которое с точки зрения содержания умысла почти не отличается от преступления, совершенного одним лицом. И хотя проведенное автором изучение материалов судебной практики не выявило ни одного примера, подтверждающего возможность косвенного умысла в деятельности организатора и подстрекателя, он такую возможность все же допускает.

Изучение судебной практики показывает, что высшие судебные органы нашей страны признают соучастие при наличии умысла, направленного на оказание содействия исполнителю, то есть исходят из психического отношения к факту объединения преступных действий соучастников, к факту содействия преступлению, совершаемому сообща.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу Петросян подчеркнуто, что, хотя действия Петросян, систематически порочившей невестку в глазах сына, объективно и могли повлиять на его решение убить жену, они не могут рассматриваться как подстрекательство, так как «действия того или иного лица могут рассматриваться как подстрекательство лишь в том случае, если доказано, что они совершены с прямым умыслом склонить другое лицо к совершению преступления»³².

В определении по делу Бяшимова Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала, что «подстрекателем может быть признан лишь тот, кто своим действием стремился (разрядка моя — А. Р.) возбудить у другого лица намерение или укрепить в нем решимость совершить... конкретное преступление, охватываемое умыслом подстрекателя»³³.

Из этих и целого ряда других судебных решений видно, что Верховный Суд СССР, во-первых, исходит из волевого отношения не к последствиям, причиненным исполнителем, а к факту воздействия на психику исполнителя, а во-вторых, признает возможность подстрекательства только с прямым умыслом. Аналогична позиция Верховного Суда СССР и в трактовке умысла при пособничестве.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Азербайджанской ССР Кулиев был осужден по п. 2 ст. 94 (умышленное убийство из хулиганских побуждений), а Бегляров — по ст.ст. 17 и 94, п. 2 УК Азербайджанской ССР. Как указано в при-

говоре, Бегляров из хулиганских побуждений избил Авагимяна и Захаряна, нанес несколько ударов Давидяну и пытался его свалить, а в это время Кулиев, воспользовавшись действиями Беглярова, который держал потерпевшего и пытался его свалить на землю, ударил ножом в грудь Давидяна, отчего последний в тот же день умер в больнице. Рассмотрев дело по протесту заместителя Председателя Верховного Суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в своем определении указала, что Бегляров неосновательно осужден за соучастие в убийстве. Из законодательной характеристики соучастия как умышленного совместного участия двух или более лиц в совершении преступления «следует, что для обвинения в пособничестве убийству необходимо установить, что виновный сознавал характер задуманного исполнителем преступления и желал (разрядка моя — А. Р.) помочь ему в его осуществлении»³⁴, чего не установлено по данному делу. На этом основании приговор в части обвинения Беглярова по ст. 17 и п. 2 ст. 94 УК Азербайджанской ССР был отменен.

Приведенный пример, а также судебные решения по целому ряду других дел³⁵ свидетельствуют о том, что Верховный Суд СССР считает определяющим содержание и вид умысла при пособничестве именно психическое отношение пособника к факту оказания помощи исполнителю и что такое отношение может выразиться только в форме желания.

Аналогичную позицию занимает и Верховный Суд РСФСР. Так, по делу Сахтариди, неправильно осужденного за соучастие в умышленном причинении тяжких телесных повреждений, Судебная коллегия по уголовным делам указала, что «для признания лица соучастником преступления необходимо установить не только причинную связь между действиями этого лица и совершенным исполнителем преступлением, но и наличие умысла, направленного на содействие исполнителю преступления»³⁶.

Таким образом, практика высших судебных органов нашей страны признает соучастие лишь при наличии умысла, направленного на оказание содействия исполнителю, т. е. умысла по отношению к факту объединения преступных действий соучастников. Объединение же преступных усилий определяется волей организатора, подстрекателя, пособника и соисполнителя и без их желания не может иметь места. Желание совершить действия, способствующие совершению преступления, означает желание действовать совместно, желание сообща участвовать в совершении преступления. Именно в этом смысле понимает судебная практика умышленную совместность действий.

³⁴ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1969. — № 5. — С. 27.

³⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1962. — № 2. — С. 17 и № 4. — С. 36; 1963. — № 5. — С. 10; 1965. — № 2. — С. 35 и др.

³⁶ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1957—1959. — М., 1960. — С. 36.

³⁰ См.: Бурчак Ф. Г. Указ. соч. — С. 122.

³¹ См.: Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. — 1974. — С. 46.

³² Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1960. — № 3. — С. 35—36.

³³ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1967. — № 5. — С. 43.

Обосновывая возможность соучастия только с прямым умыслом, один из исследователей пишет: «Субъект, сознавая, что его действия вызывают в другом лице решимость совершить преступление, или укрепляют эту решимость, или содействуют ее проявлению вовне, действует так, а не иначе только потому, что он хочет так действовать. Как бы субъект внутренне отрицательно ни относился к деятельности исполнителя, сознательно содействуя преступлению, он желает этого содействия»³⁷. Приведенная мысль содержит три важных положения. Во-первых, содержание умысла определяется волевым отношением не к последствиям преступления, а именно к факту содействия исполнителю в совершении преступления. Во-вторых, соучастие возможно лишь с прямым умыслом. В-третьих, недопустимо отождествлять желание и эмоции, поскольку эмоциональное неприятие совершаемого исполнителем преступления или его общественно опасных последствий вовсе не исключает у соучастника желания оказать исполнителю ту или иную помощь в совершении преступления. Все три положения отражают сущность соучастия и поэтому заслуживают полной поддержки.

Возможность соучастия только с прямым умыслом подтверждается и анализом способов содействия совершению преступления (деятельности организатора, подстрекателя, пособника).

В теории уголовного права и в судебно-следственной практике в качестве способов подстрекательства рассматриваются такие, как предложение, советы, указания, просьбы, обещания, уговоры, подкуп, угрозы, насилие и т. п. Все эти действия являются формами активного и целенаправленного воздействия на психику подстреканного, способными преодолеть нерешительность и даже пассивное его сопротивление. Подобная подстрекательская деятельность является целеустремленной и может быть только желаемой со стороны подстрекателя.

В соответствии с законом пособничество может выражаться в содействии преступлению советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий, а также в заранее обещанном укрывательстве. Перечисленные способы содействия выражают очевидную направленность воли пособника, его стремление оказать помощь исполнителю, т. е. желание содействовать совершению преступления.

Деятельность организатора может выражаться в форме организации преступления или в форме непосредственного руководства его совершением. Обе эти формы свидетельствуют о наиболее высокой психической и физической активности организатора среди всех соучастников, о наиболее целеустремленном характере его деятельности. Не случайно почти все ученые исключают возможность косвенного умысла со стороны организатора.

Таким образом, социальная и юридическая сущность института соучастия, применение законодательного определения умысла к деятельности отдельных видов соучастников с учетом специфиче-

³⁷ Ковалев М. И. Указ. соч. — С. 277.

ских признаков их участия в преступлении, а также анализ материалов судебной практики позволяют сделать вывод, что соучастие (деятельность организатора, подстрекателя и пособника) возможно только с прямым умыслом. Только такое решение вопроса позволяет обосновать ответственность и за неудавшееся подстрекательство и пособничество, что было бы невозможно сделать с позиций признания соучастия с косвенным умыслом.

С учетом изложенного интеллектуальный элемент умысла при соучастии можно определить как: 1) сознание общественно опасного характера своих действий или своего бездействия; 2) сознание способа содействия преступлению или способа воздействия на исполнителя (то есть факта и характера участия в преступлении совместно с другими лицами); 3) сознание общественной опасности и характера совершаемого исполнителем преступления (что включает и предвидение последствий в преступлениях с материальным составом). Волевой элемент умысла соучастников заключается в желании именно избранным способом принять участие в совместном совершении данного преступления³⁸.

§ 3. Роль вины в индивидуализации уголовной ответственности и наказания

В соответствии со ст. 160 Конституции СССР никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда и в соответствии с законом. Это положение обязывает суд последовательно обеспечивать законность, обоснованность и справедливость при решении вопросов о применении наказания или об освобождении от наказания по каждому делу. Суды должны подходить строго индивидуально к рассмотрению конкретных дел, имея в виду, что в ряде случаев закон предоставляет возможность назначить виновному более мягкое наказание, чем установлено за данное преступление, применить условное осуждение, предоставить отсрочку исполнения приговора либо вообще освободить от уголовной ответственности и наказания. В постановлении от 29 июня 1979 г. «О практике применения судами общих начал назначения наказания» Пленум Верховного Суда СССР еще раз обратил «внимание судов на необходимость неукоснительного исполнения закона о строго индивидуальном подходе при назначении наказания с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность»³⁹.

³⁸ Подобная трактовка волевого содержания умысла при соучастии уже предлагалась в литературе: «Содержанием умысла пособника является желание помочь исполнителю в совершении преступления» (Комментарий к УК Молдавской ССР. — Кишинев, 1968. — С. 51); «Волевой момент умысла при соучастии характеризуется желанием участвовать в совершении преступления совместно с другими лицами и добиваться общего преступного результата» (Уголовное право БССР. Часть Общая. — 1973. — С. 183).

³⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1979. — № 4. — С. 18.

К числу важнейших факторов, влияющих на характер и степень общественной опасности деяния и личности субъекта, а следовательно, обеспечивающих индивидуализацию уголовной ответственности и наказания, относится вина. Как справедливо отмечалось, «индивидуализация ответственности и наказания — это в первую очередь индивидуализация вины субъекта. Основные грани в индивидуализации вины намечает закон: квалификация деяния в ряде случаев определяется в зависимости от формы вины; более высокие санкции при прочих равных условиях установлены для умышленных преступлений и пониженные — для неосторожных (в литературе совершенно обоснованно подчеркивается, что, с точки зрения степени тяжести, следует проводить разграничение и внутри каждой из форм вины; прямой умысел опаснее косвенного, а самонадеянность опаснее небрежности).

Окончательная же индивидуализация вины, как необходимый предварительный этап и условие индивидуализации наказания, осуществляется судом при рассмотрении отдельных уголовных дел»⁴⁰.

Значение вины для индивидуализации уголовной ответственности и наказания исключительно велико и многопланово.

Прежде всего вина является важным фактором, обеспечивающим (в совокупности с другими факторами) индивидуализацию уголовной ответственности. Поскольку в преступном поведении реализуются искаженные ценностные ориентации субъекта, степень вины выражает глубину и стойкость его антиобщественных установок. Умысел в большей мере, нежели неосторожность, выражает негативное отношение виновного к основным ценностям советского общества, но и в рамках одной и той же формы вины ее степень может существенно различаться.

И неосторожные и умышленные преступления могут признаваться не представляющими большой общественной опасности только при невысокой степени вины. А поскольку законодатель допускает возможность освобождения от уголовной ответственности и наказания обычно при совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности (ч.ч. 3 и 4 ст. 10, ч. 3 ст. 50 УК РСФСР) или утративших свою общественную опасность (ч. 1 ст. 50 УК РСФСР), то в каждом случае освобождения от уголовной ответственности и наказания суд, прокурор или следователь обязаны исследовать вопрос о степени вины правонарушителя. Невысокая степень вины свидетельствует о возможности, а высокая — о невозможности исправления и перевоспитания лица без применения уголовного наказания. Не случайно ч. 1 ст. 52 УК РСФСР исключает освобождение от уголовной ответственности с передачей на поруки лица, ранее осуждавшегося за умышленное преступление, поскольку прежняя судимость за такое преступление существенно повышает степень вины, а значит, и опасность нового преступления. Примечательно, что и судебная практика стоит на

⁴⁰ Бабаев М. М. Индивидуализация наказания несовершеннолетних. — М., 1968. — С. 65—66.

позиции, не допускающей, как правило, освобождения от уголовной ответственности и наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений⁴¹, которые характеризуются только умышленной формой и высокой степенью вины.

Вина оказывает серьезное влияние на квалификацию преступлений, а через нее — на меру ответственности.

Во-первых, форма вины определяет квалификацию преступлений, за умышленное и неосторожное совершение которых закон устанавливает дифференцированную ответственность и существенно различающиеся санкции (убийство, причинение тяжких и менее тяжких телесных повреждений, уничтожение и повреждение государственного, общественного либо личного имущества).

Судебная практика знает немало примеров, когда ошибочная квалификация преступления из-за неверного установления формы вины влечет назначение наказания, явно не соответствующего степени общественной опасности деяния.

Так, например, Гасанов был осужден к 10 годам лишения свободы за умышленное убийство. Однако Пленум Верховного Суда СССР, рассмотрев дело по протесту Председателя Верховного Суда, установил, что Гасанов после ссоры с потерпевшим выпроводил его из своей квартиры, а затем столкнул с лестничной площадки второго этажа. Ударившись о перила лестницы, потерпевший сломал крестовину перил, упал на землю и, получив тяжкие телесные повреждения, скончался. Переквалифицировав деяние на ст. 99 УК Азербайджанской ССР (неосторожное убийство), Пленум Верховного Суда СССР снизил Гасанову наказание до 3 лет лишения свободы⁴².

Точно так же в связи с переквалификацией преступления с п.п. «б» и «г» ст. 102 на ст. 106 УК РСФСР Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР снизила наказание Ковальчуку⁴³, а президиум Верховного Суда Дагестанской АССР переквалифицировал действия Абдуллаева с п. «б» ч. 2 ст. 91 на ч. 2 ст. 89 и ч. 2 ст. 193 УК РСФСР и соответственно снизил наказание до предусмотренных законом пределов⁴⁴.

Во-вторых, квалификация преступления может измениться не только в зависимости от формы вины, но и в зависимости от ее характера. Речь идет об изменении квалификации в случае признания умысла аффектированным.

Аффект представляет собой «кратковременное, резко выраженное, стремительно развивающееся состояние человека, которое характеризуется сильным и глубоким переживанием, ярким внешним проявлением, сужением сознания и снижением контроля за своими действиями»⁴⁵. Являясь специфическим психологическим состо-

⁴¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1964. — № 5. — С. 43—44.

⁴² См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1974. — № 5. — С. 22.

⁴³ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1986. — № 2. — С. 36—37.

⁴⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1986. — № 6. — С. 14.

⁴⁵ Юридический энциклопедический словарь. — М., 1984. — С. 26. См. также: Фелинская Г. М. Сильное душевное волнение как смягчающее вину обстоятельство // Практика судебно-психиатрической экспертизы. — М., 1962. — № 7. — С. 70.

нием, вызванным неправомерными действиями потерпевшего, аффект оказывает сильное воздействие на сознание и волю субъекта. И хотя «при аффектированных преступлениях лицо может сознавать общественно опасный характер своего поведения и предвидеть его общественно опасные последствия»⁴⁶, «под воздействием аффекта степень осознанности общественной опасности деяния несколько снижена»⁴⁷. Ослабляется в этом состоянии и волевой контроль субъекта за своими действиями.

Ослаблением активности интеллектуальных и волевых процессов в психике лица, действующего в состоянии аффекта, обосновывается существенное смягчение ответственности за преступления, совершаемые с аффектированным умыслом. В двух случаях законодатель выделяет в самостоятельные составы умышленные преступления, совершаемые в состоянии аффекта (ст. 104 — умышленное убийство и ст. 110 УК РСФСР — умышленное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения), и устанавливает за них значительно более мягкое наказание, чем за те же деяния, совершенные с обычным, неаффектированным умыслом. В остальных случаях совершение преступления в состоянии аффекта не изменяет квалификации, но признается смягчающим обстоятельством (п. 5 ст. 38 УК РСФСР) и обосновывает смягчение наказания в рамках санкции, установленной за данное преступление.

Форма и степень вины оказывают существенное влияние на назначение вида и размера наказания.

Прежде всего необходимо указать на законодательную оценку неосторожности как менее опасной формы вины, что выражается в установлении значительно более мягких санкций за неосторожные преступления, чем за те же деяния, но совершенные умышленно (например, до 10 лет лишения свободы за умышленное и до 3 лет — за неосторожное убийство). В большинстве случаев за неосторожные преступления, даже при наличии тяжких последствий, предусмотрено наказание не свыше 3 лет лишения свободы. В ряде статей УК РСФСР за квалифицированные виды неосторожных преступлений (как правило, связанные с гибелью людей) предусмотрено лишение свободы на срок до 5 лет альтернативно с более мягкими видами наказания (в ч. 3 ст. 140 УК РСФСР — только лишение свободы). Два квалифицированных вида неосторожных преступлений наказываются лишением свободы на срок до 7 лет (ст.ст. 216 и 217 УК РСФСР). Исключением из общего правила является установление санкций за неосторожные преступления с лишением свободы на срок до 15 лет (ч. 1 ст. 85 и ч. 3 ст. 211 УК РСФСР). Установление столь строгих санкций за неосторожные преступления является недостатком «в криминализации (правильнее было сказать — в пенализации — А. Р.) соответствующих неосторожных деяний, ибо их фактическая общественная опасность

и, главное, степень общественной опасности личности правонарушителей, несомненно, в целом ниже, чем общественная опасность умышленных преступлений»⁴⁸. Поэтому следует признать обоснованным предложение ограничить в законе возможность применения лишения свободы за неосторожные преступления десятилетним сроком⁴⁹. В самом деле, выглядит нелогичным, что за неосторожное причинение тяжких последствий, в том числе и гибели людей, в одних случаях закон устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до семи (ст.ст. 216 и 217 УК РСФСР) или даже до пяти (ст.ст. 214, 215, ч. 3 ст. 140 УК РСФСР) лет лишения свободы, а в других случаях (ч. 3 ст. 211 и ч. 1 ст. 85 УК РСФСР) — до пятнадцати лет. Поэтому целесообразно исключить из ч. 1 ст. 24 УК РСФСР упоминание о преступлениях, повлекших особо тяжкие последствия, за которые законом могут устанавливаться санкции с лишением свободы на срок до 15 лет, а в Особой части снизить наказание за неосторожные преступления, повлекшие особо тяжкие последствия, до общего максимального предела лишения свободы, установленного в ст. 23 Основ, то есть до десяти лет.

В действующем уголовном законодательстве имеется значительное число норм, в которых ответственность за причинение общественно опасных последствий не дифференцируется в зависимости от формы вины. На это как на существенный недостаток законодательства обращали внимание отдельные советские ученые, предлагая в тексте каждой из статей Особой части УК прямо указывать форму вины, с которой может быть совершено преступление данного вида⁵⁰, поскольку «построение диспозиции уголовно-правовой нормы, исходя из одинаковой наказуемости при умышленной и неосторожной форме вины, не согласуется с принципом ограниченной ответственности за неосторожные преступления»⁵¹. Действительно, совершение одного и того же деяния с различными формами вины существенно отличается по степени общественной опасности. Например, ч. 2 ст. 115 УК РСФСР, не дифференцируя ответственность по формам вины, устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет или исправительные работы на срок до 1 года. Естественно, что умышленное заражение другого лица венерической болезнью значительно опаснее, чем причинение тех же последствий по неосторожности. Было бы логичным установить за эти деяния различную ответственность. До тех пор, пока отмеченный недостаток в законодательстве не устранен, на суды ложится дополнительная обязанность устанавливать, с ка-

⁴⁶ *Квашиш В. Е.* Теоретические основы профилактики неосторожных преступлений. — С. 18.

⁴⁹ См.: *Дагель П. С.* Пути совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступной неосторожностью. — С. 36.

⁵⁰ См.: *Куринов Б. А.* Научные основы квалификации преступлений. — М., 1984. — С. 108.

⁵¹ *Здравомыслов Б., Гельфер М., Нерсисян В.* Формы вины и их регламентация в уголовном законодательстве//Советская юстиция. — 1981. — № 15. — С. 26.

⁴⁶ *Шавгулидзе Т. Г.* Аффект и уголовная ответственность. — Тбилиси, 1973. — С. 91.

⁴⁷ *Портнов И.* Особенности аффектированного умысла//Социалистическая законность. — 1979. — № 6. — С. 25.

кой формой вины было совершено преступление в конкретном случае, и учитывать это при назначении наказания. Целесообразно назначать наказание за преступление, совершенное умышленно, как правило, близкое к максимальному, а за то же деяние, совершенное по неосторожности, близкое к минимальному пределу, установленному санкцией. Во всяком случае, правильное назначение судом вида и размера наказания за преступление, которое может быть совершено с любой формой вины, невозможно без предварительного установления формы вины.

Степень вины существенно влияет на размер наказания не только при различных формах, но и в рамках одной и той же формы.

В судебных решениях по конкретным делам не раз указывалось, что «при назначении наказания необходимо учитывать степень вины подсудимого и его роль в совершении преступления»⁵². Особенно важно определить степень вины и роль каждого участника при совершении групповых преступлений, в которых общественно опасные последствия выступают как совокупный результат совместной преступной деятельности. В определении по делу Лопаткина и других лиц, осужденных за хищение государственных денежных средств, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала: «Разрешая вопрос о назначении наказания участникам преступной группы, суд должен учесть характер преступления, степень вины каждого участника группы и личность виновных»⁵³. Степень вины учитывается при назначении не только основного, но и дополнительного наказания. Так, в постановлении по делу Бондовой Президиум Верховного Суда РСФСР указал, что, «применяя в случаях, предусмотренных законом, конфискацию имущества в качестве дополнительного наказания, суды обязаны учитывать общественную опасность преступления, степень вины и личность подсудимого»⁵⁴.

Степень вины оказывает влияние не только на размер наказания, но и на размер подлежащего возмещению материального ущерба по делам, связанным с причинением имущественного вреда. В постановлении от 23 марта 1979 г. «О практике применения судами законодательства о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением», Пленум Верховного Суда СССР указал, что в соответствии с законом «материальный ущерб, причиненный преступлением, подлежит возмещению в полном размере»⁵⁵, однако «с учетом конкретных обстоятельств дела, степени вины и материального положения осужденного суд может снизить размер ущерба, подлежащего возмещению»⁵⁶. Однако размер подлежащего возмещению ущерба не может быть снижен, ес-

⁵² Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1961. — № 6. — С. 18; Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1962. — № 9. — С. 16.

⁵³ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1957—1959. — С. 54.

⁵⁴ Там же. — С. 63.

⁵⁵ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1979. — № 3. — С. 13.

⁵⁶ Там же.

ли он причинен преступлением, совершенным с корыстной целью⁵⁷. Целесообразность такой оговорки обусловлена более высокой степенью вины лица, совершающего корыстное преступление, в котором обычно проявляется устойчивая антиобщественная ценностная ориентация виновного.

Учет формы и степени вины подсудимого способствует правильному решению вопроса об определении подсудимому вида исправительно-трудового учреждения при осуждении к лишению свободы.

В соответствии с действующим законодательством (ст. 24 УК РСФСР в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 апреля 1985 г.) все умышленные преступления условно можно разделить на три группы: 1) тяжкие, 2) невысокой степени общественной опасности, перечисленные в абзаце третьем части 4 ст. 24, и, наконец, 3) менее тяжкие, которые не охватываются первыми двумя группами. Четвертую группу образуют неосторожные преступления.

Лица, осужденные впервые к лишению свободы за тяжкие преступления, отбывают наказание в исправительно-трудовых колониях усиленного режима (за исключением осужденных за особо опасные государственные преступления, которые отбывают наказание в ИТК строгого режима). Осужденные впервые к лишению свободы за умышленное совершение любого из преступлений, перечисленных в абзаце третьем части 4 ст. 24 УК РСФСР, отбывают наказание в колониях-поселениях для лиц, совершивших умышленные преступления. Лица, впервые осужденные к лишению свободы за остальные умышленные преступления, направляются в ИТК общего режима. Что касается впервые осужденных к лишению свободы за неосторожные преступления, то они отбывают наказание в колониях-поселениях для лиц, совершивших преступления по неосторожности.

Применение этих правил требует от суда большой аналитической работы.

Во-первых, в перечне преступлений, приведенном в абзаце 3 части 4 ст. 24 УК РСФСР, содержится деяние, которое может быть совершено как умышленно, так и неосторожно (ст. 152). Установление формы вины в конкретном случае совершения этого преступления необходимо для правильного решения вопроса о виде исправительно-трудовой колонии, в которой должно отбываться лишение свободы.

Во-вторых, некоторые преступления, отнесенные нами к разряду менее тяжких, также могут совершаться с любой формой вины (например, предусмотренные ст.ст. 75, 107, ч. 1 ст. 140 УК РСФСР и др.). В зависимости от этого наказание в виде лишения свободы должно отбываться либо в ИТК общего режима либо в колонии-поселении для лиц, совершивших преступление по неосторожности. Без установления формы вины правильное решение этого вопроса невозможно.

⁵⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР — 1979. — № 3. — С. 13.

В-третьих, исключив ограничение срока наказания для направления в колонию-поселение для лиц, совершивших преступления по неосторожности, законодатель сохранил за судом право назначать лицам, впервые осужденным к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности, с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела отбывание наказания в ИТК общего режима. Одним из решающих факторов, обосновывающих такое решение, может быть степень вины осужденного.

В-четвертых, вопрос о виде исправительно-трудовой колонии представляет известную сложность при назначении наказания по совокупности умышленного и неосторожного преступления. В соответствии с разъяснением, данным Пленумом Верховного Суда СССР в постановлении № 6 от 6 сентября 1979 г.⁵⁸, при назначении в подобных случаях лишения свободы и за умышленное и за неосторожное преступление наказание, назначенное по совокупности преступлений, должно отбываться в ИТК усиленного режима, если умышленное преступление является тяжким, или в ИТК общего режима, если умышленное преступление относится к менее тяжким, или в колонии-поселении для лиц, совершивших умышленные преступления, если умышленное преступление обладает высокой степенью общественной опасности и упоминается в абзаце 3 ч. 4 ст. 24 УК РСФСР. Отбывание лишения свободы в колонии-поселении для лиц, совершивших преступления по неосторожности, при совокупности умышленного и неосторожного преступлений возможно лишь тогда, когда за умышленное преступление назначено наказание, не связанное с лишением свободы.

При определении вида ИТУ важную роль играет форма вины, с которой преступление совершил несовершеннолетний, осуждаемый к лишению свободы.

В соответствии с ч. 6 ст. 24 УК РСФСР несовершеннолетние, впервые осуждаемые к лишению свободы, независимо от характера преступления и срока наказания, направляются в воспитательно-трудовую колонию общего режима. При осуждении за неосторожное преступление суд не предпринимает вопроса о том, в ИТК какого вида осужденный должен быть переведен для дальнейшего отбывания наказания по достижении совершеннолетия. Однако, как разъясняет Пленум Верховного Суда СССР, «осужденный впервые за преступление, совершенное по неосторожности, после достижения им совершеннолетнего возраста переводится для дальнейшего отбывания наказания в колонию-поселение для лиц, совершивших преступление по неосторожности»⁵⁹.

Таким образом, вина, как фактор, в совокупности с другими обеспечивающий индивидуализацию уголовной ответственности и наказания, имеет следующее значение:

1) влияет на решение вопроса о привлечении к уголовной ответственности или об освобождении от нее;

2) является критерием законодательной дифференциации наказания за умышленное и неосторожное причинение одних и тех же последствий;

3) определяет избрание судом определенного вида и размера наказания за совершенное преступление;

4) определяет назначение вида исправительно-трудового учреждения лицу, осужденному к лишению свободы.

§ 4. Обстоятельства, исключаящие вину

В советской правовой науке обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность, подразделяются на обстоятельства уголовно-правового и уголовно-процессуального характера. К уголовно-процессуальным относятся такие обстоятельства, которые служат формальным препятствием для привлечения к уголовной ответственности за деяние, содержащее состав какого-либо преступления, например отсутствие жалобы потерпевшего или его примирение с обвиняемым по делам частного обвинения, издание акта амнистии, распространяющейся на совершенное деяние, и т. д.

Уголовно-правовые обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность, носят различную юридическую природу. Так, один из исследователей этой проблемы подразделял их на три группы.

В первую группу он включал обстоятельства, при которых деяние, формально, т. е. чисто внешне, напоминающее преступление, не только не является общественно опасным, а, наоборот, является общественно полезным и правомерным. К ним относятся необходимая оборона, крайняя необходимость, действия по задержанию преступника, исполнение законного приказа, выполнение служебных и профессиональных обязанностей, осуществление своего права, принуждение к повиновению.

Во вторую группу включались обстоятельства, которые, не устраняя общественной опасности деяния в момент их совершения, исключают их наказуемость: добровольный отказ, согласие потерпевшего, малозначительность деяния, изменение обстановки, истечение давностных сроков.

Третью группу, по мнению автора, составляют обстоятельства, исключаящие главный признак объективной стороны — действие (бездействие): непреодолимая сила и физическое принуждение⁶⁰. Сходный перечень таких обстоятельств, но без их группировки, встречается и у других ученых⁶¹.

Не останавливаясь на вопросе о правомерности включения в этот перечень малозначительности деяния, а также обстоятельств, при которых деяние не имеет даже внешнего сходства с преступлением (например, осуществление своих служебных обязанностей либо своего права, исполнение закона), следует отметить недоста-

⁵⁸ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1979. — № 5. — С. 16.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См.: Слущкий И. И. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность. — Л., 1956. — С. 11—12.

⁶¹ См.: Курс советского уголовного права. Т. 2. — М., 1970. — С. 342.

точную полноту перечня. Ведь если он содержит не только обстоятельства, исключющие общественную опасность деяния в целом, но и обстоятельства, исключющие состав преступления в силу отсутствия объективной стороны, то вполне логично включить в него и обстоятельства, исключющие состав преступления из-за отсутствия субъективной стороны преступления. Поэтому следует признать обоснованным выделение в самостоятельную группу обстоятельств, исключющих виновность⁶². Задача теории уголовного права состоит в том, чтобы разработать и обосновать перечень таких обстоятельств.

Крупнейший русский ученый-криминалист XIX века Н. С. Таганцев к обстоятельствам, устраняющим вину, относил наряду с другими обстоятельствами еще и физическое принуждение, поскольку оно лишает действующее лицо способности определять поведение в соответствии с собственной волей и превращает его в простое орудие принуждающего⁶³. Н. С. Таганцев правильно объяснял причину невозможности вменить деяние лицу, действовавшему под влиянием физического принуждения, но неосновательно усматривал эту невозможность в отсутствии субъективной стороны. На самом деле здесь отсутствует объективная сторона, так как поведение человека, обусловленное физическим принуждением, лишено волевого содержания и поэтому не может быть признано ни действительным, ни бездействием в уголовно-правовом смысле.

В советской юридической литературе было высказано мнение, что вина исключается при всех обстоятельствах, устраняющих общественную опасность деяния, в частности при необходимой обороне, поскольку в этих случаях якобы отсутствует социальное содержание вины⁶⁴. С этим мнением трудно согласиться, так как оно основано на смешении содержания и сущности вины. Конечно, верно, что при необходимой обороне вина отсутствует, как и в любом правомерном деянии. Но в особую группу обстоятельств, исключющих виновность, можно выделить такие обстоятельства, которые при наличии объективной общественной опасности и противоправности деяния исключают уголовную ответственность именно в силу отсутствия виновного психического отношения к нему со стороны действующего лица.

П. С. Дагель к обстоятельствам, исключаящим вину, относил следующие: субъективный случай («казус»), ошибку субъекта, исполнение обязательного приказа, правомерное поведение потерпевшего («вину потерпевшего»)⁶⁵.

Вряд ли можно согласиться с предложением о включении в рассматриваемый перечень такого обстоятельства, как правомерное поведение потерпевшего (так называемая вина потерпевшего).

⁶² См., например: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 204; Курс советского уголовного права. — ЛГУ. — Т. 1. — С. 527—528.

⁶³ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. — С. 567—570.

⁶⁴ См.: Тихонов К. Ф. Указ. соч. — С. 67—70.

⁶⁵ См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 218—224.

Во-первых, правомерное поведение потерпевшего — это один из объективных признаков ситуации, в которой субъект совершает общественно опасное деяние. В этом качестве оно наравне с другими объективными признаками может входить в предметное содержание вины, но само по себе не может исключать ни интеллектуального, ни волевого ее элемента.

Во-вторых, данное обстоятельство, по мнению автора, исключает уголовную ответственность только в том случае, если: «а) отсутствует общественная опасность деяния или б) если отсутствует вина причинителя вреда»⁶⁶, а в остальных случаях оно «не устраняет ни общественной опасности, ни виновности деяния», а «чаще всего является обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность»⁶⁷.

Таким образом, значение «вины потерпевшего» как обстоятельства, исключющего виновность, автором сводилось либо к отсутствию общественной опасности деяния, т. е. объективного основания уголовной ответственности, либо к общему положению о недопустимости уголовной ответственности при отсутствии вины причинителя вреда. В обоих случаях уголовная ответственность исключается независимо от того, имело или не имело место правомерное поведение потерпевшего. Следовательно, такое не может иметь самостоятельного значения как обстоятельство, исключющее виновность. «Вина потерпевшего» может лишь смягчать уголовную ответственность, но только как объективное, а не субъективное обстоятельство.

К обстоятельствам, исключаящим вину, следует отнести: 1) субъективный случай («казус»), т. е. невиновное причинение вреда, 2) извинительную фактическую ошибку, 3) исполнение обязательного приказа.

Субъективный случай (казус) представляет причинение вреда без виновного отношения к нему со стороны причинителя. Находясь на границе с таким видом неосторожности, как преступная небрежность, случай отличается от нее отсутствием одного либо обоих критериев, характеризующих небрежность как разновидность вины.

Шарапов осужден по ст. 106 УК РСФСР за неосторожное убийство, совершенное при следующих обстоятельствах.

12 января 1980 г. Шарапов вместе с другими лицами распивал спиртные напитки в доме Павловой. Свидетельница Иволина вошла в комнату, взяла лежавший на столе обрез, принадлежащий Курочкину, и зарядила его. Это увидел вошедший в комнату Курочкин. Он отобрал обрез и положил на стул, а сам лег на диван, никому не сказав, что оружие заряжено. Вскоре туда вошли Шарапов и Егорова. Шарапов взял обрез и, не убедившись, что он не заряжен, шутя направил ствол на себя и нажал на спусковой крючок, но произошла осечка. После этого он наставил обрез на

⁶⁶ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 221.

⁶⁷ Там же.

Курочкина и опять нажал на спусковой крючок. Произошел выстрел, причинивший Курочкину огнестрельное ранение в голову, от которого он скончался на месте.

Рассмотрев дело по протесту Председателя Верховного Суда РСФСР, Судебная коллегия по уголовным делам этого суда установила, что незадолго до описанного происшествия Шаратов взял **обрез, открыл его, посмотрел на свет и убедился, что ствол пустой**. После этого он вместе с другими лицами выходил на кухню курить, и именно в это время Иволина зарядила обрез, о чем Шаратову не было известно. Вновь зайдя в комнату и считая, что обрез не заряжен, Шаратов наставил его себе в лицо и нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало. Будучи уверенным, что оружие не заряжено, он направил его на Курочкина и вновь нажал на спусковой крючок. Последовал выстрел, от которого погиб потерпевший.

Судебная коллегия пришла к выводу, что при таких обстоятельствах Шаратов не знал и не мог знать, что обрез заряжен, поэтому «он не должен был и не мог предвидеть, что в результате его действий наступит смерть Курочкина»⁶⁸, и дело производством прекратила за отсутствием состава преступления в действиях Шаратова.

Данный пример иллюстрирует наиболее типичную разновидность субъективного случая: лицо не предвидело, не должно было и не могло предвидеть возможности наступления общественно опасных последствий. Но эта разновидность не единственная. Применительно к материальным составам может иметь место и другая разновидность казуса: лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий и обоснованно, нелегкомысленно рассчитывало на их предотвращение, однако вопреки его расчету последствия все же наступили.

Например, рабочий, находясь на крыше жилого дома, сбивал с карниза ледяные «сосульки». Он предвидел возможность причинения травм любому лицу, проходящему по тротуару под местом, где производились указанные работы. Но при этом он рассчитывал на предотвращение подобных последствий, так как техник-смотритель дирекции по эксплуатации зданий обязан был перед началом работ перегородить тротуар и сделать его недоступным для прохода людей и обещал это сделать. Из-за невыполнения упомянутой обязанности техником-смотрителем и оставления им места работы без наблюдения случайному прохожему были причинены тяжкие телесные повреждения упавшим куском льда. В данном случае рабочий не должен нести за последствия уголовную ответственность, поскольку он вполне обоснованно, а не легкомысленно рассчитывал на предотвращение общественно опасных последствий, то есть причинил вред невиновно, случайно. Применительно к преступлениям с формальным составом субъективный случай тоже возможен и выражается в том, что лицо не сознает, не должно и (или) не могло сознавать общественно опасный характер совер-

шаемого им действия или бездействия. Эта разновидность казуса в литературе иногда именуется «правовым случаем» (по аналогии с «правовой неосторожностью»⁶⁹).

Извинительная фактическая ошибка является одним из многих видов заблуждения лица относительно свойств совершаемого деяния.

Юридическая ошибка (неверное представление лица о юридических свойствах совершаемого деяния) не только не исключает ответственности, но, за редким исключением, вообще не влияет на уголовную ответственность.

Фактическая ошибка — это заблуждение лица относительно существенных фактических обстоятельств, являющихся признаками соответствующего состава преступления. Она может по-разному влиять на уголовную ответственность: исключать вину либо изменять ее форму; исключать вменение квалифицирующих обстоятельств; обосновывать квалификацию деяния как покушения на преступление. Поэтому из всех видов фактической ошибки необходимо выделить лишь те, которые исключают уголовную ответственность в силу отсутствия вины — умысла и неосторожности. Ошибка в объекте, в предмете, в средствах, в причинной связи, в отягчающих и смягчающих обстоятельствах может изменить форму вины, изменить квалификацию преступления или вообще не повлиять на уголовную ответственность. Но исключить вину эти виды ошибки не могут. Единственный вид фактической ошибки, способный исключить вину, — это ошибка относительно общественной опасности деяния. Невиновно действующим может быть признано только то лицо, которое, добросовестно заблуждаясь, не считает свое деяние общественно опасным, хотя объективно оно является таковым. Подобное заблуждение обычно бывает обусловлено незнанием каких-то важных фактических обстоятельств, относящихся к объективной стороне преступления и придающих деянию общественно опасный характер.

Так, при расследовании одного уголовного дела было установлено, что завод железобетонных конструкций выпустил небольшую партию недоброкачественных плит, что повлекло разрушение междуэтажного перекрытия в строящемся здании. Прокурор внес представление об устранении причин выпуска недоброкачественной продукции. Администрация завода разработала комплекс мероприятий с целью недопущения выпуска некачественной продукции. Ответственность за исполнение намеченных мероприятий была возложена на главного инженера, инженера по качеству и на начальника ОТК. В результате недобросовестного отношения этих лиц к выполнению запланированных мероприятий вскоре заводом была выпущена еще одна крупная партия недоброкачественных плит. Как было установлено, указанные лица доложили директору о полном выполнении комплекса намеченных мероприятий и заверили, что виреде выпуск некачественной продукции исключен. Директор обоснованно полагал, что выпускаемая продукция является добро-

⁶⁹ См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 208—209.

⁶⁸ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1981. — № 10. — С. 5.

качественной, не знал и не мог знать о выпуске брака, поэтому он и не мог быть признан виновным в выпуске недоброкачественной продукции.

В качестве примера ошибки относительно общественной опасности деяния в литературе иногда приводится сбыт фальшивой монеты лицом, добросовестно считающим эту монету настоящей⁷⁰. Как в этом случае, так и в приведенном выше примере лицо из-за незнания важных фактических обстоятельств не только не сознает, но и не может сознавать общественно опасного характера совершаемого деяния. Вину лица исключает фактическая ошибка, которой данное лицо объективно избежать не могло, т. е. ошибка извинительная. Довольно распространенным видом извинительной фактической ошибки является так называемая мнимая оборона, которая исключает уголовную ответственность за причиненный вред «в тех случаях, когда обстановка происшествия давала основание полагать, что совершается реальное посягательство, и лицо, применившее средства защиты, не сознавало и не могло сознавать ошибочность своего предположения»⁷¹. Разновидностью извинительной фактической ошибки может быть и «мнимая крайняя необходимость»⁷².

Исполнение обязательного приказа некоторыми учеными отнесено к обстоятельствам, исключающим общественную опасность деяния⁷³. Другие авторы обоснованно возражают против этого⁷⁴.

Следует иметь в виду, что исполнение законного приказа — это правомерная деятельность, не порождающая никаких уголовно-правовых проблем. Приказ является законным, если он: 1) исходит от уполномоченного лица и не выходит за рамки его компетенции, 2) облечен в надлежащую форму, если таковая предписывается и 3) не содержит распоряжений, противоречащих закону. При несоблюдении этих условий приказ является незаконным. Исполнение незаконного приказа не является обязанностью подчиненного. Действия, совершаемые во исполнение незаконного, а тем более — преступного приказа, являются общественно опасными. Общественная опасность, как объективное свойство деяния, не утрачивается из-за того, что вред причиняется действиями, совершенными по приказу. Если же в ряде случаев уголовная ответственность за исполнение преступного приказа исключается, то не в силу объективных, а в силу субъективных оснований, а именно из-за отсутствия вины.

⁷⁰ См.: Курс советского уголовного права. Т. 2. — М., 1970. — С. 338; Советское уголовное право. Общая часть. — МГУ, 1974. — С. 178.

⁷¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1984. — № 5. — С. 12.

⁷² Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 212.

⁷³ См.: Слущкий И. И. Указ. соч. — С. 79; Пионтковский А. А. Учение о преступлении. — С. 476—480.

⁷⁴ См.: Дурманов Н. Д. Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния. — М., 1961. — С. 5—6; Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 214—218; Курс советского уголовного права. — ЛГУ. — Т. 1. — С. 527—528.

Если лицо, исполнившее приказ, знало о его преступном характере, то оно не освобождается от уголовной ответственности. Если же преступный характер приказа не был ясен лицу, исполнившему такой приказ, то возможны два варианта.

Во-первых, лицо, причинившее вред при исполнении обязательного приказа, не сознавало, не должно было и (или) не могло сознавать его преступный характер. В этом случае исполнитель, безусловно, освобождается от уголовной ответственности за причиненный вред как за причиненный невиновно, случайно. Ответственность за исполнение преступного приказа несет лицо, отдавшее этот приказ.

Во-вторых, лицо, исполнившее преступный приказ, не сознавало, но должно было и могло сознавать его преступный характер. При таких обстоятельствах исполнитель приказа может нести уголовную ответственность за неосторожное причинение вреда, если такая ответственность законом предусмотрена, либо полностью освобождается от уголовной ответственности, если она по закону установлена только за умышленное причинение вреда. Независимо от этого лицо, отдавшее преступный приказ, несет ответственность за свой приказ, исполнение которого причинило общественно опасные последствия.

Исключением из общего правила является исполнение приказа, отданного военнослужащему. Он должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок. Подчиненный военнослужащий не вправе входить в оценку законности и разумности отданного ему приказа. За неправомерный приказ несет ответственность только лицо, от которого он исходил. Военнослужащий несет ответственность лишь за исполнение явно преступного приказа, ибо в таком случае он сам становится исполнителем преступления. Если же преступный характер приказа начальника не был очевиден, то военнослужащий не подлежит уголовной ответственности за его исполнение. За такой приказ уголовную ответственность несет только лицо, отдавшее приказ.

ГЛАВА II

ВИНА В НОРМАХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

§ 1. Вина в преступлениях, состав которых включает специальные цель и мотив

Цель и мотив — это признаки состава преступления, которые наряду с виной характеризуют его субъективную сторону. Они существенно влияют на форму и степень вины, на степень общественной опасности личности правонарушителя и преступного деяния. Поэтому теоретическому исследованию названных признаков уделяется серьезное внимание в советской юридической науке.

Некоторые ученые связывают цель и мотив только с умышленной формой вины. Но в последнее время все большее число криминалистов обосновывают необходимость исследования цели и мотива в неосторожных преступлениях¹. При этом одни ученые говорят только о мотиве, а другие — и о мотиве и о цели неосторожных преступлений. Но, признавая особенности мотива и цели поведения в неосторожных преступлениях, они подчеркивают, что мотивы и цели в неосторожных преступлениях имеют качественно иное содержание, характер, интерпретацию и механизм психологического воздействия, чем мотивы и цели умышленных преступлений². Основываясь на различиях в функциях мотива и цели при совершении преступления с различными формами и видами вины, один из исследователей приходит к выводу, что только при прямом умысле мотив и цель «выполняют психологические функции механизма волевого поведения, а при квалификации выполняют юридические функции в качестве субъективных признаков состава преступления»³. Что же касается косвенного умысла, а тем более — неосторожности, то мотивы и цели поведения связаны не с преступными, а с другими последствиями, лежащими за рамками данного состава преступления, поэтому они вообще не могут называться преступными мотивами и целями⁴.

Не касаясь пока вопроса о возможности сочетания указанного в законе мотива с виной в форме косвенного умысла, следует полностью согласиться с тем, что цель, указанная в законе как признак состава преступления, может сочетаться только с прямым умыслом.

Теоретические разногласия в понимании механизма воздействия мотива и цели на поведение человека, а также о возможности сочетания этих психологических явлений с неосторожной виной вытекают из различной трактовки мотива и цели применительно к уголовному праву.

Все ученые исходят из совершенно правильного положения о том, что всякое сознательное поведение человека является мотивированным и целенаправленным. Из этого некоторые юристы делают вывод, что можно ставить вопрос о мотивах и целях любого поступка, в том числе и преступления. Однако вряд ли есть достаточные основания распространять правильное положение о мотивированности и целенаправленности человеческого поведения на любое уголовное правонарушение.

¹ См.: *Дагель П. С.* Уголовно-правовое значение мотива и цели преступления. — С. 43; *Романова Л. И.* Проблема предупреждения неосторожных преступлений в плане социального развития коллектива. — С. 188; *Котов Д. П.* Цель и целенаправленность в неосторожных преступлениях. — С. 47, а также др.

² См.: *Дагель П. С.* Уголовно-правовое значение мотива и цели преступления. — С. 43; *Квашин В. Е.* Теоретические основы профилактики неосторожных преступлений. — С. 56.

³ *Петелин Б. Я.* Методы установления вины // Советское государство и право. — 1983. — № 10. — С. 86—87.

⁴ См.: Там же.

Во-первых, невозможно говорить о мотивированности и целенаправленности такого поведения, когда человек не выполняет определенных обязанностей неосознанно (например, сторож незаметно для себя засыпает на посту и тем создает условия для кражи). Тем менее оснований ставить вопрос о мотивах и целях такого неосторожного преступления.

Во-вторых, подавляющее большинство неосторожных преступлений по своей юридической конструкции представляет неразрывное сочетание неосмотрительного поведения с общественно опасными последствиями, указанными в диспозиции уголовно-правовой нормы. И точно так же, как неосмотрительное поведение само по себе не является неосторожным преступлением, так мотивированность и целенаправленность этого поведения не равнозначны преступным мотивам и целям. Подобно тому, как вина представляет психическое отношение не только к действию (бездействию), но и к последствиям, мотив преступления означает внутреннее побуждение, толкнувшее лицо не только на совершение определенного действия, но и на причинение этим действием определенного вредного последствия. Такое побуждение на причинение вредных последствий при неосторожных преступлениях отсутствует. Преступная цель указывает на тот конечный результат, которого виновный стремился достичь посредством совершения описанного в законе действия и ценой причинения указанного в нем последствия. Конечно, можно ставить вопрос о мотивах и целях, с которыми субъект отклонился от общепринятых или специальных норм безопасного поведения, но, поскольку такое отклонение само по себе не является уголовным правонарушением, его мотивы и цели не являются преступными.

В-третьих, вопрос о мотивах и целях преступления может ставиться лишь в том случае, если они предусмотрены уголовно-правовой нормой в качестве признаков состава конкретного преступления. Как признак состава преступления мотив или цель могут иметь одно из следующих трех значений: 1) обязательного признака (например, корыстный или иной личный мотив при злоупотреблении властью или служебным положением, цель наживы при спекуляции и т. п.); 2) квалифицирующего признака (например, хулиганские побуждения при убийстве, корыстная цель при заведомо ложном доносе и т. п.); 3) обстоятельства, смягчающего (п. п. 2, 6 ст. 38) или отягчающего (п. 3 ст. 39 УК РСФСР) ответственность.

Таким образом, говорить о взаимосвязи преступных целей и мотивов с определенными формами и видами вины можно только при наличии следующих условий: а) они охватывают все наиболее существенные объективные свойства преступления, б) они влияют на уголовную ответственность в качестве необходимых условий, в качестве квалифицирующих признаков либо в качестве обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность. В связи с этим уместно привести следующее высказывание: «Несмотря на то, что мотив и цель должны быть установлены следствием и су-

дом при рассмотрении любого уголовного дела, в том числе и в неосторожных преступлениях, в процессе производства уголовно-правовой квалификации преступления мотив и цель учитываются лишь в умышленных преступлениях. В неосторожных преступлениях мотив и цель устанавливаются главным образом на стадии назначения конкретной меры наказания виновному либо в криминологическом плане, в плане выяснения причин и условий, способствующих совершению преступления, и для выяснения морального облика личности преступника»⁵. В этом высказывании обращает внимание, во-первых, то, что автор не признает за мотивом и целью значения признаков состава неосторожного преступления, а во-вторых, то, что он не называет их мотивом и целью неосторожного преступления.

Поскольку цель и мотив могут быть связаны с виной неодинаково, целесообразно рассмотреть их значение раздельно.

Цель как признак состава преступления теория уголовного права и судебная практика связывают только с прямым умыслом. Но есть и иная точка зрения: «Вряд ли можно безоговорочно согласиться с тем, что наличие в составе цели всегда свидетельствует о прямом умысле. Преследуя указанную в законе цель, виновный может тем не менее не желать, а лишь допускать наступление указанного в составе последствия»⁶. Этот тезис автор пытался подтвердить примером: с целью провокации войны или международных осложнений субъект бросает бомбу в здание иностранного посольства, не желая, но сознательно допуская гибель кого-либо из персонала посольства. При наступлении названного результата вина по отношению к нему, по мнению автора, выступает в форме косвенного умысла, несмотря на наличие цели⁷. Думается, здесь налицо искажение смысла закона. Ведь советское уголовное законодательство не знает состава такого преступления, как «бросание бомбы» с указанной целью. Если же речь идет о террористическом акте против представителя иностранного государства (ч. 1 ст. 67 УК), то его объективная сторона характеризуется именно лишением жизни представителя этого государства, что и является средством достижения цели, т. е. желаемым результатом. А если в намерение виновного входило уничтожение имущества посольства, то налицо совокупность этого преступления, совершенного с прямым умыслом, и убийства с косвенным умыслом. Но тогда за рамками составов обоих преступлений остается сформулированная автором цель. Этим ученым приводился и другой пример: с целью облегчить совершение хищения преступник связывает сторожа и оставляет на сильном морозе, сознавая, что тот может замерзнуть, хотя и не желает этого. В случае смерти сторожа — утверждал автор — деяние квалифицируется по п. «е» ст. 102 УК РСФСР, хотя «средством для достижения специальной цели здесь будет само

связывание сторожа, а смерть его — побочный результат этих действий, которого преступник не желал»⁸. Как и в первом примере, автор приводит состав преступления, не известный советскому законодательству. Пункт «е» ст. 102 УК РСФСР к данному случаю вообще неприменим, так как в нем устанавливается ответственность не за «связывание», а за лишение жизни с целью облегчить другое преступление. По смыслу закона лишение жизни должно быть средством облегчения другого преступления и предшествовать ему во времени. Таким образом, ни один из двух этих примеров не подтверждает правильности позиции, допускающей сочетание специальной цели с косвенным умыслом.

Иногда возможность сочетания косвенного умысла со специальной целью обосновывается тем, что цель не всегда совпадает с указанным в законе последствием. Так, например, один из ученых ссылкой на несовпадение цели с последствием обосновывает свое мнение о невозможности совершения с прямым умыслом преступлений, предусмотренных статьями 105 и 111 УК РСФСР⁹. Но ведь цель и последствие — совершенно различные самостоятельные признаки состава преступления. Последствие — объективный признак, его наступление — необходимое условие ответственности за оконченное преступление. А цель — субъективный признак, ее реализация лежит за рамками состава преступления. Обязательного совпадения этих признаков не требуется ни при косвенном, ни при прямом умысле.

Если в законе указывается специальная цель преступления, то средством ее достижения в преступлениях с формальным составом выступает описанное в диспозиции уголовно-правовой нормы действие (бездействие), а в преступлениях с материальным составом — причинение указанных в законе последствий. Волевое избрание именно этих средств к достижению цели означает психическое отношение к ним только в форме желания. Поэтому указание в законе на специальную цель преступления исключает возможность совершения этого преступления с косвенным умыслом, а тем более — по неосторожности. Указанная в диспозиции уголовно-правовой нормы специальная цель может сочетаться только с прямым умыслом.

Иногда в юридической литературе встречаются высказывания о том, что указание в диспозиции уголовно-правовой нормы на специальный мотив, так же как и на специальную цель, означает возможность совершения этого преступления только с прямым умыслом¹⁰. Однако для такого категорического утверждения не имеется достаточных оснований.

Указание в законе на специальный мотив действительно свиде-

⁸ Дагель П. С. Уголовно-правовое значение мотива и цели преступления. — С. 43.

⁹ См.: Ткаченко В. Квалификация покушений на преступление // Советская юстиция. — 1981. — № 19. — С. 8.

¹⁰ См., например: Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. — М., 1974. — С. 125; Уголовное право УССР. Общая часть. — Киев, 1984. — С. 123.

⁵ Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. — 1984. — С. 115—116; См. также: Бурчак Ф. Г. Квалификация преступлений. — С. 83—84.

⁶ Дагель П. С. Вина и состав преступления. — С. 92.

⁷ См.: Там же.

тельствует об умышленной форме вины, однако вид умысла не предопределяет. Поэтому совершение преступления с указанным в диспозиции нормы мотивом в принципе возможно с любым видом умысла. Применительно же к конкретным составам преступления вид умысла определяется их конструкцией.

Поскольку в основе мотива лежат человеческие потребности, мотив преступления можно рассматривать как осознанное побуждение к противоправному действию ради удовлетворения конкретных потребностей. Большинство уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение преступления по определенным мотивам, сконструированы по типу формальных составов. Описанные в этих нормах общественно опасные действия сами по себе, независимо от наступления каких-то вредных последствий, являются средством «утоления мотива», способом удовлетворения внутренней потребности субъекта, толкнувшей его на совершение этих действий. Будучи сознательно избранными в качестве средства удовлетворения внутренней потребности, преступные действия, образующие объективную сторону преступления с формальным составом, всегда являются для виновного желаемыми, а значит, могут совершаться с прямым умыслом. Так, например, без желания невозможно незаконно уволить трудящегося с работы из личных побуждений, отказать в приеме на работу женщине по мотивам ее беременности, оскорбить работника милиции в связи с исполнением им служебных обязанностей по охране общественного порядка, преследовать гражданина в связи с его критическими выступлениями и т. д. Не так однозначно решается вопрос о видах умысла при совершении по указанным в законе мотивам преступлений, имеющих материальный состав.

По общему правилу, указанные в законе специальные мотивы при совершении преступлений с материальным составом могут сочетаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. Так, например, сочетание определенного мотива с неконкретизированным косвенным умыслом возможно при убийстве или нанесении телесных повреждений из хулиганских побуждений, при убийстве в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга, при нанесении телесных повреждений начальнику в связи с исполнением им обязанностей по военной службе. В основе названных мотивов может лежать «потребность» виновного в расправе над потерпевшим. Средством удовлетворения этой «потребности» является сам процесс расправы, в ходе которой виновный предвидит и сознательно допускает причинение неопределенного по тяжести вреда. Квалификация таких преступлений определяется фактически наступившими последствиями, причиненными с косвенным умыслом. Иллюстрацией могут служить такие примеры.

Кудинов был привлечен к уголовной ответственности по п. «б» ст. 102 и ч. 3 ст. 206 УК РСФСР. Саратовским областным судом факт причинения смерти был квалифицирован по ч. 2 ст. 108 УК, поскольку, как считал суд, Кудинов, нанося из хулиганских по-

буждений удар охотничьим ножом в висок потерпевшему, допускал наступление не смерти, а лишь тяжких телесных повреждений. Рассмотрев дело по кассационной жалобе, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приговор отменила и дело направила на новое судебное рассмотрение. Коллегия указала, что при новом судебном рассмотрении необходимо «правильно разрешить вопрос о том, предвидел ли виновный последствия своих действий, и если будет установлено, что он предвидел возможность причинения смерти и сознательно допускал это, его действия, как совершенные с косвенным умыслом, должны квалифицироваться как убийство»¹¹. В данном случае речь шла о сочетании хулиганских побуждений с косвенным умыслом.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Латвийской ССР Лакотка был осужден за злостное хулиганство и за убийство в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга и с особой жестокостью. Находясь на праздничном вечере и будучи в нетрезвом состоянии, Лакотка учинил хулиганские действия, за что был удален из зала. Поскольку он продолжал хулиганить и в гардеробной, дружинник Кайран предупредил Лакотку, что доставит его в милицию, в ответ на что Лакотка стал угрожать расправой. В тот же вечер он напал на Кайрана, сбил его на землю и стал избивать, нанося ногами удары по голове и другим частям тела. Это продолжалось до тех пор, пока подоспевшие граждане не оттащили Лакотку в сторону. От полученных повреждений потерпевший, не приходя в сознание, на третий день скончался в больнице. Рассмотрев дело по протесту заместителя Председателя Верховного Суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР протест отклонила и приговор оставила в силе. Признавая квалификацию правильной, коллегия указала, что Кайран был убит в связи с пресечением хулиганских действий Лакотки и что для квалификации убийства, как совершенного по этим мотивам, не имеет значения, знал ли Лакотка о том, что потерпевший был дружинником. Избивая в течение длительного времени ногами лежащего человека, Лакотка проявил особую жестокость¹². В данном деле налицо косвенный умысел на причинение смерти по мотивам мести за выполнение потерпевшим своего общественного долга.

Подобно двум приведенным примерам преступление может быть совершено с косвенным умыслом и по иным мотивам.

Исключением из правила о возможности совершения преступления по специальному мотиву с любым видом умысла является умышленное убийство из корыстных побуждений. В этом случае лежащая в основе мотива «потребность» может быть удовлетворена лишь получением материальных выгод (прямых или косвенных) именно в результате смерти потерпевшего и только после ее на-

¹¹ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964—1972. — М., 1974. — С. 217.

¹² См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1971. — № 2. — С. 33.

ступления. Говоря иначе, убийство из корыстных побуждений всегда преследует корыстную цель. Поэтому в законе точнее было сказать об убийстве с корыстной целью, а не из корыстных побуждений, хотя эти понятия связаны и имеют очень сходное содержание. Именно смерть потерпевшего является средством удовлетворения «потребности» виновного, поэтому она всегда представляется ему желаемой. Как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве», под корыстными следует понимать побуждения, направленные «на получение всякого рода материальной выгоды (денег, имущества, имущественных прав, прав на жилплощадь и т. п.)»¹³ или намерение избавиться от материальных затрат. Характер этих мотивов и способ их «утоления» свидетельствуют о том, что убийство из корысти может быть совершено только с прямым умыслом и с целью получения материальных выгод¹⁴.

Таким образом, специальные мотивы, указанные в законе, могут сочетаться только с прямым умыслом, если преступление имеет формальный состав, и, как правило, с любым видом умысла, если состав преступления является материальным. Что же касается мотивированности человеческого поведения при совершении преступления по неосторожности, то эта мотивированность никогда не распространяется на общественно опасные последствия, поскольку они не выступают средством удовлетворения потребностей, лежащих в основе мотивов неосмотрительного поведения. А сами мотивы неосмотрительного поведения лежат за рамками состава неосторожного преступления и поэтому не являются преступными мотивами.

§ 2. Вина в преступлениях с формальным составом

Предметное содержание вины определяется важнейшими объективными свойствами общественно опасного деяния. Перечень юридически значимых объективных признаков каждого преступления определяется законодательной конструкцией объективной стороны состава этого преступления. Именно на этом и основано деление составов преступления на материальные и формальные. Составы преступлений, в объективную сторону которых входит только один обязательный юридический признак — действие (бездействие), принято называть формальными. А к материальным составам относятся такие, объективная сторона которых включает не только действие или бездействие, но также конкретно обозначенные общественно опасные последствия. Естественно, что по-разному сконструированная в законе объективная сторона тех и других составов преступлений неодинаково отражается и в сознании виновного. Поэтому в уголовно-правовой науке уделялось боль-

шое внимание выяснению особенностей в содержании вины при совершении преступлений с формальным составом. По этому вопросу в литературе высказаны две основные точки зрения.

Одни ученые придерживаются мнения, что в преступлениях с формальным составом, так же, как и с материальным, вина представляет тоже психическое отношение не только к действиям, но и к общественно опасным последствиям. «Результат в сущности есть и при формальных деликтах, но он сливается с бездействием или действием как мускульным движением, при материальных он отделен во времени от последнего и доступен человеческому восприятию»¹⁵. В советской науке подобный взгляд высказывался Б. С. Утевским: «При формальных преступлениях у виновного отсутствует предвидение последствий в конкретной форме. Но совершающий формальное преступление сознает в общей форме, что его действие причиняет вредные последствия»¹⁶. Это мнение было развито следующим образом: «В формальных преступлениях общественно опасный результат органически включается в действие. В этих случаях совершение преступления есть вместе с тем и причинение результата, и предвидеть результат отдельно от действия здесь нельзя. Напротив, сознание в этих случаях полностью охватывает всю «общественно опасную ситуацию»¹⁷. На этом основании автор делал вывод, что «...прямой умысел, как и косвенный, есть форма отношения не к действию, а к последствию»¹⁸, что умысел во всех случаях есть отношение не к самому действию, а к его социальному характеру. К этой позиции близко и мнение, что форму и вид вины следует определять исходя из психического отношения к прямым последствиям, описанным (материальные составы) или не описанным (формальные составы) в диспозиции уголовно-правовой нормы¹⁹.

Конструкция умысла в формальных составах как психического отношения не только к действиям, но и к общественно опасным последствиям не получила всеобщего признания, так как страдает рядом уязвимых мест.

Во-первых, ее сторонники смешивают вопрос о том, что любое преступление причиняет вред, с совершенно другим вопросом — о юридической конструкции состава преступления. Действительно, не существует преступлений, беспоследственных в смысле их безвредности, т. е. не причиняющих ущерба социалистическим общественным отношениям. Однако это абсолютно верное положение вовсе не исключает того факта, что есть целый ряд преступлений, выражающихся в причинении вполне конкретных, качественно определенных и количественно измеримых последствий, прямо предусмотренных законом, как есть и преступления, вредные

¹⁵ Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. — С. 167.

¹⁶ Утевский Б. С. Указ. соч. — С. 238.

¹⁷ Никифоров Б. С. Об умысле по действующему законодательству. — С. 29.

¹⁸ Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Указ. соч. — С. 188.

¹⁹ См.: Кригер Г. Еще раз о смешанной форме вины // Советская юстиция. — 1967. — № 3. — С. 6.

¹³ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1975. — № 4. — С. 9.

¹⁴ См.: Вахитов Ш., Сабиров Р. Соисполнительство при совершении убийства // Советская юстиция. — 1986. — № 3. — С. 13.

последствия которых качественно и количественно не конкретизированы в законе. Во-вторых, рассматриваемая конструкция игнорирует объективное различие между материальными и формальными составами, которое обусловлено их законодательной конструкцией. В-третьих, в попытках доказать возможность косвенного умысла в преступлениях с формальным составом она отступает от законодательного описания умысла и делает предметом воли не последствия, а социальные свойства деяния («лицо сознательно допускает общественно опасный характер действия»).

Многие ученые придерживаются иной точки зрения и считают, что описание умысла, ориентированное на общественно опасные последствия, применимо только к материальным составам. Считая это пробелом в законе, они предлагают восполнить его с помощью технического приема, состоящего в проецировании отношения к последствиям на само деяние. При таком способе раскрытия содержания умысла оказывается, что в преступлениях с формальным составом он включает сознание общественно опасного характера совершаемого деяния и желание совершить это деяние. Следовательно, умышленные преступления с формальным составом могут совершаться только с прямым умыслом. Эта позиция находит отражение и в судебной практике. Например, в определении по делу Носаненко Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала, что, скупая имущество, заведомо добытое преступным путем, «виновный сознает, что это имущество добыто преступным путем, и желает его приобрести»²⁰. Ясно, что коллегия исходила из волевого отношения не к последствиям, а к самому деянию, поскольку состав этого преступления является формальным. В постановлении по делу Кормильченко, Ткаченко и Бондаренко Президиум Ростовского областного суда указал, что «ответственность за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 195 УК РСФСР, наступает при наличии прямого умысла на похищение у граждан паспорта или других важных личных документов»²¹. Здесь следует отметить два обстоятельства. Во-первых, содержанием умысла в данном преступлении, имеющем формальный состав, охватывается психическое отношение только к действию (похищению документов). Во-вторых, этот умысел может быть только прямым, поскольку действие может быть лишь желаемым. «В формальных составах, где последствие не является элементом состава, психическое отношение к нему либо отсутствует вообще (если отсутствует последствие), либо не влияет на форму вины и квалификацию преступлений. Поэтому в формальных составах форма вины определяется психическим отношением к деянию...»²². Но при

правильной исходной позиции автор делал вывод, не соответствующий законодательным и теоретическим положениям о делении умысла на прямой и косвенный. Считая, что достаточным признаком умысла является сознание лицом общественно опасного характера своего действия или бездействия, он далее утверждал, что «деление умысла в формальных составах на прямой и косвенный лишено смысла. В формальных составах правильнее говорить просто об умысле или лишь о прямом умысле»²³. Другой ученый также считал, что деление умысла на виды неприменимо к формальным составам, поскольку закон «делит умысел на виды только в области отношения к последствиям»²⁴. На это можно возразить, что поскольку ни теории, ни практике неизвестен «умысел вообще» или «просто умысел», который не был бы ни прямым, ни косвенным, то и применительно к формальным составам необходимо точно определить вид умысла, прямой или косвенный. Это можно сделать только путем выяснения содержания умысла.

В формальных составах, так же как и в материальных, интеллектуальный элемент умысла включает сознание общественно опасного характера совершаемого деяния. Но этим сходство исчерпывается. Поскольку объективная сторона формальных составов не включает общественно опасных последствий, психическое отношение к ним не входит в содержание вины. Стало быть, момент предвидения выпадает из интеллектуального элемента умысла применительно к формальным составам. При умышленном совершении преступления с формальным составом интеллектуальный элемент исчерпывается сознанием общественно опасного характера совершаемого деяния.

Ученые, считающие неприменимым к формальным составам деление умысла на прямой и косвенный, полагают, что психическое содержание умысла в этих составах исчерпывается одним моментом сознания, что «при совершении формального преступления умышленно действует тот, кто совершает общественно опасное деяние, сознавая его общественную опасность»²⁵. Однако приведенное утверждение противоречит общепринятому пониманию вины в советской правовой науке. Вина как субъективный признак правонарушения характеризуется не только интеллектуальным, но и волевым содержанием. А в трактовке П. С. Дагеля, Б. С. Никифорова и их сторонников умысел в преступлениях с формальным составом оказался лишенным волевого содержания.

Что же составляет предмет волевого отношения в преступлениях с формальным составом?

Поскольку объективная сторона преступления с формальным составом исчерпывается единственным обязательным признаком — общественно опасным действием или бездействием, то и волевое содержание умысла характеризуется отношением именно к этому

²⁰ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1980. — № 10. — С. 7.

²¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1985. — № 11. — С. 74.

²² Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве. — С. 74. См. также: Демидов Ю. А. Предметное содержание умысла по советскому уголовному праву. — С. 31; Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. — С. 173; Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. — 1984. — С. 114.

²³ Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве. — С. 74.

²⁴ Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Указ. соч. — С. 141.

²⁵ Там же. — С. 111. См. также: Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве. — С. 74.

признаку. Применительно к формальным составам воля человека мобилизована на совершение или несовершение действий, являющихся объективно опасными для общества и воспринимаемых сознанием субъекта именно как общественно опасные. Но для действующего лица «действие всегда желанно, если только оно не совершено под влиянием непреодолимой силы или физического принуждения»²⁶.

Таким образом, при умышленном совершении преступления с формальным составом содержание умысла всегда заключается в сознании общественно опасного характера совершаемого действия и в желании совершить такое действие. Этот умысел является прямым, и только он присущ умышленным преступлениям, имеющим формальный состав. Подобные преступления не могут совершаться с косвенным умыслом, волевое содержание которого в виде сознательного допущения закон связывает исключительно с общественно опасными последствиями, входящими в объективную сторону только материальных составов.

Большой теоретический и практический интерес представляет вопрос о возможности совершения по неосторожности преступлений с формальным составом. В принципе такая возможность не исключается и ее допускает, например, применительно к отдельным составам Пленум Верховного Суда СССР. Так, в постановлении № 1 от 5 апреля 1985 г. указано, что ответственность за выпуск недоброкачественной, нестандартной и некомплектной продукции «наступает как при умышленной, так и при неосторожной вине»²⁷. В постановлении № 4 от 7 июля 1983 г. «О практике применения судами законодательства об охране природы» Пленум разъяснил, что такое преступление, как загрязнение атмосферного воздуха, имеющее, как известно, формальный состав, может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности²⁸. Возможность неосторожного совершения преступлений с формальным составом признается и в юридической литературе.

По тем же соображениям, которые высказаны в отношении косвенного умысла, в преступлениях с формальным составом преступная самонадеянность также не может иметь места. Ее сущность заключается в предвидении возможности общественно опасных последствий и в легкомысленном расчете на их предотвращение. Законодатель связывает расчет субъекта избежать совершения правонарушения именно с вредными последствиями, ибо нельзя рассчитывать на предотвращение чего-либо иного кроме возможных последствий. «При формальных составах опасность представляет наиболее общий, абстрактный признак деяния в разных его проявлениях. Она выступает как имманентное свойство деяния. Поэтому сознание ее не оставляет места для какого-либо предположения, что при наличии определенных обстоятельств (на которые

можно было бы рассчитывать в результативных преступлениях) фактическая сторона деяния в какой-то момент лишится своего неотъемлемого социального свойства»²⁹. А поскольку в формальных составах к признакам объективной стороны относятся лишь свойства собственно деяния, т. е. действия или бездействия, то именно они составляют и предметное содержание неосторожной вины. Значит, психологическое содержание неосторожности в преступлениях с формальным составом можно охарактеризовать как отсутствие сознания общественно опасного характера совершаемого деяния при наличии обязанности и возможности такого сознания. Это содержание присуще преступной небрежности, которая и является единственным видом неосторожной вины, возможным в формальных составах преступлений.

Приговором Брянского областного суда Ильюхин был осужден по ст. 152 УК РСФСР. Рассмотрев дело по жалобе осужденного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР оставила приговор без изменения, а кассационную жалобу — без удовлетворения. Как установила коллегия, Ильюхин был признан виновным в том, что, работая директором Брянского сырзавода, не прекратил начавшегося до его назначения директором выпуска продукции, не соответствующей стандартам, и продолжал ее отpravку потребителям. Всего заводом было отгружено нестандартного сыра 60773,3 кг, что причинило ущерб в размере 64030 руб. 37 коп.³⁰. Осужденный халатно отнесся к проверке качества сыра, поэтому не сознавал, хотя должен был и при надлежащей организации контроля за качеством мог бы сознавать, что завод выпускает нестандартную продукцию. В данном случае преступление, имеющее формальный состав, было совершено по неосторожности в виде преступной небрежности.

Итак, действующее уголовное законодательство знает несколько преступлений, имеющих формальный состав, которые могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности. В каждом случае совершения таких преступлений форма вины должна быть точно установлена, поскольку она существенно влияет на размер наказания, вид ИТУ для отбывания лишения свободы и пр. Практически форма вины определяется тем, сознавал или не сознавал субъект общественно опасный характер совершаемого деяния. Сознательное его совершение означает наличие прямого умысла, а неосознанное (при обязанности и возможности сознавать) совершение означает, что преступление совершено по неосторожности в виде небрежности.

Следует отметить, что буквальное толкование законодательного определения небрежности не позволяет применять его к преступлениям с формальным составом, так как в законе говорится об отсутствии предвидения именно последствий, т. е. признака, не входящего в объективную сторону формального состава. Поэтому не-

²⁶ Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений. — Казань, 1968. —

С. 51.

²⁷ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1985. — № 3. — С. 15.

²⁸ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1983. — № 4. — С. 8.

²⁹ Угрехелидзе М. Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. — С. 102.

³⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1969. — № 9. — С. 11—12.

которые ученые считают определение небрежности недостаточно полным и, видя в этом пробел в законе, который конструирует неосторожность только применительно к материальным составам, предлагают дополнить законодательное определение неосторожности с тем, чтобы оно охватывало и формальные составы³¹. Другие авторы неприменимость законодательного определения небрежности к формальным составам объясняют несоответствием между нормами Общей части (ст. 9 Основ) и нормами Особенной части уголовного законодательства и видят пути устранения этого несоответствия в перестройке общего определения неосторожности³². Наконец, третьи ученые считают, что «когда формы вины закон раскрывает в терминах психического отношения виновного исключительно к последствиям своих действий, в этом нельзя усматривать пробел в законе и не следует делать вывод, что законодатель не урегулировал вопрос вины в отношении формальных составов»³³, поскольку законодательное определение неосторожности нужно лишь интерпретировать применительно к формальным составам.

Действительно, нет достаточных оснований расценивать законодательное определение небрежности как содержащее пробел. Недостаточно полная характеристика этого вида неосторожности в законе отнюдь не мешает реальному ее существованию в преступлении с формальным составом, что признается и теорией уголовного права и судебной практикой. Но вопрос в том, целесообразно ли сохранение в законе формулировки, которая нуждается в интерпретации для применения к составам преступлений с определенным типом структуры. Поскольку всякой интерпретации присущ элемент субъективизма, лучше было бы уточнить законодательное определение и применять его не в интерпретации, а буквально. При всех расхождениях в оценке законодательного определения неосторожности почти все ученые считают, что в преступлениях с формальным составом небрежность характеризуется отсутствием сознания общественной опасности деяния при наличии обязанности и возможности такого сознания. Поэтому ст. 9 Основ (и соответствующие статьи УК союзных республик) могла бы быть дополнена второй частью следующего содержания:

«Преступление признается совершенным по неосторожности и в том случае, если лицо, его совершившее, не сознавало общественно опасного характера своего действия или бездействия, хотя должно было и могло это сознавать».

Таким образом, преступления с формальным составом могут быть совершены, как правило, с прямым умыслом (косвенный умысел исключается) либо, как исключение, с преступной небрежностью (самонадеянность исключается).

§ 3. Вменение квалифицирующих признаков. «Смешанная форма вины»

В соответствии с принципом субъективного вменения советское уголовное право допускает привлечение к ответственности за совершенное деяние лишь при условии, что виной субъекта охватываются все обстоятельства, образующие в своей совокупности состав данного преступления. Это условие распространяется не только на обстоятельства, являющиеся необходимыми признаками данного состава преступления, но и на обстоятельства, которые в качестве квалифицирующих признаков отягчают уголовную ответственность. Поэтому вопрос о содержании вины субъекта по отношению к квалифицирующим признакам имеет важное теоретическое и практическое значение. Правильное решение этого вопроса позволяет очертить пределы ответственности за совершенное общественно опасное деяние и способствует соблюдению социалистической законности при рассмотрении уголовных дел.

Советскими учеными правильно отмечалось, что «наряду с признаками объекта и объективной стороны преступления содержанием субъективной стороны охватывается психическое отношение виновного к квалифицирующим признакам состава преступления»³⁴. Развивая это положение, автор пришел к выводу о возможности различных форм вины по отношению к квалифицирующим признакам: «В умышленных преступлениях психическое отношение лица к квалифицирующим обстоятельствам, включенным законодателем в число признаков состава, может быть весьма разнообразным: в одних составах только умышленным, в других — только неосторожным, в третьих — как умышленным, так и неосторожным»³⁵. Так, по его мнению, признак особой жестокости при умышленном убийстве может охватываться лишь умыслом, последствия в виде гибели людей при умышленном уничтожении государственного или общественного имущества — только неосторожностью, а несовершеннолетие потерпевшей при изнасиловании — как умыслом, так и неосторожностью. Это мнение является спорным.

Для правильного решения вопроса о содержании и формах вины по отношению к квалифицирующим признакам состава преступления необходим дифференцированный подход. Во-первых, необходимо отграничить квалифицированные виды неосторожных преступлений от квалифицированных видов умышленных преступлений, во-вторых, необходимо отдельно рассмотреть психическое отношение виновного к квалифицирующим последствиям и отношению к иным квалифицирующим признакам.

УК РСФСР предусматривает лишь 8 неосторожных преступлений, имеющих не только основные, но и квалифицированные

³⁴ Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. — 1984. — С. 110.

³⁵ Там же. — С. 111.

³¹ См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 123.

³² См.: Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Указ. соч. — С. 189.

³³ Угреблидзе М. Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. — С. 100—101.

составы (ст.ст. 76, 85, 99¹, 211, 214, 215, 251¹ и 260¹), и во всех квалифицированных составах этих преступлений ответственность усиливается при наступлении указанных в законе последствий, более тяжких, чем последствия, входящие в объективную сторону основного состава. Исключения составляют преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники, при котором квалифицирующее значение придается не только крупному ущербу, но и неоднократности совершения деяния, а также халатное отношение к воинской службе, при котором квалифицирующим признаком (наряду с тяжкими последствиями) является совершение преступления в военное время или в боевой обстановке. Применительно к квалифицирующим последствиям в неосторожных преступлениях вопрос о психическом отношении к ним сомнений не вызывает: оно может быть только неосторожным, иначе все преступление превратилось бы в умышленное. То же самое касается совершаемых по неосторожности преступлений, которые в принципе могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности. Значит, задача выяснить характер психического отношения к квалифицирующим последствиям касается только преступлений, совершаемых умышленно.

Для того, чтобы анализ психического отношения субъекта к квалифицирующим признакам был более предметным, целесообразно все признаки, имеющие квалифицирующее значение, сгруппировать по их характеру. Условно их можно разделить на 4 группы: 1) характеризующие объект посягательства, 2) характеризующие действие или бездействие, 3) относящиеся к последствиям, 4) характеризующие субъекта преступления.

В Особой части УК РСФСР при описании квалифицированных составов умышленных преступлений признаки, характеризующие тот или иной элемент состава, по степени распространенности распределяются следующим образом:

1. **последствия** являются квалифицирующим признаком в 48 нормах;
2. признаки, характеризующие **субъекта** (особо опасный рецидив, специальный рецидив, повторность, неоднократность), — в 42 нормах;
3. **способ** совершения преступления — в 32 нормах;
4. **военное время** — в 20 нормах (в том числе — в 18 нормах о воинских преступлениях);
5. совершение преступления **группой** — в 17 нормах;
6. боевая **обстановка** — в 14 нормах о воинских преступлениях;
7. особые свойства **объекта** — в 10 нормах;
8. крупные либо значительные **размеры** (признак, характеризующий не размер ущерба, а размах преступной деятельности, как, например, при спекуляции, обмане покупателей и т. п.) — в 9 нормах;
9. **орудия и средства** совершения преступления — в 8 нормах;
10. совершение преступления в виде **промысла** или **систематически** — в 6 нормах.

Нужно признать известную неполноту и условность приведенной классификации. Ее неполнота состоит в том, что она не включает таких квалифицирующих признаков, как мотив и цель, поскольку они, во-первых, сочетаются только с умышленной виной, а во-вторых, являясь признаками самой субъективной стороны, не включаются в предметное содержание вины. Данная классификация является неполной еще и потому, что не включает признаков, которым лишь в единичных случаях придается квалифицирующее значение, как, например, место совершения преступления (охота на территории государственного заповедника). Условность приведенной классификации состоит в том, что каждый признак включен лишь в одну группу, тогда как отдельные признаки могут иметь разноплановое значение. Например, особая жестокость при умышленном убийстве отнесена к способу совершения преступления, хотя нельзя отрицать и некоторого субъективного значения этого признака. Кроме того, отдельные квалифицирующие признаки сформулированы в законе таким образом, что лишь толкование их места в числе признаков состава позволило отнести их к той либо иной группе (например, клевета с обвинением в совершении тяжкого преступления включена в группу «способ совершения преступления», хотя могут быть и иные мнения).

Как видно из приведенной классификации, самым распространенным признаком являются последствия, указанные в законе либо конкретно (например, гибель нескольких лиц), либо путем оценки их тяжести (особо тяжкие, тяжкие и т. д.).

В руководящем постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» Пленум Верховного Суда СССР указал: «Вредные последствия, независимо от их тяжести, могут быть вменены лицу лишь в том случае, если оно действовало в отношении их умышленно или по неосторожности»³⁶. Со ссылкой на это разъяснение в литературе нередко высказывается мнение, что квалифицирующие последствия могут причиняться либо умышленно, либо по неосторожности³⁷. Однако правильность такого мнения вовсе не доказывается приведенным разъяснением Пленума Верховного Суда СССР. Оно было дано в связи с имевшими место в практике случаями объективного вменения, то есть касалось незыблемости принципа субъективного вменения и не имело в виду какого-либо частного вопроса. Поэтому из него вовсе не вытекает, что по отношению к квалифицирующим последствиям возможна любая форма вины. Немало юристов придерживаются мнения, что по отношению к последствиям, имеющим значение квалифицирующего признака, вина может выражаться только в неосторожности. Говоря о квалифицированных видах преступлений, Н. Ф. Кузнецова высказывает мысль, что «более тяжкие последствия предполагают обычно

³⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1963. — № 3. — С. 7.

³⁷ См.: Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — С. 7; Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий. — М., 1958. — С. 159.

неосторожную вину»³⁸. Еще категоричнее высказался другой ученый, полагающий, что квалифицирующие последствия не «обычно», а всегда причиняются по неосторожности. Он даже предложил ввести в законодательство специальную уголовно-правовую норму, в соответствии с которой усиление наказания ввиду наступления тяжкого последствия «может иметь место лишь в том случае, когда лицо должно было и могло предвидеть наступление означенного последствия»³⁹. Такого же мнения придерживаются и некоторые другие ученые⁴⁰.

Таким образом, в квалифицированных составах преступлений возможно параллельное существование двух форм вины: умысла как конструктивного элемента основного состава и неосторожности в отношении квалифицирующих последствий. Такая возможность породила в уголовно-правовой науке концепцию так называемой смешанной формы вины. Эта концепция возникла еще в буржуазной юридической науке прошлого века, но находит поддержку у многих советских криминалистов. Вопрос о «смешанной форме вины» дискутировался нашими учеными во второй половине 60-х годов⁴¹, а затем на страницах журнала «Советская юстиция» дискуссия возобновилась в 1979—1980 гг.⁴². В данном вопросе советские криминалисты придерживаются трех основных точек зрения: одни являются сторонниками широкого толкования «смешанной формы вины», другие вообще отрицают ее существование, третьи признают «смешанную форму вины» (именуя ее иногда сложной или двойной), но только в ограниченных рамках.

Чрезмерная широта в трактовке «смешанной формы вины» проявляется тройким образом.

Во-первых, ее сторонники пытаются распространить данную концепцию не только на квалифицированные, но и на простые составы преступлений. Для этого они искусственно разрывают объективную сторону преступления, имеющего материальный состав, на две части и раздельно устанавливают психическое отношение сначала к действиям, а затем к последствиям. При этом сознательное совершение действий объявляется умышленным, а отношение к последствиям выдается за неосторожность. В литературе предпринималась попытка теоретически обосновать правомерность такого приема тем, что взятое изолированно действие, не являясь преступлением, может быть иным правонарушением, а «умышленная вина лица в совершении административного правонарушения является составной частью уголовной вины лица в

совершении неосторожного преступления»⁴³. На подобных же позициях стоят авторы, по мнению которых, «смешанная форма вины» характеризует простые составы таких преступлений, как автотранспортные, нарушение правил охраны труда, злоупотребление властью или служебным положением, превышение власти или служебных полномочий и т. д.⁴⁴.

Подобный метод раскрытия содержания вины в простых составах подвергался убедительной критике в юридической литературе, где правильно отмечалось, что в рамках одного простого состава нельзя разделять виновное отношение к действию и результату, что утверждения о двойной вине в пределах одного состава «являются искусственными и на практике способны внести путаницу в квалификацию преступлений»⁴⁵, поскольку затрудняют вопрос о признании конкретного преступления умышленным либо неосторожным. Трудно возразить и тому, что «последовательное продолжение идеи установления самостоятельных форм вины относительно действий и их последствий позволяет представить любое неосторожное преступление в качестве преступления с двойной формой вины»⁴⁶, поскольку едва ли не каждое неосторожное преступление сопряжено с сознательным совершением тех или иных действий.

Во-вторых, сторонники излишне широкой трактовки «смешанной формы вины» допускают сочетание не только различных форм, но и различных видов одной и той же формы вины. Так, один из них считал «смешанными формами вины» все мыслимые сочетания (даже типа: «прямой умысел — косвенный умысел»), кроме сочетания неосторожного отношения к деянию с умышленным отношением к последствиям⁴⁷.

Ш. С. Рашковская считала, что «двойную форму вины» может создавать сочетание умысла с умыслом либо неосторожности с неосторожностью⁴⁸. Правда, впоследствии она сузила перечень возможных сочетаний, но все же допускает такую разновидность «двойной формы вины», при которой действия совершаются только умышленно, а последствия причиняются либо умышленно, ли-

³⁸ Дагель П. С. Пути совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступной неосторожностью. — С. 31. См. также: Дагель П. Дискуссия не закончена//Советская юстиция. — 1980. — № 22. — С. 29.

³⁹ См.: Горбуза А. Д. Смешанная форма вины по советскому уголовному праву. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1972. — С. 9; Куринов Б. А. Квалификация транспортных преступлений. — С. 131—132; Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. — М., 1975. — С. 26—29; Советское уголовное право. Часть Общая. — М., 1962. — С. 157; Советское уголовное право. Общая часть. — МГУ, 1981. — С. 202—203.

⁴⁰ Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий. — С. 91—92. См.: Она же. О квалификации вины//Советская юстиция. — 1980. — № 23. — С. 24—26; Сахаров А. Б. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. — М., 1956. — С. 111—114; Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления. — Киев, 1978. — С. 62—70.

⁴¹ Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие... — 1974. — С. 57.

⁴² См.: Кириченко В. Смешанные формы вины//Советская юстиция. — 1966. — № 19. — С. 14.

⁴³ См.: Советское уголовное право. Часть Общая. — М., 1964. — С. 139.

³⁸ Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий. — С. 136.

³⁹ Макашвили В. Г. Некоторые вопросы вины в советском уголовном законодательстве//Советское государство и право. — 1952. — № 1. — С. 40.

⁴⁰ См.: Фролов Е., Свинкин А. Двойная форма вины//Советская юстиция. — 1969. — № 7. — С. 7.

⁴¹ См., например: Советская юстиция. — 1966. — № 19. — С. 13—15; 1967. — № 3. — С. 5—7; 1969. — № 7. — С. 7—8, а также др.

⁴² См.: Советская юстиция. — 1979. — № 20. — С. 4—6; 1980. — № 22. — С. 28—29; № 23. — С. 24—26, 26—28; № 24. — С. 25—26.

бо неосторожно⁴⁹, то есть при умышленном причинении последствий опять-таки получается сочетание умысла с умыслом.

Сочетания умысла с умыслом и неосторожности с неосторожностью нельзя признать «смешанными формами вины». Такие сочетания не создают неоднородности психического отношения и не означают параллельного существования двух различных форм вины в одном преступлении. Деяние в целом является либо умышленным, либо неосторожным и не имеет какой-то психологической специфики.

В-третьих, излишне широкое толкование «смешанной формы вины» состоит в том, что в ее орбиту включается не только психическое отношение к деянию и его последствиям, но и отношение к любым обязательным либо квалифицирующим признакам состава преступления. Так, по мнению одного из ученых, «раздельное рассмотрение психического отношения субъекта необходимо и при применении некоторых институтов Общей части, например превышения пределов необходимой обороны (отношение к факту превышения пределов необходимой обороны; отношение к вреду, причиненному нападающему) и соучастия (отношение к факту пособничества или подстрекательства; отношение к последствию деяния, совершенного исполнителем)»⁵⁰. Из этой рекомендации вытекает, что убийство при превышении пределов необходимой обороны — это не умышленное преступление, о чем говорят место данной нормы в системе уголовного законодательства и содержание пункта «и» ст. 102 УК РСФСР, а преступление со «смешанной формой вины»; соучастие — это преступная деятельность, характеризующаяся не умыслом, а «смешанной формой вины». Этот ошибочный вывод стал возможным в результате того, что одно лишь интеллектуальное отношение к различным объективным обстоятельствам, составляющим предмет сознания при умысле, неправомерно рассматривается как сам умысел.

Заслуживает внимания попытка отдельных ученых дать еще более широкое толкование концепции «смешанной формы вины». Так, И. П. Портнов пытается распространить проблему сочетания двух разных форм вины, составляющую исток вопроса о «смешанной форме вины», на совокупность умышленного и неосторожного преступления. Такая позиция объективно близка к позиции сторонников широкого толкования «смешанной формы вины», хотя автор и отрицает существование третьей («смешанной») формы вины, кроме умысла и неосторожности⁵¹.

Наличие ряда недостатков в концепции широкого понимания «смешанной формы вины» дает некоторым ученым основание для отрицания самой идеи, лежащей в основе этой концепции.

Противники «смешанной формы вины» признают, что в ряде случаев можно и нужно выяснять отношение субъекта к самим действиям и их последствиям, но нельзя каждую из этих частей единого психического процесса выдавать за самостоятельную форму вины. Справедливо замечено, что «понятие вины не может определяться раздельно, а тем более различно в отношении преступных действий и их последствий. Это означало бы искусственный разрыв между действиями лица и причиняемым им вредным результатом, образующими в своем единстве общественно опасное посягательство»⁵². Противники «смешанной формы вины» упрекают ее сторонников в неправомерном отождествлении сознательного и волевого характера действий при неосторожном преступлении с умыслом как определенной уголовно-правовой категорией, в том, что сторонники рассматриваемой концепции нередко усматривают умысел в отношении действий, не являющихся преступными⁵³. Упрек этот вполне справедлив. Чрезмерно широкая трактовка рассматриваемой концепции позволяет применять ее к неоправданно широкому кругу преступлений, в том числе к «чисто» умышленным и даже к «чисто» неосторожным. Так, высказанное в литературе мнение о невозможности существования «смешанной формы вины» в неосторожных преступлениях⁵⁴ оспаривается некоторыми учеными, допускающими «смешанную форму вины» в некоторых неосторожных преступлениях. При этом одни усматривают «смешанную форму вины» в отдельных видах неосторожных преступлений, например в автотранспортных⁵⁵, а другие обосновывают ее наличие в различных типах неосторожных преступлений⁵⁶.

Распространение рассматриваемой концепции на «чисто» умышленные или на «чисто» неосторожные преступления неоправданно, поскольку ведет к стиранию качественных различий между умышленными и неосторожными преступлениями, а следовательно, к искажению воли законодателя.

В связи с вопросом о чрезмерно широкой трактовке «смешанной формы вины» интересно проанализировать различные точки зрения о содержании вины в преступном нарушении правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта (ст. 85 УК РСФСР).

⁴⁹ Сахаров А. Б. Ответственность за должностные злоупотребления... — С. 111—112. См. также: Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. — С. 91; Светлов А. Я. Указ. соч. — С. 64—68.

⁵⁰ См.: Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии... — С. 52; Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий. — С. 93.

⁵¹ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. — С. 174.

⁵² См.: Куринов Б. А. Квалификация транспортных преступлений. — С. 82 и след.; Лукьянов В. В. Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений. — М., 1979. — С. 60—61; Григорьев В. С точки зрения практики// Советская юстиция. — 1980. — № 22. — С. 29—30.

⁵³ См.: Дагель П. С. Пути совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступной неосторожностью. — С. 30—31.

⁴⁹ См.: Советское уголовное право. Часть Общая. — М., 1972. — С. 176.

⁵⁰ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — Примеч. 5 к с. 160.

⁵¹ См.: Портнов И. Двойная вина в практике применения закона// Советская юстиция. — 1980. — № 23. — С. 26—28.

Часть 1 ст. 85 УК РСФСР предусматривает причинение конкретных общественно опасных последствий, а ч. 2 этой статьи устанавливает ответственность за создание угрозы причинения последствий, перечисленных в части первой. Некоторые ученые считают создание реальной опасности причинения указанных в законе последствий разновидностью общественно опасных последствий⁵⁷, другие полагают, что эта возможность составляет свойство самого преступного действия⁵⁸, третьи утверждают, что «реальная возможность наступления преступных последствий является самостоятельным признаком объективной стороны»⁵⁹, то есть самостоятельным явлением наряду с последствиями. Наиболее обоснованной является первая точка зрения, а значит, состав преступления, предусмотренного частью 2 ст. 85 УК РСФСР, является материальным⁶⁰. Для уголовной ответственности необходимо наступление конкретного последствия: создание аварийной обстановки, т. е. ситуации, реально угрожающей несчастными случаями с людьми, крушением, аварией либо иными тяжкими последствиями. Без наступления аварийной ситуации нарушение соответствующих правил не имеет уголовно-правового значения и составляет дисциплинарный проступок.

Например, командир самолета вопреки действующим Правилам производства полетов посадил самолет без предварительного кругового облета аэродрома; но посадка произошла благополучно. Допущенное нарушение, как не повлекшее аварийной ситуации, не содержит состава преступления, поэтому не возникает и вопрос о вине. Но если бы при том же самом нарушении самолет выкатился на несколько десятков метров за пределы взлетно-посадочной полосы и тем самым создавалась бы аварийная обстановка (возможность опрокидывания самолета), то само нарушение правил посадки превратилось бы в преступное деяние, которое вместе с указанным в законе последствием (создание угрожающей ситуации) образует объективную сторону преступления. В составах преступления подобного типа содержание вины включает психическое отношение и к общественно опасному действию (бездействию), и к вызванному им последствию в виде создания реальной угрозы причинения конкретного вреда.

⁵⁷ См.: Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. — С. 24; Сахаров А. Б. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. — М., 1958. — С. 83.

⁵⁸ См.: Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. — М., 1955. — С. 40.

⁵⁹ Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. — Изд. Ростовского ун-та. — 1977. — С. 85.

⁶⁰ В этой связи необходимо отметить правильность мнения К. А. Камхадзе, который указывает на ошибочность причисления к числу формальных состава преступления, предусмотренного частью 1 ст. 140 УК РСФСР, поскольку он «подразумевает создание таких условий, которые в конкретной обстановке при своем закономерном развитии могли причинить определенный вред». — См.: Рецензия на сборник «Проблемы борьбы с преступной неосторожностью», Владивосток, 1981//Советское государство и право. — 1984. — № 3. — С. 148.

Однако многие ученые раскрывают содержание вины в данном преступлении по типу «смешанной формы». Одни авторы утверждают, что само нарушение правил движения и эксплуатации транспорта может быть как умышленным, так и неосторожным и при этом включают сюда косвенный умысел и преступную самонадеянность⁶¹, хотя они в отрыве от последствий существовать не могут по своей психологической сущности. Другие ученые считают, что правила движения и эксплуатации транспорта могут быть нарушены только с прямым умыслом или по неосторожности в виде преступной небрежности⁶². Психологически эта позиция более правильна, чем предыдущая, но она тоже вряд ли приемлема, так как основана на отождествлении вины с психическим отношением к непроступному действию (бездействию), хотя это отношение не является виной в уголовно-правовом понимании. Психическое отношение к последствиям, по мнению одних сторонников «смешанной формы вины», может характеризоваться любым из четырех видов вины⁶³, другие исключают лишь прямой умысел⁶⁴, третьи полагают, что общим правилом является неосторожность, но может быть и умысел⁶⁵.

Таким образом, применение концепции «смешанной формы вины» к преступному нарушению правил движения и эксплуатации транспорта порождает несколько конструкций субъективной стороны данного преступления и не дает однозначного ответа на вопрос об умышленном либо неосторожном его характере. Не случайно такой подход к анализу вины в этом преступлении подвергается справедливой критике. Оппоненты подчеркивают, что нарушение работником транспорта соответствующих правил приобретает уголовно-правовое значение лишь в случае фактического наступления либо создания реальной возможности наступления последствий, указанных в ч. 1 ст. 85 УК РСФСР, поэтому решающим для определения формы вины является психическое отношение именно к этому результату⁶⁶. Считая, что это отношение может быть как умышленным, так и неосторожным, авторы делают вывод, что преступление, предусмотренное статьей 85 УК РСФСР, может совершаться с любой формой вины. Этот вывод спорен. Не случайно многие сторонники признания в данном преступлении

⁶¹ См.: Ответственность за государственные преступления. Часть II. — М., 1965. — С. 261; Уголовное право. Часть Особенная. — М., 1966. — С. 97; Советское уголовное право. Часть Особенная. — М., 1973. — С. 120; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. — М., 1980. — С. 163.

⁶² См.: Курс советского уголовного права. Т. 4. — М., 1970. — С. 204, 205.

⁶³ См. там же. — С. 205—207; Ответственность за государственные преступления. Часть II. — С. 262; Уголовное право. Часть Особенная. — 1966. — С. 97—99 (за исключением небрежности к последствиям применительно к ч. 2 ст. 85 УК РСФСР).

⁶⁴ См.: Советское уголовное право. Часть Особенная. — 1973. — С. 120.

⁶⁵ См.: Уголовное право. Часть Особенная. — М., 1968. — С. 108—109; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. — М., 1980. — С. 163.

⁶⁶ См.: Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3. — ЛГУ, 1973. — С. 321—322.

тупления обеих форм вины вынуждены делать различные оговорки.

Так, в одном из учебников уточняется, что при совершении этого преступления возможен лишь косвенный умысел, а наличие прямого умысла на уничтожение или повреждение транспорта и транспортных средств влечет иную квалификацию (например, по ст. 86 УК РСФСР)⁶⁷. Такая оговорка не вытекает из закона. Прямой и косвенный умысел представляют виды одной и той же формы вины и уголовная ответственность не дифференцируется в зависимости от вида умысла. Поэтому деяния, объективно направленные на один и тот же объект, должны квалифицироваться одинаково независимо от вида умысла.

Вторая оговорка касается уже не вида умысла, а характера наступивших последствий. Как считают некоторые ученые, составом преступления, предусмотренного статьей 85 УК РСФСР, охватываются самые различные по характеру и тяжести последствия, кроме человеческих жертв. Наступление таковых при наличии умысла, в том числе и косвенного, влечет дополнительную квалификацию по ст. 102 или по ст. 103 УК РСФСР⁶⁸. Вряд ли авторы правы, выводя за рамки анализируемого состава преступления умышленное причинение только смерти. Ведь фактическое причинение не только смерти, но любых последствий, перечисленных в ч. 1 ст. 85 УК РСФСР, объективно выходит за рамки посягательства только на безопасность движения и эксплуатации транспорта. Реальный вред причиняется и другим объектам — социалистической собственности, личности и пр. Этот вред охватывается рамками данного состава только при неосторожном его причинении, причем играет роль квалифицирующего признака. И если при наличии умысла на лишение жизни необходимо дополнительное вменение умышленного убийства (что вполне справедливо), то точно так же необходимо дополнительное вменение любого другого умышленного преступления, если имелся умысел на соответствующий объект при нарушении правил движения и эксплуатации транспорта.

Умышленное причинение последствий в виде крушения, аварии (и даже умышленное создание угрозы их наступления) представляет более опасное преступление, влекущее более строгое наказание по ст. 86, чем по ст. 85 УК РСФСР. Умышленное же причинение смерти людям (п.п. «д» и «з» ст. 102 УК РСФСР) называется значительно строже, чем по ст. 85 УК РСФСР. Это свидетельствует о том, что при описании преступления, предусмотренного в ст. 85 УК РСФСР, законодатель имел в виду только неосторожное причинение перечисленных в этой статье последствий.

В связи с вопросом о субъективной стороне рассматриваемого преступления представляет интерес позиция Судебной коллегии

⁶⁷ См.: Советское уголовное право. Часть Особенная. — 1973. — С. 120—121.

⁶⁸ См.: Уголовное право. Часть Особенная. — 1968. — С. 109; Советское уголовное право. Часть Особенная. — М., 1979. — С. 76.

по уголовным делам Верховного Суда СССР, изложенная в разъяснении относительно практики применения ст. 218 УК УССР. Данная норма имеет тот же тип конструкции, что и ст. 85 УК РСФСР: простой состав нарушения правил безопасности горных работ (ч. 1 ст. 218 УК УССР) предполагает последствия в виде заведомой угрозы причинения тяжкого вреда, а квалифицированный состав (ч. 2 ст. 218 УК УССР) включает фактическое наступление указанных в законе последствий. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР разъяснила, что «преступления, предусмотренные первой и второй частью ст. 218 УК УССР, по своему характеру являются аналогичными и различаются лишь по степени общественной опасности. Для обоих этих преступлений характерна неосторожная форма вины»⁶⁹. Далее в разъяснении сказано, что при нарушении правил безопасности горных работ возможны и умышленное причинение вреда здоровью людей, человеческие жертвы или иные тяжкие последствия, но подобные действия не охватываются ст. 218 УК УССР и в зависимости от направленности умысла подлежат квалификации по статьям закона, предусматривающим ответственность за соответствующие умышленные преступления⁷⁰.

Имея одинаковую со ст. 218 УК УССР юридическую конструкцию, ст. 85 УК РСФСР предусматривает преступление с точно таким же субъективным содержанием. Это содержание составляет неосторожность, а вовсе не «смешанная форма вины», поэтому умышленное причинение любых квалифицирующих последствий создает совокупность соответствующего умышленного преступления (ст. 86 или ст. 102 УК РСФСР) и преступного нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Чрезмерно широкая трактовка концепции «смешанной формы вины» может вызвать на практике серьезные трудности. Тем не менее вряд ли есть веские основания для абсолютного отрицания этой концепции. Как было отмечено в Национальном докладе СССР на московском коллоквиуме международной ассоциации уголовного права, состоявшемся 20—22 декабря 1977 г., проблема «смешанной вины» вполне реальна, а ее постановка правомерна, однако ее непозволительно широкая трактовка дискредитирует саму идею⁷¹.

Реальная основа для существования «смешанной формы вины» заложена в своеобразной законодательной конструкции отдельных составов преступлений. Это своеобразие состоит в том, что законодатель как бы сливает в один состав, т. е. юридически объединяет, два самостоятельных преступления, одно из которых является умышленным, а другое неосторожным, причем оба могут существовать самостоятельно, но в сочетании друг с другом образуют качественно иное преступление со специфическим субъек-

⁶⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1979. — № 6. — С. 27.

⁷⁰ См.: Там же. — С. 27—28.

⁷¹ См.: Ключков В. В. Преступная неосторожность (уголовно-правовые, криминологические и исправительно-трудовые аспекты) — М., 1977. — С. 8.

активным содержанием. Составляющие части такого преступления обычно посягают на разные непосредственные объекты, но могут посягать и на один (например, незаконное производство аборта, причинившее тяжкие телесные повреждения потерпевшей). Важно заметить, что каждая из составляющих частей не утрачивает своего преступного характера и при раздельном существовании. Не считая это условие обязательным, сторонники широкого толкования «смешанной формы вины» нередко конструируют умысел по отношению к действиям, не являющимся преступными, отрывая их от последствий. Подобная конструкция умысла не соответствует его законодательному описанию. Такое несоответствие служит некоторым ученым основанием для вывода, будто «смешанная форма вины» включает лишь отдельные элементы умысла и неосторожности и представляет собой «единый по форме и содержанию психологический акт, состоящий из относительно самостоятельных компонентов»⁷², т. е. является третьей, самостоятельной формой вины, занимающей промежуточное положение между умыслом и неосторожностью. Такая оценка юридической природы «смешанной формы вины» не соответствует ни закону, знающему лишь две формы вины, ни судебной практике, которая знает только умышленные или только неосторожные преступления.

Идея раздельного анализа психического отношения к деянию и к его последствиям плодотворна лишь в том случае, если сами действия (бездействие) являются преступными, а последствия являются квалифицирующим признаком состава преступления. При таких условиях раздельный анализ виновного отношения к деянию и его квалифицирующим последствиям позволяет очертить круг юридически значимых обстоятельств, вменяемых субъекту, и тем самым гарантирует от объективного вменения, но никоим образом не создает третьей формы вины. В юридической литературе отмечалось, что умысел и неосторожность не сливаются в качественно новую форму вины, и указывалось на неточность, условность термина «смешанная форма вины». Взамен предлагались термины «двойная форма вины», «сложная форма вины». Однако, как и термин «смешанная форма вины», эти названия говорят об определенной форме вины, т. е. вопреки желанию их создателей подразумевают все-таки какую-то третью ее форму, отличную от умысла и неосторожности.

Вряд ли есть смысл искать подходящий термин для обозначения виновного отношения субъекта к составным частям преступления с отмеченной спецификой в его законодательной конструкции. Эта специфика характеризует в первую очередь объективную сторону преступления, а его субъективные особенности производны от особых свойств объективной стороны: сосуществование двух различных форм вины обусловлено наличием двух самостоятельных предметов виновного отношения субъекта. Каждая из форм вины, сочетающихся в одном преступлении, полностью

⁷² Горбуза А. Д. Указ. автореф. — С. 10. См. также: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 164.

сохраняет свое качественное своеобразие. Поэтому правильное говорить не о смешанной, двойной или сложной форме вины, а о преступлениях с двумя формами вины. Таких преступлений в уголовном законодательстве немного, и все они сконструированы по одному из следующих двух типов.

Первый тип образуют преступления с двумя указанными в законе и имеющими неодинаковое юридическое значение последствиями. Речь идет о квалифицированных видах преступлений с материальным составом, где квалифицирующим признаком является более тяжкое последствие, чем последствие, входящее в объективную сторону основного состава этого преступления. Характерно, что квалифицирующее последствие заключается в причинении вреда другому, а не тому непосредственному объекту, на который посягает простой вид данного преступления. Например, умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего (ч. 2 ст. 108 УК РСФСР); умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, повлекшее человеческие жертвы (ч. 2 ст. 98 УК РСФСР), а также другие преступления подобной конструкции характеризуются умышленным причинением обязательного последствия и неосторожным отношением к квалифицирующим последствиям.

Второй тип преступлений с двумя формами вины характеризуется неоднородным психическим отношением к действию или бездействию, носящему преступный характер независимо от последствий, и к квалифицирующим последствиям; состоящим в причинении вреда, как правило, дополнительному объекту, а не тому, который поставлен под уголовно-правовую охрану основным составом данного преступления. К этой группе относятся квалифицированные виды преступлений с формальным составом, в которых усиление наказания обусловлено наступлением определенных тяжких последствий. Эти последствия могут указываться в законе либо в конкретной форме (ч. 3 ст. 116, ч. 3 ст. 213² УК РСФСР), либо оцениваться с точки зрения тяжести (особо тяжкие — ч. 4 ст. 117, тяжкие — ч. 2 ст. 177 УК РСФСР). В составах этого типа умышленное совершение преступных действий (бездействия) сочетается с неосторожным отношением к квалифицирующим последствиям.

В заключение рассмотрения вопроса о преступлениях с двумя формами вины можно сделать следующие выводы:

- 1) они характеризуются сочетанием двух различных форм вины, т. е. умысла и неосторожности;
- 2) эти формы вины устанавливаются по отношению к различным юридически значимым признакам общественно опасного деяния;
- 3) в преступлениях с двумя формами вины неосторожным может быть отношение только к квалифицирующим последствиям, а значит —
- 4) две формы вины могут существовать только в квалифицированных составах преступлений;

5) преступления с двумя формами вины в целом являются умысленными, что определяется умысленной формой вины в основном составе преступления.

Некоторые ученые иногда пытаются трактовать «смешанную форму вины» как неоднородное отношение, с одной стороны, к деянию, а с другой стороны, не к последствию, а к иным признакам состава преступления, например к признаку особой жестокости при умысленном убийстве⁷³, к несовершеннолетнему потерпевших при изнасиловании или при вовлечении в преступную деятельность. В подобных конструкциях «умысел» в обоих его видах и оба вида «неосторожности» выводятся из психического отношения субъекта к самым различным признакам, характеризующим объект, способ, обстановку совершения преступления и т. п.⁷⁴ К сожалению, для подобных теоретических конструкций имеются некоторые основания в двух руководящих постановлениях Пленума Верховного Суда СССР. Так, в постановлении от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» сказано, что за изнасилование несовершеннолетней несет ответственность «лицо, которое знало или допускало, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней, либо могло и должно было это предвидеть»⁷⁵. Аналогичное разъяснение содержится в п. 9 постановления от 3 декабря 1976 г. «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную или иную антиобщественную деятельность», в соответствии с которым «уголовная ответственность наступает как при условии осведомленности взрослого о несовершеннолетнем возрасте вовлекаемого лица, так и в тех случаях, когда по обстоятельствам дела он мог и должен был предвидеть это»⁷⁶.

Изложенная позиция Верховного Суда СССР не соответствует теоретическому понятию и психологической сущности вины, а также законодательному описанию умысла и неосторожности, поэтому она подвергается обоснованной критике со стороны советских ученых. «Формы вины характеризуют отношение виновного к деянию и вредным последствиям в целом, то есть в целом к совершенному преступлению. Поэтому они не могут рассматриваться только по отношению к одному из признаков, который характеризует какой-либо из элементов состава преступления»⁷⁷. Все объ-

⁷³ Воробьева Т., Санталов А. Квалификация убийства с особой жестокостью // Советская юстиция. — 1986. — № 11. — С. 13; Бородин С. Значение субъективной стороны убийства с особой жестокостью для его квалификации // Социалистическая законность. — 1986. — № 8. — С. 47—48.

⁷⁴ См.: Кириченко В. Смешанные формы вины. — С. 14; Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. — 1976. — С. 129; Горбуза А., Сухарев Е. О вменении при умысленной вине обстоятельств, допущенных по неосторожности // Советская юстиция. — 1982. — № 18. — С. 8.

⁷⁵ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Ч. 2. — М., 1978. — С. 197.

⁷⁶ Там же. — С. 302.

⁷⁷ Светлов А. Я. Указ. соч. — С. 68. См. также: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. — С. 174—175.

ективные признаки преступления, за исключением последствий, сознаются либо не сознаются субъектом, т. е. составляют предмет интеллектуального, а не волевого отношения, а само это отношение не является ни умыслом, ни неосторожностью. Поэтому конструирование «смешанной формы вины» на основе неоднородности психического отношения к чему-либо, кроме последствий, теоретически несостоятельно. Тем более неприемлемо построение неосторожной вины по отношению к такому признаку, как особые свойства объекта (возраст потерпевших в преступлениях, предусмотренных ч.ч. 3 и 4 ст. 117 и ст. 210 УК РСФСР). Совершенно прав ученый, указывающий на то, что в умысленных преступлениях неосторожная вина может быть только по отношению к последствиям, отягчающим ответственность, а «иные квалифицирующие обстоятельства» умысленного преступления могут вменяться в вину только тогда, когда преступник заведомо знал о наличии этих обстоятельств»⁷⁸. Нельзя возразить и Г. А. Кригеру, отвергавшему возможность вменения при совершении умысленных преступлений таких обстоятельств, о которых лицо не знало, но могло и должно было знать. Свою позицию он обосновывал следующим образом: «Поскольку умысленное деяние предполагает осознание лицом общественно опасного характера своих действий, то, видимо, все обстоятельства, влияющие на характер общественной опасности, должны быть известны лицу»⁷⁹. И в самом деле, никакое преступление не может быть признано умысленным, если субъект не знает характера объекта либо тех обстоятельств объективной стороны, которые существенно влияют на характер и степень общественной опасности деяния. Ведь по законодательному определению умысел характеризуется сознанием общественно опасного характера совершаемого деяния. Применительно к квалифицированным составам данное требование означает сознание повышенной общественной опасности деяния, а это предполагает обязательное знание субъектом тех фактических обстоятельств, которые как раз и повышают степень опасности совершаемого преступления. Не случайно Верховный Суд СССР обычно считает необходимым компонентом умысленной преступной деятельности знание не только основных, но и квалифицирующих обстоятельств. Так, Гасанов был осужден за пособничество в получении взятки, связанной с вымогательством. Указав на отсутствие в деле доказательств того, что Гасанов знал о вымогательстве взятки исполнителем этого преступления, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР приговор изменила и переквалифицировала действия Гасанова на статью о пособничестве в получении взятки без отягчающих обстоятельств. При этом коллегия указала, что «квалифицирующие обстоятельства, отягчающие

⁷⁸ Угрехелидзе М. Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. — С. 94.

⁷⁹ Кригер Г. Ещё раз о смешанной форме вины // Советская юстиция. — 1967. — № 3. — С. 7. См. также: Кригер Г. Определение формы вины // Советская юстиция. — 1979. — № 20. — С. 6.

преступление, о которых не было известно пособнику, не могут быть вменены ему в ответственность»⁸⁰.

Изложенное в этом определении правило о недопустимости вменения отягчающих обстоятельств без их достоверного знания относится не только к пособнику, но и к исполнителю. Точно так же недопустимо вменение отягчающих обстоятельств индивидуально действующему субъекту, если ему не было известно о наличии этих обстоятельств.

Итак, квалифицирующие последствия умышленного преступления охватываются составом этого преступления только при неосторожном отношении к ним, если они состоят в причинении вреда другому непосредственному объекту, а не тому, который является элементом основного состава данного преступления. Например, по ч. 4 ст. 117 УК РСФСР квалифицируется изнасилование, связанное с причинением особо тяжких последствий, только при неосторожном отношении к смерти или тяжким телесным повреждениям, поскольку они выходят за рамки непосредственно объекта изнасилования. Если же эти последствия причиняются умышленно, то деяние должно квалифицироваться по совокупности ч. 4 ст. 117 и п. «е» ст. 102 либо ст. 108 УК РСФСР. Если же квалифицирующее последствие лежит в рамках того объекта, для защиты которого создана данная уголовно-правовая норма, то вопрос о двух формах вины не возникает, поскольку для квалификации не имеет значения, с какой формой вины причинены последствия.

Все прочие, помимо последствий, квалифицирующие обстоятельства, характеризующие особые свойства объекта или объективной стороны, вменяются лишь при условии, что виновному было известно о наличии этих обстоятельств.

§ 4. Вина в преступлениях с двумя объектами

Большинство описанных в уголовном законодательстве преступлений состоит в посягательстве на один объект. Но в жизни создается немало ситуаций, в которых вред причиняется не одному, а двум или даже большему числу объектов. Это возможно не только при совокупности преступлений, но также в квалифицированных составах ряда единичных преступлений и даже в рамках одного основного состава преступления. Например, террористический акт посягает не только на политическую систему СССР, но и на жизнь либо здоровье потерпевшего, а разбойное нападение с целью завладения личным имуществом означает одновременное посягательство на личную собственность и на здоровье потерпевшего.

⁸⁰ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1979. — № 2. — С. 22.

⁸¹ На это не раз обращалось внимание советскими учеными. См., например: Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. — С. 126; Гаджиев Х. Квалификация изнасилования, повлекшего особо тяжкие последствия // Советская юстиция. — 1986. — № 15. — С. 20.

В настоящем параграфе не затрагивается вопрос о содержании вины при совокупности преступлений, поскольку она представляет вид множественности самостоятельных преступлений и может характеризоваться самыми различными сочетаниями: умышленных преступлений с умышленными, неосторожных — с неосторожными и умышленных — с неосторожными. Вне рассмотрения остается и субъективная сторона посягательства на два объекта в рамках квалифицированных составов умышленных преступлений, поскольку эта проблема сводится к вопросу о форме вины относительно квалифицирующих последствий и была освещена в предыдущем параграфе. Здесь же речь будет идти о содержании вины при посягательстве на два объекта в рамках одного (не квалифицированного, а основного) состава преступления. Естественно, что в этом плане интерес представляют лишь те преступления, которые законодателем рассматриваются как умышленные, ибо в неосторожных преступлениях возможно только неосторожное причинение вреда обоим объектам (например, составы преступлений, предусмотренные статьями 99 и 150 УК РСФСР, характеризуются неосторожным отношением как к имущественному вреду, так и к гибели людей).

Объективная способность некоторых преступлений причинять вред сразу двум или нескольким общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, породила в теории уголовного права концепцию множественности объектов в единичном преступлении. Мысль о необходимости различать основной и дополнительный объекты в некоторых преступлениях была высказана в советской юридической литературе еще в 1948 г.⁸², а затем воспринята и развита многими советскими криминалистами. Концепция множественности объектов в преступлении наиболее глубоко разработана и аргументирована Е. А. Фроловым и Н. И. Коржанским. В основе рассматриваемой концепции лежит идея о необходимости «среди нескольких непосредственных объектов, одновременно нарушаемых преступлением ... различать основной, дополнительный и факультативный объекты уголовно-правовой охраны»⁸³.

Под основным объектом Е. А. Фролов понимал «то общественное отношение, тот интерес, который законодатель, создавая данную норму, в первую очередь стремился поставить под охрану уголовного закона»⁸⁴. Характерными чертами основного объекта, по его мнению, является то, что он, во-первых, должен относиться к той же сфере общественных отношений, что и родовой объект охраны, во-вторых, всегда, во всех без исключения случаях совер-

⁸² См.: Розенберг Д. Н. О понятия имущественных преступлений в советском уголовном праве // Ученые записки. Вып. 3. — Харьков, 1948.

⁸³ Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов. — Свердловск, 1969; Он же: Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — Свердловск, 1971. — С. 24.

⁸⁴ Фролов Е. А. Указ автореф. — С. 24.

шения данного преступления нарушается или ставится в реальную опасность нарушения и, в-третьих, прежде всего имелся в виду законодателем при создании нормы, которая и создавалась для его охраны в первую очередь⁸⁵. Дополняя характеристику основного объекта, Н. И. Коржанский считает необходимым указать, что «основным объектом преступления являются те общественные отношения, изменение которых составляет социальную сущность данного преступления и в целях охраны которых издана уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за его совершение»⁸⁶.

Дополнительный объект в двуобъектном преступлении Е. А. Фроловым определяется как «такие общественные отношения, которые, в принципе заслуживая самостоятельную уголовно-правовую защиты, применительно к целям и задачам издания данной нормы защищаются уголовным законом лишь попутно, поскольку эти отношения неизбежно ставятся в опасность причинения вреда при совершении посягательства на основной объект»⁸⁷. Как и основной, дополнительный объект всегда, т. е. неизбежно, подвергается нарушению, но, в отличие от основного объекта, он лежит в плоскости иного родового объекта и при создании данной нормы имелся в виду законодателем не в первую очередь, а ставился под защиту уголовного закона лишь попутно с главным объектом. Посягательство на дополнительный объект не составляет социальной сущности данного преступления, хотя оно и ущемляет его наряду с основным объектом⁸⁸.

Так, при разбойном нападении с целью завладения государственным имуществом основным, главным непосредственным объектом, который определяет социальную сущность этого преступления и место посвященной ему нормы в системе уголовного законодательства, являющихся отношения государственной собственности. Этот объект лежит в той же плоскости, что и родовый объект (отношения социалистической собственности). Он определяет социальную сущность разбоя и место посвященной ему нормы (ст. 91 УК РСФСР) в системе уголовного законодательства, то есть в главе Уголовного кодекса о преступлениях против социалистической собственности. Вторым же, дополнительным объектом данного преступления является здоровье лица, подвергшегося нападению. Этот объект не находится в сфере общественных отношений, составляющих родовый объект. Посягательство на него не составляет социальной сущности разбоя, но, будучи способом посягательства на основной объект, неизбежно сопутствует любому разбойному нападению.

Под факультативным объектом принято понимать «такое общественное отношение, которое при совершении данного преступ-

ления довольно часто, хотя и не обязательно, ставится под угрозу причинения вреда»⁸⁹, его нарушение «является более или менее **типичным** для этого вида преступного поведения», а его наличие «влияет лишь на индивидуализацию наказания, но не меняет квалификации содеянного»⁹⁰.

Например, хулиганские действия могут сопровождаться применением насилия к гражданам или повреждением имущества. В этих случаях помимо основного объекта (общественный порядок) страдает и какой-нибудь из факультативных объектов (здоровье, честь, достоинство или личная неприкосновенность граждан, государственная, общественная либо личная собственность), что не может не влиять на степень общественной опасности преступления. «Выделение факультативного объекта необходимо потому, что он не является обязательным признаком состава и не всегда указан в квалифицирующих признаках. Однако очевидно, что причинение вреда, кроме основного объекта, еще и факультативному значительно повышает общественную опасность деяния. Это обстоятельство должно учитываться судом при назначении вида и размера наказания»⁹¹.

Теория различения основного, дополнительного и факультативного объектов признается далеко не всеми учеными. Так, один из них, возражая против вычленения дополнительных объектов, предлагает из числа нарушенных общественных отношений выделять в качестве непосредственного объекта только одно, «в зависимости либо от сравнительной важности защищаемых отношений, либо от направленности воли виновного», а если это сделать невозможно, то оба отношения признавать равноценными непосредственными объектами⁹². Из приведенных рассуждений видно, что автор признает объективную возможность существования преступлений, посягающих на неодинаковые по характеру и важности общественные отношения. Что же касается его предложений, то ни одно из них не может быть принято. Выделение в качестве непосредственного объекта только одного из двух нарушенных общественных отношений означало бы игнорирование объективной направленности преступления на два **различных** общественных отношения. А признание обоих нарушенных общественных отношений равноценными непосредственными объектами существенно затруднило бы определение места уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за это преступление, в системе уголовного законодательства.

Предложение выделять факультативные объекты в должностных преступлениях также подвергается резкой критике со стороны некоторых ученых, которые свои возражения против выделения факультативного объекта (блага личности) в составах зло-

⁸⁵ См.: Фролов Е. А. Указ. автореф. — С. 25.

⁸⁶ Коржанский Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений. — Волгоград, 1976. — С. 30.

⁸⁷ Фролов Е. А. Указ. автореф. — С. 25.

⁸⁸ См.: Коржанский Н. И. Указ. соч. — С. 30—31.

⁸⁹ Фролов Е. А. Указ. автореф. — С. 27.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Коржанский Н. И. Указ. соч. — С. 32.

⁹² Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. I. — ЛГУ. — С. 299—300.

употребления служебным положением и халатности аргументируют следующим образом:

«Указание на блага личности как на факультативный объект означает, что не всегда злоупотребление служебным положением и халатность причиняют ущерб этим благам, и следовательно, такой ущерб следует полагать возможным последствием отдельных случаев злоупотребления и халатности.

...В качестве непосредственного объекта следует считать лишь те общественные отношения, которым все конкретные деяния данного вида причиняют ущерб»⁹³.

Приведенная аргументация свидетельствует о недостаточной четкости при разграничении дополнительных и факультативных объектов, которая наблюдается не только у противников, но порой и у сторонников разделения объектов на основной, дополнительный и факультативный⁹⁴. Дело в том, что факультативным является лишь тот объект, причинение вреда которому является более или менее типичным, но не обязательным и поэтому не предусмотрено диспозицией уголовно-правовой нормы. Если же причинение ущерба объекту включено в объективную сторону состава преступления как обязательный признак, то этот объект является либо основным, либо дополнительным. Применительно к ст.ст. 170—172 УК РСФСР можно говорить о наличии наряду с основным не факультативного, а дополнительного объекта. Особенность составов этих преступлений состоит в том, что в качестве последствий альтернативно предусматривается возможность причинения существенного вреда: 1) государственным интересам, 2) общественным интересам, 3) законным правам и интересам граждан. Ущемление любого из этих альтернативно обозначенных дополнительных объектов — необходимое условие ответственности по ст.ст. 170—172 УК РСФСР.

Необходимость классификации объектов уголовно-правовой охраны на основные, дополнительные и факультативные обусловлена объективным существованием преступлений, посягающих на два или более различных общественных отношений, социальная ценность и юридическое значение которых не одинаковы. Практическое значение такой классификации состоит в том, что она: 1) позволяет определить место соответствующей уголовно-правовой нормы в системе уголовного законодательства; 2) помогает отграничить единичное многообъектное преступление от совокупности преступлений; 3) служит одним из средств индивидуализации уголовной ответственности и наказания в зависимости от характера и тяжести ущерба, причиненного дополнительному или факультативному объекту.

Причинение вреда любому охраняемому уголовным законом благу, будь то основной, дополнительный или факультативный

объект, может инкриминироваться субъекту лишь при виновном его отношении к этому вреду. Поэтому «с проблемой объекта преступления тесно связано учение о вине в уголовном праве»⁹⁵. Применительно к многообъектным преступлениям анализ субъективной стороны предполагает выяснение характера виновного отношения действующего лица к причинению ущерба не только основному, но также дополнительному и факультативному объектам. Ответ на этот вопрос зависит от способа законодательного описания многообъектного преступления, от служебной роли дополнительного объекта и от характера его связи с основным объектом.

Можно выделить три типа структуры составов преступлений с основным и дополнительными объектами.

Первая структура состава двуобъектного преступления характеризуется настолько неразрывной связью между основным и дополнительными объектами, что раздельное посягательство на них в рамках состава преступления данной структуры практически невозможно. Посягая на основной объект, виновный сознает, что тем самым он совершает посягательство и на второй, дополнительный, объект преступления. В качестве примеров таких преступлений можно назвать террористические акты (ст.ст. 66, 67 УК РСФСР) либо преступные посягательства на лиц, выполняющих служебные или общественные обязанности по охране общественного порядка (ст.ст. 191—192¹ УК РСФСР). Во всех таких случаях потерпевший выступает одновременно в двух качествах: и как официальное и как частное лицо. Но эти две различные социальные характеристики совмещаются в одном физическом лице, в одном человеке, поэтому любое личное благо такого человека (жизнь, здоровье, личное достоинство, телесная неприкосновенность и т. д.) страдает сразу в двух качествах. Например, посягая на жизнь иностранного дипломата, виновный отлично понимает, что в результате его преступных действий этот дипломат погибнет не только как официальный представитель иностранного государства, но и просто как человек, который является гражданином какой-то страны, мужем какой-то женщины, отцом своих детей и т. д., то есть частное лицо. Поэтому, если лицо путем террористического акта (ч. 1 ст. 67 УК РСФСР) посягает на основы мирных отношений между СССР и другими странами, то оно тем самым посягает и на жизнь человека, которая и составляет дополнительный объект террористического акта против представителя иностранного государства. Точно так же виновный, посягающий на политическую систему СССР путем террористического акта (ч. 1 ст. 66 УК РСФСР), одновременно посягает и на жизнь человека, составляющую дополнительный объект данного преступления и находящуюся в неразрывной связи с основным объектом.

⁹³ Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 4. — ЛГУ, 1978. — С. 223.

⁹⁴ См.: Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. — С. 12—13; Коржанский Н. И. Указ. соч. — С. 97.

⁹⁵ Глистин В. К. Проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений. — ЛГУ, 1979. — С. 124. См. также Никифоров Б. С. Объект преступления. — М., 1960. — С. 191; Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. — С. 216.

Аналогичную структуру имеют составы двуобъектных преступлений против жизни, здоровья, чести и достоинства лиц, выполняющих обязанности по охране общественного порядка (ст.ст. 191—192 УК РСФСР). Причинение этими преступлениями вреда двум различным объектам признается почти всеми учеными, однако некоторые из них считают это недостаточным для признания преступления двуобъектным. Они полагают, что из двух нарушенных преступлением общественных отношений непосредственным объектом следует признавать лишь «основную охраняемую ими социальную ценность, в то время как нарушение других, менее значительных общественных отношений должно учитываться при построении санкции за нарушение соответствующей уголовно-правовой нормы»⁹⁶. С такой позицией согласиться нельзя. Выбирая из двух нарушенных общественных отношений основное по признаку сравнительной ценности, П. П. Осипов приходит к выводу о том, что единственным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 191² УК РСФСР, является «жизнь работников милиции и народных дружинников как субъектов управленческой деятельности в сфере охраны общественного порядка»⁹⁷. Такой вывод ошибочен, так как не соответствует месту ст. 191² в системе УК РСФСР. Правильнее считать основным непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст.ст. 191—192 УК РСФСР, нормальную деятельность перечисленных в законе лиц по охране общественного порядка, а дополнительными объектами конкретных составов преступлений — жизнь, здоровье, честь и достоинство этих лиц.

Особенность субъективной стороны двуобъектных преступлений с рассматриваемой структурой состава заключается в том, что умыслом виновного охватывается посягательство не только на основной, но и на дополнительный объект. Интеллектуальный элемент умысла включает сознание общественно опасного характера деяния, направленного сразу на два неразделимо связанных друг с другом объекта, и предвидение неизбежности одновременно причинения ущерба обоим объектам. Волевой элемент умысла заключается в желании посягнуть на оба объекта (основной и дополнительный) посредством причинения единого, общего для обоих объектов общественно опасного последствия.

Вторая структура состава двуобъектного преступления тоже отличается неразрывной связью основного и дополнительного объектов. Но если в составах преступлений первой структуры эта связь обусловлена тем, что оба объекта совмещаются в одном потерпевшем, то в составах преступлений со структурой второго типа причинение вреда дополнительному объекту служит способом посягательства на основной объект. В реальной жизни вполне возможно раздельное посягательство на каждый из этих объектов, и любое из таких посягательств образует состав самостоя-

тельного преступления. Но, соединившись вместе, оба посягательства образуют качественно новый, специфический состав преступления, в котором причинение вреда одному из объектов составляет цель деяния и характеризует его сущность, а нарушение второго объекта служит средством посягательства на главный объект. «Во многих случаях причинение вреда дополнительному объекту является способом, составной частью причинения вреда основному объекту ... иногда вред основному объекту может быть причинен только путем причинения вреда дополнительному объекту»⁹⁸.

Примером рассматриваемой структуры состава может служить разбой либо насильственный грабёж, при которых сущность преступления, его смысл и цель составляет посягательство на отношения социалистической или личной собственности (основной объект), а посягательство на неприкосновенность и здоровье личности (дополнительный объект) является способом, средством осуществления главного, основного замысла. Аналогична ситуация при спекуляции и при обмане покупателей и заказчиков, при которых ущемление имущественных интересов покупателя или заказчика (дополнительный объект) служит способом посягательства на основной объект (правильное функционирование советской торговли). Во всех этих и других преступлениях с подобной структурой состава умысел виновного включает не только сознание характера основного объекта и предвидение того ущерба, который будет ему причинен, но также и сознание того, что избранный способ совершения деяния неизбежно связан с причинением ущерба и второму, дополнительному объекту. Желание виновного распространяется не только на причинение вреда основному объекту, но и на выбор способа деяния, следовательно, на причинение вреда дополнительному объекту. Значит, в двуобъектных преступлениях с рассматриваемой структурой состава умыслом виновного охватывается одновременное посягательство на два объекта.

Рассмотренные типы структуры составов двуобъектных преступлений характеризуются неразрывной связью основного и дополнительного объектов, хотя характер этой связи различен в первой и второй структурах. В обоих этих типах структуры двуобъектных преступлений субъективная сторона характеризуется единым умыслом, предметное содержание которого составляет характер обоих объектов и объективная форма одновременного посягательства на них.

Третья структура состава двуобъектного преступления отличается от двух первых отсутствием той нераздельности основного и дополнительного объектов, которая присуща составам преступлений первых двух типов.

В этой структуре состава преступления ущерб дополнительному объекту рассматривается законодателем как необходимое

⁹⁶ Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 4. — ЛГУ. — С. 449.

⁹⁷ Там же. — С. 461.

⁹⁸ Коржанский Н. И. Указ. соч. — С. 94.

условие наступления уголовной ответственности за умышленное посягательство на основной объект. Именно причинение вреда дополнительному объекту делает уголовно наказуемым деянием посягательство на основной объект, которое в иных случаях представляет должностной проступок либо административное правонарушение. К числу двуобъектных преступлений с такой структурой состава можно отнести злоупотребление властью или служебным положением (ст. 170 УК РСФСР), превышение власти или служебных полномочий (ст. 171 УК РСФСР) и самоуправство (ст. 200 УК РСФСР).

При описании названных должностных преступлений в законе говорится об умышленном характере самих действий должностного лица, состоящих в использовании служебного положения вопреки интересам службы или явно выходящих за пределы прав и должностных полномочий; то есть об умышленном характере посягательства на основной объект (правильную деятельность советского государственного аппарата). Что касается посягательства на дополнительный объект (государственные или общественные интересы, законные права и интересы граждан), то в законе нет никаких указаний на форму вины. Такой способ описания данных преступлений вызвал серьезные разногласия в вопросе о форме вины при их совершении. Одни ученые утверждают, что отношение к указанным в законе последствиям может выражаться только в прямом умысле⁹⁹, другие полагают, что субъективная сторона должностного злоупотребления характеризуется «смешанной формой вины»¹⁰⁰, третьи придерживаются мнения, что специфический характер последствий, с неизбежностью вытекающих из явно неправомερных действий, «исключает возможность признания того, что к последствиям лицо может относиться неосторожно, тем более эта форма вины не может лечь в основу определения психического отношения преступника к содеянному в целом»¹⁰¹. Ни одна из этих позиций не может быть принята безоговорочно, хотя в каждой есть рациональное зерно. Сторонники первой точки зрения правы в том, что преступления, предусмотренные статьями 170 и 171 УК РСФСР, являются в целом не неосторожными, а умышленными, на что не раз указывали высшие судебные органы СССР и РСФСР¹⁰². Со сторонниками второй точки зрения можно согласиться в том, что отношение ви-

⁹⁹ См.: Сахаров А. Б. Ответственность за должностные злоупотребления. — С. 116—117; Лысов М. Д. Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. — Казань, 1972. — С. 138; Светлов А. Я. Указ. соч. — С. 61.

¹⁰⁰ См.: Владимиров В. А., Кириченко В. Ф. Должностные преступления. — М., 1965. — С. 7; Соловьев В. И. Борьба с должностными злоупотреблениями, обманом государства и приписками. — М., 1963. — С. 96; Здравомыслов Б. В. Указ. соч. — С. 28; Курс советского уголовного права. Т. 4. — ЛГУ. — С. 258—260; Курс советского уголовного права. Т. 6. — М., 1971. — С. 40.

¹⁰¹ Галахова А. В. Превышение власти и служебных полномочий. — М., 1978. — С. 62.

¹⁰² См., например: Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1970. — № 6. — С. 36; Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1976. — № 10. — С. 8.

нового к указанным в законе последствиям может быть не только умышленным, но и неосторожным. Ведь закон говорит не об умышленном причинении вреда перечисленным благам, а только об умышленном совершении действий, противоречащих интересам службы, поэтому было бы ошибочным автоматически распространять умысел и на последствия. Умышленный характер этих преступлений определяется умышленной формой вины при посягательстве на основной непосредственный объект. В соответствии с принципом виновной ответственности ущерб дополнительному объекту вменяется только при виновном причинении, однако виновное отношение к нему не обязательно должно быть умышленным, то есть совпадать с формой вины при посягательстве на основной объект. Форма вины по отношению к ущербу, причиняемому дополнительному объекту, может быть как умышленной, так и неосторожной, но на квалификацию преступления это не влияет, поскольку умышленный характер преступления в целом определяется умышленным характером посягательства на основной объект. Поэтому следует согласиться с мнением о том, что ответственность по ст. 171 УК РСФСР наступает «независимо от психического отношения к наступившим последствиям»¹⁰³, то есть независимо от формы вины по отношению к ним.

По структуре состава с упомянутыми должностными преступлениями сходно и самоуправство (ст. 200 УК РСФСР). По УК 1926 г. самоуправство считалось оконченным преступлением в момент самовольного осуществления своего действительного или предполагаемого права, поскольку состав конструировался как формальный. На этом основании ученые делали вывод, что данное преступление может совершаться только с прямым умыслом. Подобные утверждения преобладают и в современной юридической литературе, хотя конструкция самоуправства изменилась. По действующему законодательству уголовная ответственность за самоуправство наступает только в тех случаях, когда причиняется существенный вред гражданам либо государственным или общественным организациям. Характеризуя состав преступления как материальный, О. Ф. Шишов делает вывод, что оно «может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом, а иногда — и с преступной самонадеянностью и небрежностью»¹⁰⁴. Но данный состав преступления вряд ли можно считать материальным в строгом значении этого понятия, которое было создано применительно к однообъектным преступлениям. Под материальными принято понимать такие составы преступления, в объективную сторону которых входят последствия в виде причинения вреда объекту преступления, то есть тому общественному отношению, для защиты которого издана соответствующая уголовно-правовая норма. В диспозиции же ст. 200 УК РСФСР последствия состоят в причинении вреда не основному, а дополнительному объекту. Причинение этих последствий является обязательным условием, с которым

¹⁰³ Галахова А. В. Указ. соч. — С. 63.

¹⁰⁴ Курс советского уголовного права. Т. 6. — М., 1971. — С. 233.

связывается уголовная ответственность, и психическое отношение к ним не может определять форму вины данного преступления в целом. Законодательная характеристика самоуправства как самовольных действий «свидетельствует о стремлении законодателя расценивать... это деяние... в качестве преступного лишь при наличии умысла»¹⁰⁵. Форма вины в этом преступлении определяется тем, что виновный сознает самовольный, то есть противоречащий установленному порядку, характер осуществления своего действительного или предполагаемого права и желает добиться его осуществления именно таким путем. Умышленный характер посягательства на основной объект (порядок управления) делает самоуправство умышленным преступлением. Отношение к последствиям, ущемляющим дополнительный объект, может быть различным, но на квалификацию никак не влияет. Разумеется, это правило действует лишь при условии, что вред, причиняемый дополнительному объекту, по степени общественной опасности не превышает вреда от посягательства на основной объект. В противном случае дополнительный объект, как более ценный, превратится в основной, что повлечет дополнительную квалификацию. Так, если самоуправство сопровождается умышленным уничтожением государственного имущества, деяние должно квалифицироваться по совокупности ст. 98 и ст. 200 УК РСФСР.

Таким образом, в двуобъектных преступлениях с рассматриваемой структурой состава причинение вреда дополнительному объекту играет роль ограничительного условия, с наличием которого связывается уголовная ответственность. Эти преступления характеризуются умышленной виной, определяемой психическим отношением к посягательству на основной объект. Форма вины по отношению к посягательству на дополнительный объект в таких преступлениях может быть любой, но на форму вины преступления в целом она не влияет.

Двуобъектные преступления с основным и факультативным объектами характеризуются тем, что факультативный объект всегда представляет собой менее ценное благо по сравнению с основным объектом. Причинение вреда факультативному объекту является более или менее типичным, но не обязательным результатом данного преступления. Так, хулиганство нередко, хотя и не всегда, сопровождается применением насилия, причинением имущественного вреда и т. п. При этом простое хулиганство охватывает применение насилия, не связанного с причинением расстройства здоровья потерпевшему, а злостное хулиганство — и насилие, повлекшее причинение легких с расстройством здоровья или менее тяжких телесных повреждений. Что же касается причинения тяжких телесных повреждений, то они выходят за рамки злостного и даже особо злостного хулиганства и требуют дополнительной квалификации по ст. 108 УК РСФСР¹⁰⁶.

В двуобъектных преступлениях с основным и факультативным объектами умышленная вина при посягательстве на основной объект может сочетаться с любой формой вины относительно причинения вреда факультативному объекту, но виновное отношение к посягательству на факультативный объект, как и виновное отношение к любомуотягчающему обстоятельству, не может влиять на форму вины преступления в целом.

Например, оказание сопротивления представителю власти или представителю общественности при выполнении ими обязанностей по охране общественного порядка, соединенное с насилием, характеризуется только умышленной виной, так как субъект сознает, что оказывает насильственное сопротивление названным лицам при выполнении ими обязанностей по охране общественного порядка, и желает оказать им такое сопротивление при указанных обстоятельствах. При этом потерпевшему могут быть причинены легкие телесные повреждения, отношение к которым может быть как умышленным, так и неосторожным, но на умышленный характер преступления в целом это никак не влияет.

¹⁰⁵ Курс советского уголовного права. Т. 4. — ЛГУ. — С. 540.

¹⁰⁶ См.: Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. — С. 112.

жания и направленности умысла, цели и мотивов преступления»¹⁰⁸.

Квалифицирующее значение вины обусловлено тем, что в ряде случаев законодатель дифференцирует уголовную ответственность и наказание в зависимости от формы вины. Умышленное совершение деяния влечет одну квалификацию, а неосторожное его совершение — другую. Например, умышленное уничтожение имущества, умышленное причинение тяжких или менее тяжких телесных повреждений влечет ответственность по ст.ст. 98, 149, 108, 109 УК РСФСР, а те же деяния, совершенные по неосторожности, квалифицируются по ст.ст. 99, 150, ч. 1 или ч. 2 ст. 114 УК РСФСР.

Велико значение вины и для индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

«Общественно опасное поведение является формой реализации отрицательного отношения личности к интересам общества»¹⁰⁹, поэтому в степени вины выражается различная глубина и стойкость такого отношения. Умышленное совершение преступления свидетельствует о большей степени вины, чем совершение того же деяния по неосторожности, поскольку «в умысле в наибольшей степени проявляются отрицательное отношение лица к интересам общества, нарушаемым его деянием, его антиобщественные установки»¹¹⁰. Степень вины может различаться в рамках одной и той же формы, а порой — и одного вида вины. Например, предумышленное преступление, соединенное с особым коварством или особой изощренностью, свидетельствует о большей глубине антиобщественных установок виновного, чем то же деяние, но совершенное по внезапно возникшему побуждению и носившее в известной мере ситуационный характер.

Форма и степень вины существенно влияют на решение вопроса об индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Они обязательно принимаются во внимание при освобождении виновного от уголовной ответственности по основаниям, изложенным в ст. 50 УК РСФСР, при применении условного осуждения, при применении принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетним, при отсрочке исполнения приговора с осуждением к лишению свободы. Форма и степень вины учитываются не только при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности или от наказания, но и при избрании вида и размера наказания, назначаемого с реальным исполнением. Закон обязывает суды учитывать степень общественной опасности деяния и личности подсудимого. Но опасность деяния в небольшой степени определяется характером и степенью вины субъекта, а в личности непосредственно концентрируются те антисоци-

¹⁰⁸ Обзор кассационной и надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР за 1985 год // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1986. — № 9. — С. 12.

¹⁰⁹ Дагель П. С. Установление уголовной наказуемости с учетом субъективной стороны общественно опасных деяний // Основные направления борьбы с преступностью. — М., 1975. — С. 130.

¹¹⁰ Там же. — С. 132.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Под уголовно-правовой виной понимается вина в совершении уголовно наказуемого деяния. Но преступление и связанные с ним явления изучаются не только уголовно-правовой, но и другими отраслевыми юридическими науками. Поэтому значение вины как категории уголовного права выходит далеко за рамки уголовного права. Можно говорить не только об уголовно-правовом, но также и о пенитенциарном, криминологическом и гражданско-правовом значении вины, проявленной в конкретном преступлении¹⁰⁷.

а) Уголовно-правовое значение вины

Об уголовно-правовом значении вины можно ставить вопрос в нескольких аспектах.

Прежде всего, вина является признаком состава преступления, а значит, одним из элементов основания уголовной ответственности. Эта функция вины прямо определена в ст. 3 Основ уголовного законодательства, в соответствии с которой без вины невозможны уголовная ответственность и наказание. Поэтому ст. 303 УПК РСФСР обязывает суд обсудить вопросы не только о том, было ли подсудимым совершено уголовно наказуемое деяние (п.п. 1—3), но и о том, виновен ли подсудимый в его совершении (п. 4). Признание лица виновным предполагает точное установление формы и вида вины, что в свою очередь является предпосылкой правильной квалификации деяния и назначения наказания. Отмечая, что в 1985 г. Верховный Суд РСФСР отменил и изменил значительное количество приговоров ввиду неправильного применения уголовного закона, названный суд обратил особое внимание на то, что «ошибки в правовой оценке преступлений допускаются, как правило, ввиду недостаточно тщательного исследования субъективной стороны состава преступления (содер-

¹⁰⁷ Некоторыми учеными выделяется также процессуально-криминалистический аспект проблемы вины (См.: Дагель П. С., Михеев Р. И. Указ. соч.; Петелин Б. Я. Методы установления вины // Советское государство и право. — 1983. — № 10. — С. 85—90).

альные взгляды, качества и привычки, из которых формируется отрицательное, невнимательное или недостаточно бережное отношение субъекта к важнейшим социальным ценностям. Поэтому вина существенно влияет на решение вопроса об избрании вида и размера наказания каждому подсудимому.

б) Пенитенциарное значение вины

Прежде всего, форма и степень вины определяют различное соотношение элементов кары и воспитания по отношению к осужденному. «В большинстве случаев лица, совершившие преступления по неосторожности, в меньшей степени нуждаются в исправлении и перевоспитании, чем лица, совершившие преступления умышленно»¹¹¹. Поэтому наказания с небольшой карательной нагрузкой чаще применяются за неосторожные преступления, чем за умышленные.

Форму и степень вины необходимо учитывать и при определении вида исправительно-трудового учреждения лицам, осуждаемым к лишению свободы. Лица, совершившие преступления умышленно, и лица, совершившие преступления по неосторожности, обладают различной опасностью для общества и нуждаются в различном карательно-воспитательном воздействии, достаточном для исправления и перевоспитания. С учетом этого, а также во избежание отрицательного влияния лиц, совершивших умышленные преступления, на лиц, осужденных за преступления, совершенные по неосторожности, в 1977 г. в уголовное и исправительно-трудовое законодательство были внесены важные изменения. Лицам, впервые осуждаемым к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности, назначалось отбывание наказания в специально созданных колониях-поселениях для лиц, совершивших преступления по неосторожности, если срок назначенного наказания не превышал пяти лет. В этих же ИТУ отбывали наказание лица, осужденные впервые к лишению свободы на срок свыше пяти, но не более десяти лет за преступления, совершенные по неосторожности, которым колония-поселение назначалась вместо ИТК общего режима в порядке применения ч. 7 ст. 24 УК РСФСР.

Практика применения новых положений действующего законодательства подтвердила обоснованность раздельного содержания осужденных за умышленные и осужденных за неосторожные преступления. Однако выявилась и непоследовательность этого решения, которая состояла в установлении максимального пятилетнего срока, в пределах которого осужденные за неосторожные преступления могли направляться в колонии-поселения. «Изучение практики исполнения лишения свободы в отношении лиц, совершивших преступления по неосторожности, показало, что содержать эту категорию правонарушителей, даже если они осуждены

¹¹¹ Гриндорф А. П. Ответственность за неосторожные преступления в советском уголовном праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1977. — С. 8.

к лишению свободы на срок свыше пяти лет, вместе с осужденными за совершение умышленных преступных деяний в охраняемых колониях нецелесообразно, поскольку по характеристике личности и возможности их исправления они практически не отличаются от осужденных за такие же преступления на срок не свыше пяти лет, отбывающих лишение свободы в специально предназначенных для упомянутой категории лиц колониях-поселениях»¹¹². Отмеченный недостаток был устранен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 апреля 1985 г., внесшим требуемые изменения в ст. 23 Основ уголовного законодательства. На основании ныне действующего законодательства лица, впервые осужденные к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности, отбывают наказание в колониях-поселениях для лиц, совершивших преступления по неосторожности, независимо от срока наказания. По действующему законодательству для отбывания лишения свободы создан еще один вид колоний-поселений — для лиц, совершивших умышленные преступления. В них отбывают наказание лица, впервые осужденные к лишению свободы за умышленные преступления, не являющиеся тяжкими, исчерпывающий перечень которых содержится непосредственно в законе (абз. 3 ч. 4 ст. 24 УК РСФСР). Таким образом, назначение двух видов исправительно-трудовых учреждений для отбывания лишения свободы самым непосредственным образом связано с формой вины. Кроме того, только при осуждении за умышленные преступления может назначаться лишение свободы с отбыванием в тюрьме, в исправительно-трудовых колониях усиленного и особого режима. ИТК общего режима также назначается, по общему правилу, только при осуждении за умышленные преступления.

Отмечая то большое внимание, которое уделяется законодателем учету формы вины при определении вида исправительно-трудового учреждения для отбывания лишения свободы, следует сказать, что этот вопрос решен в законе не до конца. В соответствии с абзацем 7 ч. 4 ст. 24 УК РСФСР в ИТК строгого режима направляются лица, отбывающие лишение свободы повторно. Поскольку закон не говорит о форме вины совершаемых преступлений, то значит, что в ИТК строгого режима совместно отбывают наказание лица, дважды осужденные к лишению свободы за умышленные преступления, дважды — за неосторожные, а также — один раз за умышленное, а другой — за неосторожное преступление (в любой последовательности). Думается, что такое решение вопроса не соответствует ни тяжести преступлений, ни опасности осужденных при различии в форме вины. Поэтому целесообразно дополнить в абзаце 4 ч. 4 ст. 24 УК РСФСР перечень категорий осужденных, отбывающих лишение свободы в ИТК общего режима, указанием на лиц, повторно осуждаемых к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожност-

¹¹² Шаров И., Пономарев П. Новое в уголовном и исправительно-трудовом законодательстве // Советская юстиция. — 1985. — № 14. — С. 13.

ти. Соответственно желательно изменить редакцию абзаца 6 ч. 4 этой статьи, уточнив, что в ИТК строгого режима отбывают наказание лица, ранее отбывавшие лишение свободы за умышленные преступления. Соответствующее изменение было бы логичным и в тексте ст. 62 ИТК РСФСР.

Одним из принципиальных требований советского исправительно-трудового права является раздельное содержание осужденных в зависимости от числа судимостей, характера и тяжести совершенных преступлений, пола и возраста осужденных (ст. 13 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик). К этому следовало бы добавить раздельное содержание осужденных в зависимости от формы вины, с которой было совершено преступление. Раздельное содержание лиц, отбывающих лишение свободы за неосторожные преступления, от остальных осужденных было закреплено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г. и подтверждено и развито Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 апреля 1985 г. Действующее законодательство устанавливает, что лица, впервые осужденные к лишению свободы за неосторожные преступления, и лица, впервые осужденные к лишению свободы на срок не свыше пяти лет за умышленные преступления, не являющиеся тяжкими, отбывают наказание в разных колониях-поселениях. Для более последовательного соблюдения принципа раздельного содержания осужденных следовало бы в ст. 13 Основ исправительно-трудового законодательства (ст. 18 ИТК РСФСР) закрепить в общей форме требование о раздельном содержании лиц, отбывающих лишение свободы за неосторожные преступления, от остальных осужденных. Это имело бы немалое практическое значение при применении ч. 7 ст. 24 УК РСФСР, для организации отбывания наказания в женских ИТК и в ВТК.

Различие в форме и степени вины предопределяет и различные перспективы исправления и перевоспитания осужденных. «С психологической характеристикой неосторожного деяния должен соотноситься исправительно-воспитательный режим, применяемый в отношении неосторожного правонарушителя»¹¹³. Различные перспективы исправления и перевоспитания обуславливают индивидуализацию в применении основных средств исправительно-трудового воздействия к различным категориям осужденных. В исправлении и перевоспитании лиц, отбывающих наказание за неосторожные преступления, воспитательные элементы преобладают над карательными.

Возможность более эффективного и быстрого исправления и перевоспитания лиц, отбывающих лишение свободы за неосторожные преступления, обосновывает более льготные основания применения условно-досрочного освобождения от наказания и замены наказания более мягким. Во-первых, условно-досрочному освобож-

дению от наказания и замене наказания более мягким подлежат все без исключения лица, осужденные к наказаниям исправительно-трудового характера за неосторожные преступления, тогда как в отношении осужденных за умышленные преступления закон знает целый ряд исключений. Во-вторых, все лица, отбывающие наказания за неосторожные преступления, могут быть условно-досрочно освобождены после фактического отбытия половины назначенного срока наказания, а лица, отбывающие наказание за умышленные преступления, подлежат условно-досрочному освобождению по отбытии 1/2; 2/3 или 3/4 назначенного срока наказания.

Пенитенциарное значение вины определяется ее социально-политической сущностью. Чем более глубоки и стойки антисоциальные установки осужденного, его отрицательное, пренебрежительное или недостаточно уважительное отношение к ценностям советского общества, тем длительнее процесс исправления и перевоспитания, тем строже режим отбывания наказания, тем жестче условия труда.

в) Криминологическое значение вины

Советскими юристами неоднократно указывалось на неразрывную связь вины с личностью преступника. «Именно в вине выявляется вовне общественная опасность преступника, его способность сознательно или по невнимательности причинить вред интересам социалистического общества»¹¹⁴. Этим определяется прогнозирующее значение вины. Вина — это показатель объективированной в преступлении антисоциальной установки личности и в то же время основание для предположения о возможном варианте поведения данного лица при определенных обстоятельствах в будущем. Вина конкретного лица в совершении определенного преступления с учетом данных об исправлении ценностных ориентаций этого лица в процессе исполнения наказания может служить основанием для построения вероятностного прогноза индивидуального преступного поведения. Такой прогноз важен, в частности, для борьбы с рецидивом неосторожных преступлений, представляющим собой явление, почти не исследованное советскими криминологами.

С прогнозирующим значением вины тесно связано и ее профилактическое значение. Вина является показателем общественной опасности личности правонарушителя, поэтому она, с одной стороны, свидетельствует о характере и стойкости ценностных ориентаций субъекта, а с другой стороны, указывает, по каким каналам и какими методами возможно воздействие на виновного с целью исправления его неправильного отношения к социальным ценностям. Кроме того, вина является одним из оснований для классификации преступников (например, лица, виновные в со-

¹¹³ Урехелидзе М. Г. Природа неосторожного поведения в свете советской психологии // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью в условиях научно-технической революции. — С. 20.

¹¹⁴ Дагель П. С. Вина и личность преступника. — С. 130.

вершении умышленных, в частности корыстных, насильственных и иных преступлений, бытовых неосторожных, производственных неосторожных преступлений и т. д.). Изучение и обобщение антисоциальных взглядов, качеств и привычек лиц, совершающих определенные категории преступлений, позволит разработать систему профилактических мероприятий, охватывающих численно значительные группы правонарушителей.

Определенный интерес представляет криминологическое изучение отдельных форм вины. В настоящее время наблюдается тенденция к ликвидации отставания в изучении неосторожной преступности от изучения преступности умышленной. Обострение проблемы неосторожной преступности в условиях ускорения технического прогресса вызвало заметное усиление интереса к изучению криминологического аспекта неосторожной преступности. Ее изучение началось, естественно, с состояния, структуры и динамики неосторожной преступности, и здесь уже получены известные результаты. Но причины неосторожных преступлений исследованы еще далеко недостаточно. Думается, что практическую значимость первоначально может иметь вопрос о причинах отдельных категорий неосторожных преступлений, а профилактическая деятельность может быть эффективной лишь в том случае, если она направлена на предупреждение конкретных групп неосторожных преступлений на основе уяснения присущих этим группам закономерностей (например, предупреждение автотранспортных преступлений, преступно-небрежного использования или хранения сельскохозяйственной техники, халатности и т. д.). Поэтому заслуживают полной поддержки попытки классификации неосторожных преступлений по различным криминологическим показателям¹¹⁵.

г) Гражданско-правовое значение вины

Установление вины, ее формы, вида и степени имеет значение не только для уголовной ответственности за совершенное преступление, но и для решения вопроса о возмещении имущественного ущерба, причиненного преступлением. Гражданский иск, предъявленный в уголовном деле в соответствии со ст. 29 УПК РСФСР, подлежит удовлетворению только при умышленном или неосторожном причинении вреда. При частичном возмещении причиненного ущерба размер возмещения в значительной мере зависит от степени вины причинителя вреда. Например, при рассмотрении гражданского иска в уголовном деле о гибели рыболовного траулера, стоимость которого превышала 100 тысяч рублей, суд решил взыскать с виновных лиц соответственно 1000, 1500 и 3000 рублей в зависимости от степени вины каждого из подсудимых.

¹¹⁵ См., например: *Дагель П. С.* Неосторожная преступность и ее общественная опасность в условиях научно-технической революции. — С. 12; он же: *Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы.* — С. 17—18. *Гриндорф А. П.* Указ. соч. — С. 9.

Статья 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик предусматривает право граждан на обращение в суд с иском о защите чести и достоинства. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 17 декабря 1971 г. «О применении в судебной практике ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о защите чести и достоинства граждан и организаций» дал следующее разъяснение: «В случае, когда действия лица, распространяющего порочащие другое лицо измышления, содержат признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 130 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, потерпевший вправе просить суд привлечь виновного к уголовной ответственности (ст. 27 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик) либо предъявить иск о защите чести и достоинства в порядке гражданского судопроизводства»¹¹⁶. Следовательно, виновность лица в распространении клеветнических измышлений может повлечь для него не только уголовную ответственность, но и гражданско-правовые последствия в виде обязанности указанным судом способом и в указанный срок опровергнуть порочащие сведения.

Изложенные соображения о значении вины являются лишним подтверждением того, что проблема вины — это общеправовая проблема, важная для всех отраслей советского социалистического права.

¹¹⁶ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924. — 1973. — М., 1974. — С. 86.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Раздел первый. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ВИНЫ</i>	
Глава I. Умысел	
§ 1. Сознание как элемент умысла	10
§ 2. Предвидение как элемент умысла	17
§ 3. Сущность и предмет желаний в умышленных преступлениях	21
§ 4. Сущность и предмет сознательного допущения в умышленных преступлениях	26
§ 5. Классификация видов умысла	30
§ 6. Способы законодательного описания умышленных преступлений	42
Глава II. Неосторожность	
§ 1. Преступная самонадеянность (интеллектуальный элемент)	55
§ 2. Преступная самонадеянность (волевой элемент)	60
§ 3. Преступная небрежность и ее критерии	63
§ 4. Вопрос об иных видах неосторожности	73
§ 5. Общая характеристика неосторожности	77
Глава III. Понятие и значение вины	
§ 1. Вина и состав преступления	79
§ 2. Содержание, форма, объем вины	87
§ 3. Социальная сущность вины	91
§ 4. Степень вины	98
§ 5. Оценочные элементы вины	103
<i>Раздел второй. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВИНЫ</i>	
Глава I. Вина и вопросы Общей части уголовного права	
§ 1. Вина в предварительной преступной деятельности	108
§ 2. Вина при соучастии в преступлении	116
§ 3. Роль вины в индивидуализации уголовной ответственности и наказания	123
§ 4. Обстоятельства, исключющие вину	131
Глава II. Вина в нормах Особенной части уголовного законодательства	
§ 1. Вина в преступлениях, состав которых включает специальные цель и мотив	137
§ 2. Вина в преступлениях с формальным составом	144
§ 3. Вменение квалифицирующих признаков. «Смешанная форма вины»	151
§ 4. Вина в преступлениях с двумя объектами	166
Заключение	178

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ РАРОГ

ВИНА В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Редактор **В. П. Владимиров**

Технический редактор **Н. И. Добровольская**

Корректор **Г. В. Хитрова**

ИБ № 2873

Сдано в набор 24.07.87. Подписано к печати 9.12.87. НГ22382 Формат 60×90¹/₁₆.
 Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Пачать высокая. Усл. печ. л. 12,00.
 Уч.-изд. л. 12,8. Тираж 1500 экз. Заказ 2039. Цена 1 р. 90 к.

Издательство Саратовского университета. 410601, Саратов, Университетская, 42

Типография ВНИИТЭМР, 142002, г. Щербинка ул. Типографская д. 10.